

5-6
2009

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. **Выжить и победить.** Рассказ 3
Александр БАРКОВ. **Следы на песке.** Рассказ 49

ПОЭЗИЯ

Виктор КИРЮШИН. **Капли на ветле.** Стихи 80
Евгений СЕМИЧЕВ. **Провинциальное время.**
Стихи 84
Николай НЫРКОВ. **Души коснется Русь.** Стихи 89
Стихи поэтов России 93

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр НАГОРНЫЙ, Николай КОНЬКОВ.
Анатомия кризиса 100
Юзеф КОВАЛЬЧУК. **Диверсия и вредительство
под видом рыночных реформ** 110
Олег ПЛАТОНОВ. **Русское сопротивление грядущему
антихристу.** Окончание 119

Николай КОНЯЕВ. **Дорога на Север** 133

ДОСЬЕ «МГ»

Марат КАЛАНДАРОВ. **Виза в пучину.**
Продолжение 145

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Дмитрий ЩЕЛОКОВ. **Рассказы** 167

Евгения ТИДЕМАН. **Стихи** 197

Анна КАНАТЬЕВА. **Стихи** 201

Елена ДЕВЯТОВА. **Рассказ** 203

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Евгений ПОЗДНИН. **Загадки скифов** 211

Сергей РОДИН. **Иуда и Мазепа как символы
самосознания «украинцев». Окончание** 218

Валерий ШАМБАРОВ. **О чем поведали святые
Петр и Феврония** 265

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Л. ЯКОВЕНКО. **Нужна справедливость** 276

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Александр РАКОВ. **Знаки припоминая** 279

ВЫЖИТЬ И ПОБЕДИТЬ

РАССКАЗ

Отдельный танковый батальон майора Вологжина еще в начале мая был придан пехотной дивизии, которая занимала оборону примерно в десяти километрах от фронта.

Командир дивизии полковник Каплунов, низкорослый, плотный, наголо обритый, с щегольской щеточкой усов над полными губами, как только Вологжин представился и доложил о прибытии батальона, нетерпеливо передернул тугими плечами, ткнул пальцем в карту, разложенную на столе, и приказал, глядя снизу вверх на рослого Вологжина маленькими черными угольками глаз:

— Танки повзводно рассредоточить по пехотным батальонам. Вашим коробочкам отводится роль огневых точек. Распорядитесь, майор, чтобы ваши люди каждую ночь на отведенных им участках зарывали и маскировали по одному взводу танков. Зарываться в землю так, чтобы ни снизу, ни сверху вас не было видно. И чтобы днем ни-ка-ко-го дви-же-ния! — произнес комдив по слогам и при этом погрозил пальцем. — Вам все ясно?

ПРОЗА

— Так точно, товарищ полковник! — вытянулся Вологжин, прижав руки к бедрам.

— Вопросы есть?

— Никак нет.

— Тогда идите и выполняйте. Через неделю проверю.

— Есть! — откликнулся Вологжин, повернулся кругом и вышел из командирской землянки.

Собственно говоря, ему ничего не было ясно, кроме одного: зарыться в землю. А зачем зарываться в десяти километрах от фронта — это забота начальства. Может, просто учения такие — мало ли их было! — может, ожидается крупное наступление немцев, о чем уже судачит «солдатское радио»; может, ничего не ожидается, а так, на всякий случай. Да и танки в его батальоне в основном старой конструкции, а тридцатьчетверок всего один взвод, и пока стояли в тылу, Вологжин тренировал на них все экипажи, в надежде, что придут новые машины. Но новые машины так и не пришли.

Впрочем, воевать можно и на старых... если с умом. Тем более что у его «бэтэшек» пушки калибра семидесяти шести миллиметров. Правда, с короткими стволами, следовательно, с низкой начальной скоростью снаряда. Однако гусеницу порвать могут вполне, хоть у того же «тигра», а потом пару снарядов в моторную часть — и «Гитлер капут!». У немцев старья тоже сколько угодно, и они при атаке держат это старье во второй линии, а впереди идут «тигры», которых даже тридцатьчетверки не берут в лоб из своих длинноствольных орудий. Разве что подкалиберным. Короче говоря, что есть, тем и надо воевать. Но как он будет командовать своим батальоном, если его танки придется раскидывать друг от друга иногда на расстояние в километр и более? Не получится ли так, что он вообще останется не у дел? Однако задавать подобный вопрос командиру дивизии не имело смысла. Тем более что ему сказали, срочно вычленив батальон из состава бригады, стоящей в резерве, что батальон поступает в распоряжение командира пехотной дивизии. А хозяин, как известно, барин.

И Вологжин занялся устройством своего батальона в соответствии с планом, который ему был предоставлен в штабе дивизии.

Майские ночи не больно-то длинны, и чем дальше, тем короче, но Вологжин приказал натягивать маски-

ровочные сети и рыть капониры для танков под их прикрытием даже и в светлое время суток. На оборудование взводных позиций он собирал танкистов почти со всего батальона, посылал землекопами писарей и ремонтников, то есть всех более-менее свободных людей, и за ночь они успевали-таки зарыть несколько танков в землю по самые башни, сверху накрыть навесами из бревен, на бревна уложить свежий дерн и посадить кусты, чтобы ни шелочки видно не было, ни свежей земли. И когда весь батальон был зарыт, Вологжин приказал произвести пристрелку по ориентирам — но так, чтобы не попасть под фотокамеру «костылей», которые кружили в небе, надоедливо зудя, что слепень или овод.

Оборона строилась «гнездами» по фронту и в глубину: два-три танка, батарея противотанковых орудий, несколько минометов, пара дотов с круговым обстрелом, окопы для пехоты в две-три линии, многочисленные ходы сообщения — и все это с навесами, с тщательной маскировкой. А днем все замирало, и не дай бог кому-то взбредет в голову вылезти из укрытия — выговоров от начальства не оберешься. Похоже, действительно готовились к чему-то очень серьезному. Это было заметно еще и потому, что наезжало иногда по пяти генералов и более, и все в солдатских плащ-накидках с капюшонами и в пилотках, хотя, как ни маскируй, видно издалека.

Побывали проверяющие и на позициях, занимаемых одним из взводов танкового батальона майора Вологжина. Кто такие, не представились, но, видать, шишки большие, если командир дивизии, низкорослый и широкий, тянулся перед ними стрункою, как иной комвода не тянется перед тем же командиром дивизии.

Один из генералов, высокий и мордастый, в расстегнутом плаще, чтобы видны были его регалии, обратился к Вологжину со своими въедливыми вопросами:

— Как вы, командир, собираетесь командовать своим батальоном?

— Никак, товарищ генерал! — отчеканил Вологжин. — Я подчиняюсь командиру дивизии, в боевой обстановке — командиру полка, командиры танковых рот и взводов — комбатам и командирам стрелковых рот, на позициях которых стоят их танки. И так все экипажи батальона. В резерве у меня взвод из четырех танков, — это на тот случай, если противник прорвет наши позиции в

каком-нибудь месте. У нас приказ, товарищ генерал: драться до последнего снаряда там, где стоим! — закончил Вологжин, глядя в спокойные серые глаза генерала своими тоже серыми, но дерзкими глазами.

— А если поступит приказ собрать батальон вместе и контратаковать прорвавшегося противника?

— Такой вариант, насколько мне известно, не предусмотрен, товарищ генерал. Но на крайний случай — посредством радиосвязи. — И пояснил, видя вопрошающий взгляд генерала: — Почти на всех танках есть ракеты, товарищ генерал: недавно поставили. Остается лишь назначить пункты сбора в зависимости от обстановки. Но бой, к которому мы готовимся, вряд ли позволит это сделать.

— Что ж, задачу свою знаете, — скупно похвалил генерал. И, кивнув на ордена Вологжина, спросил: — Где успели повоевать?

— Начинал на Юго-Западном фронте, товарищ генерал. Потом на Западном. Сюда, на Воронежский, попал после госпиталя.

— Что ж, желаю успеха, майор, — произнес генерал и пожал Вологжину руку.

— Кто такой? — спросил Вологжин, прихватив рукав командира дивизионной разведки, когда генералы один за другим потянулись с наблюдательного пункта командира пехотного полка.

— Начгенштаба Василевский, — ответил разведчик шепотом и пошевелил нетерпеливо плечами.

— А второй? — не отпустил рукава Вологжин.

— Комфронта Ватутин.

После этого Вологжин окончательно уверовал, что войска готовятся к большим боям.

Миновал май, подходил к концу июнь, а на фронте никаких перемен. Правда, и в мае, и в июне раза по два объявляли боевую готовность номер один, но то ли разведка ошибалась, предполагая близкое немецкое наступление, то ли немцы откладывали наступление, а только все заканчивалось тем, что постреляют немецкие пушки, налетит их авиация, побомбит, но трудно понять, по видимым целям стреляют и бомбят или наоборот Лазаря. Потом пролетят наши самолеты в сторону фронта, там, слышно, погромыкает — вот и вся война. Даже тошно становится от такой войны. Ладно бы на

чужой территории сидели, а то на своей, и столько земли под немцем, столько людей. И чего ждать, спрашивается? Не хотят немцы наступать, значит, дрейфят после Сталинграда, значит, надо наступать самим. Но и на других фронтах, если верить радио и газетам, тоже идут бои местного значения, как и здесь, на Воронежском... Однако командованию сверху, как говорится, виднее, что и когда делать, и майору Вологжину остается только ждать приказа.

* * *

Сталин повернулся к Жукову и, поведя трубкой по карте, заговорил своим глуховатым, а на этот раз, как показалось Жукову, еще и сварливым голосом:

— Вот вы, товарищ Жуков, уверяете, что немцы непременно должны наступать на так называемом Курском выступе. Июнь заканчивается, а наступления все нет и нет. А не может так случиться, что они этим летом вообще откажутся от решительных действий на советско-германском фронте, сосредоточив свои усилия на Западе?

Жуков ожидал подобного вопроса. Он и сам не раз задавал его себе, недоумевая, почему немцы, сосредоточив против армий Воронежского, Центрального и Брянского фронтов такие силы, не используют эти силы по назначению. Агентурная разведка уже дважды докладывала о возможности наступления то в конце мая, то в начале июня. По последним данным, наступление перенесено на конец июня. Но почему? Ни пленные, даже весьма осведомленные, ни партизаны, ни агентурная разведка ответа на этот вопрос не дают. Повторяется ситуация сорок первого года. С той лишь разницей, что все знают о возможности и неизбежности немецкого наступления, все к нему готовы и продолжают готовиться, неожиданности не будет в любом случае, а наступления нет и нет. Что это — очередная уловка? Но с какой целью?

— Я думаю, товарищ Сталин, — заговорил Жуков в своей обычной манере, четко разделяя слова, — что немецкое наступление неизбежно. Они слишком долго к нему готовились, стянули к Курскому выступу огромные силы, они не могут не наступать. Вопрос заключается в том, когда наступление начнется. Я думаю... Я

уверен, — поправился он, — что теперь очень скоро. Потому что держать в напряжении такие силы — себе же во вред. Правда, они заставляют и нас понервничать, но я думаю, что мы выиграем эту войну нервов.

— Не забывайте, что под пятой оккупантов остались миллионы советских людей. А они тратят не только свои нервы, но и жизни.

— Мы это понимаем, товарищ Сталин. Но если немцы не начнут до середины июля, мы, в соответствии с нашими планами, начнем сами. Но тогда за успех придется заплатить более дорогую цену.

— Что ж, подождем еще, — произнес Сталин раздумчиво и пошел к своему столу. И уже оттуда закончил: — Чего-чего, а ждать мы умеем.

* * *

В эти дни ожидания всех с особенной силой тянуло писать письма. Для этого рядовому составу раз в неделю замполиты раздавали по три линованных листка бумаги, вырванные из блокнотов, химические и простые карандаши из расчета один карандаш на пять человек. Карандаш делили пополам или даже на три части в зависимости от того, какие имелись у кого запасы. Командирам взводов и выше выдавали блокноты: им писать отчеты. Ну и... политинформации, беседы, партийные и комсомольские собрания, и прочее, и прочее — для поднятия духа.

Из дома майору Вологжину писали часто. В основном отец. Иногда приходили письма от старшего брата, воевавшего в Заполярье, от самого младшего — из госпиталя, от сестер. Не было писем лишь от одного из братьев, призванного в августе сорок первого. Ну и, конечно, приходили письма от жены, которую Вологжин отправил к отцу в Череповец за полмесяца до начала войны. Он тогда получил новое назначение, должен был ехать в Киевский особый военный округ, устраиваться на новом месте, а уж потом, когда устроится, вызывать семью. Но... и устроиться не успел, и семью не вызвал — и слава, как говорится, богу, потому что после 22 июня не только о семье, но и о себе не всегда помнил. Так жена и осталась вместе с детьми в Череповце.

Четвертого июля пришла почта, и Вологжину вручили письма от отца и от сестры с лиловыми оттисками «Проверено военной цензурой».

Вологжин развернул треугольничек из одного тетрадного листика в косую линейку, исписанный на одной стороне мелким и аккуратным отцовым почерком. Отец писал, что все живы-здоровы, кланяются, внуки растут, внук — шалун, а внучка — полная ему противоположность: тихая и ласковая; от Сергея пока никаких известий: не ранен, не убит, не пропал без вести — ровным счетом ничего. Может, воюет где-нибудь, откуда не напишешь. Невестка работает на заводе в ОТК, устает, так что не вини ее за редкие письма: я пишу всем и за всех.

И сестра Варвара о том же, хотя живет отдельно от родителей: они в Зашекснинском районе, она — в Заягорбском, поскольку город делится на три части реками Шексна и Ягорба. Череповец, однако, город не шибко большой, но разбросанный, пешком, если постараться, за час обойти можно. А главная Варварина новость — у отца открылось кровохаркание, от работы электросварщиком его отстранили, хотели вообще отправить на пенсию, но он запротестовал — и ему поручили учет заготовок для строящихся и ремонтируемых судов и прочей мелочи, из-за чего он ужасно переживает.

Прочитав письма, Вологжин вздохнул: и отца жалко, и на сердце холодок оттого, что защищает он невестку, как бы успокаивает его, своего сына, что все, мол, нормально и не о чем беспокоиться. Может, и нормально, но все равно обидно: жена все-таки, могла бы писать и почаще.

В день, когда пришла почта, всякие занятия и отлучки из расположения частей были запрещены строго-настрого. Даже переговоры по телефону, не говоря о радио, и те запретили без крайней нужды. И все заметили, что немецкие самолеты-разведчики, не покидавшие небо не только днем, но и ночью, часто сбрасывая осветительные бомбы то в одном месте, то в другом, вдруг исчезли, точно все высмотрели, что надо, а больше высматривать нечего. Правда, с утра на передовой слышна была стрельба, потом над нашими тылами прошли девятки «юнкеров», побомбили, но не с пике, а с пролета, а поскольку наши нигде на их бомбежки не отвечали, то к середине дня на всей линии фронта установилась такая глухая тишина, будто все повымерло. Значит, решил Вологжин, Оно близко и начнется со дня на день или даже с часу на час.

И точно: вечером собрали всех командиров от комбата и выше в штабе дивизии, и сам комдив Каплунов, откашлявшись, заговорил звенящим голосом:

— Я думаю, что многие из вас давно догадались, что поставили нас на эти рубежи не зря. А сегодня могу сказать открыто: в ближайшие день-два ожидается большое наступление немцев, к которому они готовились еще с апреля-мая. Сведения эти окончательные, проверенные и перепроверенные. Но и мы, как вы заметили, тоже не сидели сложа руки. По данным нашей разведки, немцы намерены ударами с севера и юга танковыми и механизированными соединениями подрезать так называемый Курский выступ и окружить войска Центрального и Воронежского фронтов, разгромить их и снова пойти на Москву. Наше командование решило встретить наступление противника глубоко эшелонированной обороной, обескровить танковые дивизии противника, а затем... Ну, что будет затем, этого я не знаю, до этого еще дожить надо. Зато нам известно, что против нашего, Воронежского то есть, фронта будет действовать Четвертая немецкая танковая армия и Оперативная группа под названием «Кэмпф», а также части Восьмой полевой армии, входящие в Группу армий «Юг». Наша с вами задача состоит в том, чтобы встретить врага подобающим образом... — Комдив пошевелил карандаш, лежащий на карте, подозрительно оглядел собравшихся в его блиндаже командиров, зябко передернул плечами и вдруг, побагровев, произнес высоким голосом, точно они, сидящие перед ним командиры, не поверили тому, о чем он им только что говорил: — Стоять насмерть! Продолжать драться даже в окружении! Да! Отход на новые позиции исключительно по приказу командования! Отход или тем более драп с занимаемых позиций — расстрел на месте! Приказ Верховного командования за номером двести двадцать семь никто не отменял... — Помолчал, насупившись, успокоился и снова своим обычным голосом: — Эту установку довести до каждого офицера, до каждого красноармейца. Это все, что я имел вам сказать... Вопросы будут?

Вопросов не было. Да и о чем спрашивать? Не о чем. Все и так ясно и, как теперь казалось каждому из них, ясно было еще месяц и более тому назад.

Майор Вологжин вышел из штабной землянки командира дивизии вместе со своим начальником штаба капитаном Тетеркиным. В закутке, отведенном для курения, они, как и многие другие приглашенные, торопливо выкурили по папиросе перед тем, как отправиться на свои позиции. Курили молча, переваривая сообщение комдива.

Затушив окурок о стену хода сообщения, Вологжин нашел в темноте руку капитана Тетеркина, сжал ее и произнес:

— Пойдем, Виталий, провожу тебя до второй роты.

На выходе из хода сообщения их ожидали четверо автоматчиков из роты прикрытия: ночью командирам строго-настрого было запрещено передвигаться по территории без охраны.

Немецкая разведка шастала по нашим тылам, пытается раскрыть оборону, хватала зазевавшихся командиров и красноармейцев, которых потом находили в бурьяне со следами пыток. По ночам там и сям частенько возникали короткие перестрелки, изредка взлетали осветительные ракеты, заливая окрестности мертвенным сиянием.

Сегодня было тихо, так тихо, что хотелось проверить, не оглох ли ты под грузом навалившегося ожидания.

— Хлебов жалко, — произнес капитан Тетеркин, разминая в руке почти созревший колос. И вздохнул. — Сеяли-сеяли — и все коту под хвост.

— Да, — подтвердил Вологжин, думая о своем. Затем, будто очнувшись, возразил: — Зато они хорошо маскируют позиции.

Вверху вдруг вспыхнул мертвенный свет, и все тут же метнулись в сторону от тропы и упали среди колосьев. Вологжин перевернулся на спину. Над ними, погасив звезды и задумчивую ущербную Луну, повисшую над лесопосадкой, горела голубоватым светом, медленно опускаясь, немецкая «люстра». Она еще не погасла, как раздался нарастающий свист — и шагах, может быть, в ста, не больше, разорвалась мина. За ней еще одна и еще. Просвистели и прожужжали осколки, посыпалась сверху поднятая взрывами труха. Люстра, не долетев до земли, угасла, и снова наступила темнота короткой летней ночи, зажглись на небе звезды, засиял Млечный Путь.

— Меня чего особенно злит, — снова заговорил капитан Тетеркин, — что копали мы тут, копали, готовились-готовились, а немец до нас не доберется. Силища-то какая впереди нас стоит — просто страсть. Мне еще столько противотанковой артиллерии у нас видеть не доводилось. Нам бы столько в июне сорок первого...

— Что об этом говорить! Пустой разговор, — оборвал своего начштаба Вологжин, не любивший отвлеченных разговоров. Тем более что в июне сорок первого артиллерии у нас было всякой выше головы, а чего не было, так это умения ею пользоваться в тех условиях. Как, впрочем, и всем остальным. Но что толку ворошить прошлое? И Вологжин, помедлив, заговорил досадливо: — Дойдут — не дойдут... Даже лучше, если не дойдут. Еще навоюемся: впереди еще вон сколько!

* * *

Пятого утром Вологжина разбудила артиллерийская канонада. Он поднял голову с лежанки, прислушался, затем сел, не спеша намотал портянки на ноги и обулся, подпоясался ремнем и, выбравшись наверх, в ход сообщения, где топтался часовой, задрал голову.

Среди еще не потухших звезд в сторону немецких позиций неслись огненные стрелы, выпускаемые «катюшами»; по всему горизонту севернее позиций, занимаемых дивизией полковника Каплунова, вспыхивали зарницы, и по скрежещущему, булькающему звуку Вологжин определил, что бьет тяжелая артиллерия, бьет откуда-то издалека.

«Так что, — спросил он у себя, потирая руками помятое после сна лицо, — выходит, что мы наступаем, а не немцы? Не похоже. Контрартподготовка? Скорее всего, что так. Как ни болела, а померла, — вспомнил он мрачную поговорку своего отца. И заключил с облегчением: — Началось».

Часы показывали половину третьего ночи.

* * *

Вновь грохот далекой артподготовки докатился до слуха Вологжина в шестом часу утра: долбила немецкая артиллерия, долбила настойчиво, все усиливая и усиливая интенсивность стрельбы, и стрельба эта расплза-

лась по всему горизонту. За два года войны Вологжин привык различать все оттенки ведения огня немецкой, да и своей, артиллерии — и эта стрельба точно была артподготовкой перед наступлением, а не, скажем, перед заурядной атакой местного значения. Он смотрел на часы, положив на артподготовку не более тридцати минут: немцы редко стреляли дольше. Он представил, как там, среди дыма и огня, оглохшие, наши солдаты вжимаются в землю в узких щелях и блиндажах, а в это время немецкие танки уже выходят на исходные рубежи, стараясь как можно ближе подойти к нашим окопам под прикрытием огня своей артиллерии.

Через несколько минут стала отвечать наша дальноточная артиллерия, и почти сразу же на большой высоте появились немецкие самолеты, там и сям застучали зенитки, грохот разрывов бомб и стрельбы покатился в тыл, и вот уже все пространство, покрытое созревающими хлебами, небольшими рощами, оврагами, холмами и крутыми меловыми грядами, извилистыми речушками, заросшими камышом, куда ни глянь, стало затягиваться дымом и пылью.

В семь часов принесли завтрак: пшеничную кашу со «вторым фронтом» и чай. Вологжин ел, хотя есть совсем не хотелось, и думал, как это, однако, странно: кто-то сейчас умирает в муках, а другие, как и он сам, едят кашу в ожидании, когда придет их черед... Черед чего? Смерти? Нового ранения? Не столь уж и важно, чего именно, а важно и удивительно, что все это происходит одновременно: и его отец в это время наверняка тоже завтракает, и жена Вологжина, и дети, и, может быть, сам Сталин, и немецкие генералы, которые послали своих солдат убивать и умирать...

«Что-то сегодня меня с утра тянет на философию, — подумал Вологжин с неудовольствием. — С чего бы вдруг? Из-за письма? Или оттого, что этот вал огня и металла не сегодня, так завтра-послезавтра накроет и меня самого, и моих танкистов».

* * *

Немецкие танки появились значительно раньше, чем их ожидали — вечером того же дня. Преодолев десятикилометровую эшелонированную оборону, они приблизились к позициям дивизии полковника Каплунова. С

КП командира полка в стереотрубу было видно, как по пшеничному полю катят и катят, оставляя за собой длинные полосы, бронированные машины, и не видно им ни конца, ни краю. Впереди ползут «тигры», за ними танки поменьше, дальше самоходки, бронетранспортеры с пехотой, машины с пушками и зенитками. Остановить эти полчища, казалось, было невозможно. Они надвигались неумолимо, кивая длинными стволами с набалдашниками, посверкивая отполированными траками. Низкое вечернее солнце светило им в бок, и рядом с танками ползли по земле длинные уродливые тени.

Затем стало видно, как идущие впереди танки подрываются на минах. Один подорвался, другой, третий. Колонны встали там, где их застали подрывы, затем попятились назад. Через несколько минут появилась немецкая авиация, начала мелкими бомбами расчищать проходы в минных полях. Заговорила наша дальнобойная артиллерия. Тяжелые снаряды вздыбливали гигантские черные кусты разрывов, но немецкие танки стояли далеко друг от друга, и лишь иногда черные кусты подбрасывали вверх башню и куски еще чего-то, что секунду назад было танком, самоходкой или бронетранспортером. Потом к нашим пушкам подключились «катюши» — и через несколько минут все пространство затянуло дымом и бурой пылью.

— А ведь они, сволочи, в этой пыли могут через наши позиции проскочить, — нервно хохотнул подполковник Лысогоров. — Как мыслишь, майор, проскочат или нет?

— Если и проскочит какая-то часть, то встретим на второй линии, — ответил Вологжин несколько резковато, будто комполка не знал, что у него есть и вторая линия, и третья. — Впрочем, видимость не такая уж и плохая: метров двести, пожалуй, — добавил Вологжин, сглаживая впечатление от своей резкости. — А если ветер поднимется...

Несколько взрывов взметнули вверх землю чуть правее КП, и подполковник приказал телефонисту связаться с «Калиной». Телефонист, прикрывая трубку рукой, забубнил:

— Калина! Калина! Оглохли вы там, что ли? — И уже подполковнику: — Есть связь с Калиной!

Подполковник схватил трубку, послушал, что ответила ему Калина, похвалил:

— Молодцы! Подпускайте поближе! Что-о? Саперы? Не давайте саперам разминировать! Что значит, не видно? Вы наверху, вам должно быть видно! Лупите из пулеметов, в душу их фашистскую мать! У вас там снайперы имеются! Спят они, что ли?

Бросил трубку, пожаловался:

— Сколько воюем, а некоторые все никак не привыкнут думать собственными мозгами, все им подсказки да укажи. У них немецкие саперы под носом мины снимают, а они не знают, что делать: у них, видишь ли, приказ без команды сверху огня не открывать, вот они и не открывают. А сверху что видно? Ни черта сверху не видно! Вояки, едри их за ногу...

Вологжин тоже нервничал и переживал за своих танкистов, хотя и старался казаться спокойным. Танковая рация, стоящая перед ним, молчала, а это значит, что его люди не испытывают нужды в его советах и приказах. Да и что он может посоветовать или приказать, видя лишь часть боя, разгорающегося на огромном пространстве? Ничего он не может. Только ждать своего часа и надеяться, что его танкисты не подведут. Как и все прочие, кто сейчас сходитесь грудь с грудью с наступающим врагом.

И вдруг рация ожила:

— Восемнадцатый! Я Тридцать шестой! Прием!

— Тридцать шестой, я Восемнадцатый! Прием!

— Немецкие танки и пехота ворвались на наши позиции! Веду бой в окружении...

— Тридцать шестой! Тридцать шестой! Ответь Восемнадцатому! Тридцать шестой!

Но Тридцать шестой уже не отвечал.

— Что там, майор? — заволновался комполка.

— Похоже, Тридцать шестой узел обороны подавлен противником, — ответил Вологжин, глядя на карту. — Надо бы накрыть их нашей артиллерией.

— Вот сволочи! — воскликнул комполка. — И мои тоже не отвечают: нет связи.

В углу связисты на разные голоса вызывали батальоны, полковую артиллерию.

Ветер слегка отнес дым и пыль, стало видно всхолмленное поле, горящие там и сям немецкие танки, но горело не так уж много, если иметь в виду минные поля, заградительный огонь тяжелой артиллерии и «катюш», частую стрельбу минометов и противотанковых пушек.

Минное поле перед позициями полка тяжелые немецкие танки, идущие впереди, уже почти миновали. Видно было, как «тигры» останавливаются на какое-то время, стреляют и движутся дальше. Звонкие выстрелы их пушек, как и выстрелы противотанковых орудий, пулеметная и автоматная стрельба медленно, но неумолимо накатывались на позиции первого батальона. Но танки полегче отстали, бронетранспортеры тоже, выбывало из строя их все больше и больше, и, судя по всему, на них артиллеристы и сосредоточили весь свой огонь, рассчитывая, что «тигров» и «пантер» возьмут на себя другие.

«А ведь они все-таки прорвутся, сволочи», — думал Вологжин, поворачивая стереотрубу из стороны в сторону. И уточнил: — Если им ночь не помешает».

И тут налетели немецкие пикировщики. Они развернулись в карусель и, кидаясь вниз друг за другом, стали перепихивать бомбами первую линию обороны дивизии. Их было много — штук, может быть, пятьдесят. Сверху их прикрывали истребители.

— Где «соколы»? — кричал в трубку подполковник Лысогоров. — Фрицы по головам ходят, а их черти где-то носят!

Немецкие летчики, точно услышав подполковника, перенесли атаку на вторую и третью линию. Несколько бомб упало вблизи КП подполковника Лысогорова.

Отбомбившись, немцы улетели. За ними погнались наши истребители. Над полем боя появились штурмовики «Ил-2», но немецкие танки они не остановили, хотя им и удалось зажечь некоторые из них.

— Майор! Вологжин! — отвлек Вологжина от наблюдения за полем боя подполковник Лысогоров. — Смотри! — и показал рукой направо. — Они прорвались через первую и вторую линию! Через пятнадцать-двадцать минут выйдут на наши тылы.

Вологжин глянул в указанном направлении. Действительно, с десятков танков и бронетранспортеров каким-то образом проскочили и минные поля между двумя узлами обороны первой и второй линии, и простреливаемое перекрестным огнем пространство, и теперь по левой дороге катили вдоль оврага к третьей линии, где стояли резервные танки Вологжина, минометные и гаубичные батареи, где располагался медсанбат и склады боеприпасов. По этим танкам било всего лишь одно ору-

дие из третьей линии, точно все остальные были уничтожены пронесшейся над оборонительными порядками дивизии полковника Каплунова бомбежкой.

— Ну, я пошел, — сказал Вологжин и, прихватив планшетку и танкистский шлем, выбрался из блиндажа.

* * *

Торча по пояс из люка тридцатьчетверки, Вологжин коротко скомандовал механику-водителю:

— Вперед!

Тяжелая машина дернулась и выбралась из-под навеса. Почти одновременно с ней еще три машины, расположенные в линию.

— Атакуем с ходу прорвавшиеся танки и бронетранспортеры противника! — монотонно передал Вологжин по радиации. — Разворачиваемся фронтом. Сближаемся на самое короткое расстояние. По танкам — бронебойным, по бронетранспортерам — фугасным! Полный вперед!

Тридцатьчетверки были новехонькими, с увеличенной башней, где помещались наводчик, заряжающий и командир танка, с орудием в восемьдесят пять миллиметров, с утолщенной броней. Теперь командиру танка — взвода, роты или батальона — не нужно было отвлекаться на стрельбу, он мог следить за полем боя и командовать не только своим экипажем, но и другими, если того требовала его должность. Таких танков в нашей армии было еще не так уж много: их начали выпускать лишь в начале 1943 года, и когда батальону Вологжина вручали всего лишь четыре машины, присутствовал сам командующий бронетанковыми войсками фронта и представитель завода-изготовителя.

Представитель, человек весьма пожилой, с усталым отечным лицом, в толстых очках, в командирской форме с погонами полковника, но на военного нисколько не похожий, отозвал Вологжина в сторону и попросил умоляющим голосом:

— Вы, товарищ майор, пожалуйста, очень вас прошу, постарайтесь в боевой обстановке выяснить все слабые и сильные стороны этого танка и, если вас это не затруднит, напишите на завод о своих впечатлениях. Вот вам адрес и моя фамилия, — и представитель протянул Вологжину блокнот в кожаной обложке с пистончиками, из которых торчали карандаши.

— Но ведь цензура... — начал было Вологжин, но представитель перебил его, замахав руками:

— А вы через особый отдел дивизии. Они предупреждены. Так и дойдет вернее и... Короче говоря, очень вас прошу. Для нас, сами понимаете, ваш отзыв чрезвычайно важен. Главное, попробовать его против «тигров» и «пантер».

Этот разговор, как и получение новых танков, случился чуть более двух месяцев назад. На новые танки Вологжин посадил лучшие экипажи, гонял их по пересеченной местности, учил стрелять и с остановки, и с ходу, и днем, и ночью, и против солнца, и против ветра. Танки вели себя хорошо, экипажи действовали слаженно, единственного трофейного «тигра» превратили в решето, стреляя с различных расстояний.

Но это на учениях, то есть без противодействия противника. Для большинства же танкистов из его батальона предстоящий бой будет первым настоящим боем, хотя ненастоящих боев не бывает вообще.

Прорвавшееся танковое подразделение немцев состояло из одного «тигра» и двух «пантер». Вологжин приказал:

— Огонь сосредоточить по головным машинам! Целиться под обрез башни! Расстояние — триста метров!

Танк Вологжина несся на полной скорости. В смотровую щель было видно, как разворачиваются им навстречу «тигр», «пантеры» и несколько штук Т-IV. Расстояние до них было еще метров восемьсот, и оно стремительно сокращалось.

Вологжина мотало вместе с машиной, однако он, вцепившись в стальные скобы, прижавшись лбом к резиновому обрамлению дальномера, не отрывал глаз от головной машины противника.

Вологжин хрипло выкрикнул:

— Механик, держи курс на головного! Наводчик! Прицел под основание ствола! — и поймал в перекрестие дальномера башню «тигра», ожидая выстрела. И тут «тигр» вдруг сел на правую сторону, попав то ли в замаскированный ход сообщения гусеницей, то ли в яму-ловушку, а из его недр выплеснуло пламя.

Вологжин, так и не поняв, кто же поразил фрица, оглядел поле боя, увидел, что танки его целы, а одна из «пантер» дымит, опустив орудийный ствол, приказал держать курс на вторую «пантеру». Орудие дернулось и откатилось назад, выбросив гильзу.

Они ли попали в нее, или кто-то другой, или все сразу: дистанция была менее трехсот метров, но фриц полыхнул огнем и дымом.

Дальше все слилось в один длинный и непрекращающийся стон и грохот. Машину мотало из стороны в сторону, она то вертелась на одном месте, то срывалась и неслась куда-то на полном ходу, то замирала на несколько мгновений, и тогда рядом в железном чреве орудия взрывался пороховой заряд, выбрасывая тяжелый снаряд.

Неширокая лощина, пролегшая между двумя грядками с довольно крутыми склонами, на которых были оборудованы узлы обороны третьей линии и по которой немцы пытались прорваться в наши тылы, представляла собой нечто похожее на выставку разбитой немецкой техники. Тут были и танки, и бронетранспортеры, и тягачи на полугусеничном ходу с противотанковыми пушками на прицепе, и даже две самоходки, которые Вологжин проглядел, и мотоциклы, и трупы, трупы, трупы. Среди этого железа стояла наша тридцатьчетверка за номером 208, и возле нее возился экипаж, натягивая перебитую гусеницу. Еще две тридцатьчетверки остановились неподалеку от танка Вологжина, и командиры этих танков тоже оглядывали поле только что отгремевшего боя.

Вологжин вспомнил, что командир подбитого танка старший сержант Арапников доложил ему о перебитой гусенице, потом что-то оседающих фрицах, но Вологжин был слишком занят движением, стрельбой, чтобы искать в этой кутерьме подбитый танк. Он помогал экипажу, попавшему в беду, тем, что бил все, что попадалось ему на пути, уверенный, что кто-то из своих же прикроет раненый танк. Как потом оказалось, не одни они вели бой, но и артиллеристы узлов обороны. И даже пехота.

Хотя в голове у Вологжина продолжало гудеть, но все-таки он уловил, что бой затихает по всей линии обороны, что немцам не удалось прорваться через порядки дивизии полковника Каплунова, и приказал экипажам возвращаться на исходные позиции.

* * *

Всю короткую летнюю ночь немцы обстреливали позиции дивизии Каплунова из орудий и минометов, их пехота то в одном месте, то в другом пыталась просо-

читься в ее тылы; некоторые «тигры», вырвавшиеся вперед, горбились черными глыбами среди минных полей, по ним с разных сторон били наши орудия, «тигры» огрызались; немецкие саперы ползали по минным полям, обезвреживая наши мины, готовя проходы для танков.

Майор Вологжин дважды пытался уснуть, привалюсь к бревенчатой стене блиндажа, и оба раза просыпался от близких разрывов мин и снарядов.

— Лютует фриц, мать его... — ругался рядом Лысогородов. — Пытается взять на измор. Давай, майор, попьем чайку. Хрен тут поспишь при такой немецкой музыке.

Они сидели и пили чай из эмалированных кружек с отбитой там и сям эмалью.

— Мои разведчики только что вернулись из поиска, — говорил между глотками чая Лысогородов. — Приволокли «языка», эсэсовца, ефрейтора, а по-ихнему какой-то там хрен-его-знает-фюрер. Говорит, что с утра немцы опять попрут вперед. Там у них целый танковый корпус СС перед нашими позициями толчется. Так что завтрашний денек пострашнее нынешнего будет.

Едва допили чай, как ожили телефоны восстановленной связи. Пришло сообщение, что в первой линии остались лишь редкие очаги обороны, противотанковые узлы либо уничтожены, либо заняты противником; на второй линии практически уничтожена артиллерия и оба танка, прикрывающие проход между двумя узлами обороны.

— Это на правом фланге, — ткнул в карту Лысогородов. — Там, где вчера прорвались немцы. Я думаю послать туда взвод пэтээрщиков, пару орудий из резерва, ну и... хотя бы один из ваших танков... было бы весьма к стати.

— Я распоряжусь, — сказал Вологжин и добавил: — И вообще, судя по всему, мне здесь делать больше нечего. Если понадобится, я в своей машине. Связь по рации... Буду действовать по обстановке.

Туман сгустился, хотя и укрывал землю тонкой пленкой, так что казалось, будто невысокие холмы, купы деревьев и кустов, развалины какого-то дома висят в воздухе и даже движутся куда-то, но еле-еле, как бы крадучись, точно хотят незаметно уйти от того, что ожидает их с восходом солнца.

Вологжин глянул на часы: три часа десять минут. И почти тотчас же вершины холмов с их меловыми выступами вспыхнули ярким солнечным светом, а вдали, там,

где были немцы, замерцали сполохи выстрелов артиллерийских орудий. И Вологжин поспешил вниз по крутому скату холма, а сзади его уже догонял слитный и тяжелый гул первых разрывов немецких снарядов.

Артподготовка еще не закончилась, когда в воздухе появились «юнкеры» и начали уютить минные поля, которые за ночь успели восстановить наши саперы и на которых уже подорвалось несколько немецких танков. Другие самолеты бомбили узлы обороны, сосредоточенные в основном на скатах холмов и возвышенностей.

Затем пошли танки.

Отрывистые выстрелы наших противотанковых пушек слились с выстрелами немецких танков и самоходок, издавдалека заговорила наша же дальнобойная артиллерия, «катюши» в течение нескольких минут выплескивали в небо дымные струи огня, в небе гудели наши и немецкие самолеты, окрестности затягивало дымом и бурой пылью — и весь этот грохот, то усиливаясь, то на некоторое время ослабевая, топтался на одном месте, протягивая свои пыльные лапы в ближайшие наши и немецкие тылы.

Через два часа ожесточенного боя немецкие танки прорвали вторую линию обороны полка Лысогорова как раз в том месте, где вчера четыре танка Вологжина вели свой первый и вполне успешный бой. Возникла угроза, что они могут прорвать и третью линию.

— Товарищ майор! — окликнул Вологжина, снова наблюдавшего за полем боя с вершины холма, старший сержант Семенков. — Вас вызывает Семнадцатый.

Вологжин и сам уже успел оценить прорыв немецких танков и мотопехоты через порядки второй линии, поэтому, сбегая с холма, крикнул сержанту:

— По машинам! Командиров танков ко мне! — и, достигнув своего танка, взял из рук радиста шлемофон и прижал к уху.

— Восемнадцатый слушает.

— Майор! Фрицы опять прорвались там же, где и вчера. Нужна твоя помощь, — услышал Вологжин голос подполковника Лысогорова.

— Понял. Выступаю.

И посмотрел на командиров своих танков, стоящих рядом.

— Идем с интервалом в тридцать метров вдоль оврага. После роши выходим на скат вон той высоты и там ста-

новимся в засаду. Как только немцы подойдут на триста-четырееста метров, расстреливать в первую очередь «тигры» и «пантеры». Далее по обстоятельствам. В случае моей гибели командование взводом берет на себя старший сержант Семенков. По машинам.

Это место на склоне гряды, образованной когда-то движением ледника, Вологжин присмотрел давно. Здесь дожди и ветра прорыли неглубокую щель, в которую танк помещался по самую башню. Правда, было одно неудобство: если танк поднять повыше, ему приходилось стоять в наклоненном положении, что сужало сектор обстрела, но если немного расчистить площадку от камней, подровнять ее, то лучшего места для засады не найти. И Вологжин велел еще недели две назад такие площадки подготовить. Однако подготовили лишь одну: подготовить больше помешали другие заботы. Вологжин сам въезжал на своем танке на эту площадку и примеривался, как отсюда, с высоты метров примерно в тридцать, вести огонь вниз, по дороге, если на ней окажутся танки противника. Выяснилось, что надо немного опустить нос, тогда будет в самый раз: сверху даже «тигра» можно раздолбать любым снарядом. А им снизу ничего не светит, потому что с дороги видны лишь ствол орудия и часть башни — он сам проверял.

Сейчас готовят площадки для других танков не было времени, и он приказал старшим сержантам Арапникову и Семенкову оставаться внизу, в промоинах же, укрыться от авиации маскировочными сетями и действовать из-под них короткими наскоками: выскочил, пару выстрелов, откатил назад, сменил позицию, снова вперед — и так до полной победы.

* * *

Немцы встали, едва первый «тигр» нарвался на мину. И сразу же по замершим танкам с двух сторон открыли огонь наши противотанковые орудия и минометы. Вновь заговорила дивизионная артиллерия, расположенная километрах в трех-четырех от линии фронта. Немецкие танки открыли огонь по высотам, танки полегче пошли в атаку на позиции полка подполковника Лысогорова, за ними бронетранспортеры с пехотой. Загромыхала немецкая артиллерия. Появились бомбардировщики. Вновь все затянуло пылью и дымом.

Вологжину вести огонь по танкам противника было не с руки: расстояние больше километра, попасть, ко-

нечно, можно, но лучше поберечь снаряды для ближнего боя. В ожидании, когда авиация проложит путь через минные поля, немецкие танки стали маневрировать, то подвигаясь вперед, то назад, лишь бы не стоять на месте. Даже «тигры» — и те вынуждены были шевелиться, чтобы не стать неподвижной мишенью, потому что, хотя снаряды советских шестидесятидвухмиллиметровых противотанковых орудий в лоб их стамиллиметровую броню не брали, однако корму, менее защищенную, вполне могли разворотить.

Но вот немецкая авиация мелкими бомбами проутюжила узкую полосу в минном поле, танки двинулись вперед, и через несколько минут головные «тигры» вошли в зону, наиболее удобную для стрельбы с той позиции, которую занимал танк Вологжина. До ближайших целей было не более четырехсот метров, до дальних семьсот-восемьсот. Но все немецкие танки вынуждены втягиваться в узкую горловину, пробитую в минном поле авиацией, а это лишало их маневра.

— Спокойно, Андрюша, — говорил Вологжин своему наводчику, двадцатидвухлетнему парню из Ижевска. — Он только по названию «тигр», а на самом деле шакал, да и только.

Орудие дернулось, отскочило назад. Взрыв порохового заряда в метре от головы, это... это и сравнить не с чем. Особенно первый выстрел. Затем наступает некоторое привыкание: ты будто бы глхнешь, в голове стон и гул, да и во всем теле не лучше, но деваться из этой тесной коробки все равно некуда, так что терпи и делай свое дело.

После выстрела на какое-то мгновение Вологжин не только оглох, но и ослеп. Вернее, глаза его сами собой закрылись, веки плотно сжались, и тело сжалось, но длилось это недолго. Он открыл глаза и увидел, что «тигр» горит.

— Молодец, Соболев! — похвалил он наводчика. — Теперь давай второго.

Второй в это время медленно объезжал своего горящего собрата. И объезжал не с той, а с этой стороны, явно не представляя, откуда пришла смерть головному танку. За ним тянулись остальные, нюхая воздух длинными стволами своих орудий.

— Дай ему продвинуться еще метров тридцать-сорок, — говорил Вологжин, следя из командирской башенки за полем боя. — Это ничего, что их много, — продолжал

он, чувствуя необоримое желание говорить и говорить, точно в этом заключалось их спасение. — Чем их больше, тем легче выбирать. Тем им труднее ориентироваться. Как говорится, у семи нянек дитя без глазу... А вот теперь влепи ему под башню...

И опять ударило по голове и по всему телу взрывом порохового заряда, оглушив и ослепив на мгновение, и Вологжин подумал об увеличенном калибре орудия, и уже не впервой: всего-то на девять миллиметров больше, а выстрел чуть ли ни вдвое сильнее.

И второй «тигр» выдохнул из себя густое облако дыма, вспыхнул и тут же подпрыгнул на месте от взрыва боекомплекта, и круглая башня его, похожая на бочку, взлетела вверх, перевернулась, упала стволом вниз, несколько мгновений стояла на стволе как бы в раздумье, затем рухнула, взметнув бурю пыли.

— Молодец, Соболев! — прохрипел Вологжин и закашлялся, задохнувшись пороховыми газами. — Не спеши. Они нас все еще не обнаружили. И у них, судя по всему, приказ: идти вперед и не останавливаться ни при каких обстоятельствах. Пусть идут. Возьми-ка на прицел вон ту «пантеру», что идет почти впритык следом за «тигром». Да нет, не эту, а правее! Видать, боится, пытается прикрыться своим полосатым собратом, — нервно хохотнул Вологжин и даже сам подивился этому своему хохоту. «С чего бы это вдруг?» — подумал он, следя за стволом орудия, медленно ползущим вслед за выбранной жертвой. — Мы, чего доброго, сегодня можем рекорд поставить, — продолжал он говорить, внешне спокойно и даже насмешливо, а внутри у него все звенело от напряжения, каждая жилочка, каждый нерв. И не от страха, нет. Какой тут страх! А оттого, что ему в модифицированной тридцатьчетверке отведена роль наблюдателя. Когда сам ведешь огонь, совсем другое дело. Тогда все внимание сосредоточено на цели, а тут... — Я слышал, — звучал в наушниках членов экипажа его внешне спокойный и даже насмешливый голос, — ...слышал, что на Ленинградском фронте одна тридцатьчетверка из засады расстреляла восемь «тигров». Еще в сентябре сорок первого. Говорили, что в одном из них сидела какая-то крупная немецкая шишка. А у нас уже два. «Пантеру» вполне можно приравнять к «тигру». Так что давай, Андрюша. «Звездочку» ты уже заработал. Жми на «Красное Знамя»!

Выстрел, откат, жалобный звон опорожненной гильзы, захлебывающийся вой вентилятора...

На этот раз Вологжин выдержал выстрел, не закрыв глаза: ко всему привыкаешь — и увидел, как дернулась «пантера», будто живое существо, а затем рванула, захлебнувшись огнем и дымом. Но он заметил и другое: стволы многих танков стали поворачиваться и задираться в их сторону. Он даже разглядел черные дыры этих стволов. Засекли, сволочи!

— Теперь давай «тигра»! — скомандовал он.

Но немцы опередили: вокруг рвануло сразу несколько снарядов, затем еще и еще. Но ни один не задел танк, а лишь камни посыпались сверху, поднятые взрывами, и на минуту все заволочло дымом и белой известковой пылью.

— Вот сволочи, Гитлера их мать! — выругался Вологжин. И подумал: «Эдак они нас ослепят, и нам останется только хлопать глазами. Хоть бы ветер подул...»

И он переключился на внешнюю связь:

— Двухсотые! Я — Восемнадцатый. Как там у вас?

— Нормально, Восемнадцатый.

— Нас засекли, пыль, дым, ни черта не видно. Но вы не спешите. Пусть подойдут поближе. И заранее распределите цели, чтобы не палить в упор по одному и тому же танку.

— Уже распределили, Восемнадцатый.

— Все. До связи.

Дым все-таки отнесло, пыль тоже. Немцы больше не стреляли. Они выжимали из своих танков все, что могли, и ревом их моторов заглушило все звуки.

— Андрюша, как видимость?

— Нормальная, товарищ майор.

— Давай по головному.

— Есть по головному.

Выстрел, откат, звон упавшей вниз гильзы...

— Четвертый, — произнес Соболев, не дождавшийся, чтобы командир как-то откликнулся на этот выстрел.

— Хорошо, — не сразу произнес Вологжин своим обычным спокойным голосом; у него вдруг пропало желание говорить.

— Давай пятого — и будет по одному на брата! — послышался голос механика-водителя сержанта Прутникова.

И тут рвануло.

Острая боль охватила все тело Вологжина, и он провалился в бездну.

Вологжин очнулся и вновь почувствовал острую боль во всем теле. Но так не бывает, чтобы во всем: это он знал из опыта прошлых ранений. И он стал мысленно ощупывать свое тело. Болела левая нога, но не остро, а ноющей болью. Ныла левая же рука и весь бок. Скорее всего, контузия. Еще выше... И тут он понял, что вся боль сосредоточена в глазах. Именно их жгло и резало нестерпимо. Он пошевелил левой рукой — шевелится. Правой — то же самое. Тогда он поднял руку и дотронулся до своего лица: лицо было мокрое и липкое от крови. «Это ничего, — подумал он. — С лица воду не пить». Но чем выше поднималась рука, тем сильнее его охватывала паника, и он уже понимал: с глазами что-то неладное. Они не открывались. Более того, он боялся их открыть. А пальцы сами собой поднимались вверх, ощупывали подбородок, губы, нос: в крови, но все вроде бы на месте. И наконец глаза. Едва он прикоснулся к ним, как боль усилилась настолько, что он не выдержал и застонал.

— Товарищ майор, — донеслось до его слуха. — Товарищ командир, вы живы?

— Кажется, жив, — прохрипел Вологжин. И спросил, не узнав голоса: — Прутников? Ты, что ли?

— Никак нет, товарищ майор. Я — Сотников, стрелок. А Прутникова убило. И Ластикова, заряжающего, тоже. И Андрюху Соболева... Я думал, и вас тоже, а вы, оказывается, живы. Я так рад, товарищ майор.

И Вологжин услышал, что Сотников плачет.

— Ты что, Сотников! Как не стыдно! И с чего ты взял, что все погибли? Может, без сознания, — говорил Вологжин, с трудом шевеля израненными губами и неповоротливым языком. — Ты лучше скажи, что сейчас вокруг делается, а то я ничего не вижу... С глазами у меня что-то...

— Так мне отсюда ничего не видно, товарищ майор. Я знаю только, что нас завалило взрывом. А больше я ничего не знаю.

И снизу опять послышался приглушенный всхлип.

«Мальчишка, однако», — подумал Вологжин, пытаясь вспомнить, как зовут стрелка. Не вспоминалось. К тому же мешала боль. И тогда, преодолев себя, он дотронулся до правого глаза одним пальцем, и почувствовал, что палец будто проваливается в дыру, хотя он, его палец, оста-

новился на какой-то границе, которую раньше не перешагивал и о существовании которой помнил, потому что дальше было глазное яблоко, а теперь его не было, и век тоже не было, а было что-то липкое. Стиснув зубы, Вологжин точно таким же образом исследовал и второй глаз — на месте второго глаза тоже была дыра.

«Довоевался», — подумал он, но подумал так, будто речь шла не о нем, а о ком-то другом. Потому что представить себя слепым, с провалившимися глазницами, не мог. Кого угодно, но только не себя.

— Что будем делать, товарищ майор? — донесся до его слуха голос Сотникова, отвлекая Вологжина от еще не вполне осознанной утраты. — У нас даже нижний люк не открывается.

— А что нам делать, Сотников? Ждать, вот что нам остается делать. Ты вот что, парень... Сам-то как? Ранен?

— Никак нет, товарищ майор. Контузило маленько. В голове шум и спина болит.

— Ничего, пройдет. Бой кончится, наши придут, вытаскают нас отсюда. Ты вот что, Артём... Тебя Артёмом зовут? Так?

— Никак нет, товарищ майор. Артёмом заряжающего зовут, Ластикова. А меня Тимофеем.

— Ты вот что, Тимоша. Ты еще раз хорошенько проверь ребят, может, кто и жив. Ты на шее трогай, под подбородком. Там жила проходит.

Внизу завозились, послышался звон отстрелянных гильз. Потом опять всхлип.

— Мертвый он, товарищ майор, — послышался снизу плачущий голос. — Холодный уже.

— Как холодный? — удивился Вологжин. — Сколько же мы тут?..

— Вечер уже, товарищ майор. Уже все тихо, не стреляют. Побили наших, товарищ майор. Всех побили.

— Ну, ты это брось, парень! Ишь выдумал: побили. Всех побить не могли. Не те времена. Отступили наши. Потому что сила у фрицев страшная. Но далеко они не пройдут. У нас тоже сила будь здоров какая. Сам же видел, как мы их щелкали. А сзади нас другие наши войска стоят, они не пропустят.

Вологжин замолчал и прислушался: бой шел, но где-то далеко, его звуки доносились глухо, как сквозь по-

душку. Может, со слухом у него тоже, а не только глаза... Но он заставил себя не думать о своих глазах — и даже боль от этого стала тише.

— Давай лезь сюда, наверх, Тимоша, — позвал Вологжин. — Проверь остальных.

Снова зазвенели гильзы, затем возле ног послышалось кряхтение и шумное дыхание живого человека.

— Ластиков тоже мертвый, товарищ майор, — произнес Сотников, на этот раз без всхлипа.

— Стащи его вниз, — приказал Вологжин.

Внизу запыхтело, послышалось бряцание чего-то, затем все стихло.

— Ну, ты чего там застрял? — спросил Вологжин.

— У него пальцев на руке нету, товарищ майор, — опять всхлипнул Сотников.

— Мертвому пальцы не нужны, — оборвал всхлипывания Вологжин. — Держись, солдат. Еще неизвестно, сколько нам тут торчать придется. Тащи давай вниз Соболева. Если мертвый.

— Мертвый, товарищ майор. У него череп весь... прямо ужас один...

— Лезь сюда и не мямли! Не девочка чай. Сожми себя в кулак и держись! Ясно?

— Так точно, товарищ майор. А только жалко ребят... страсть как жалко.

— Что тут поделаешь, Тимоша. Радуйся, что жив остался и не ранен. Теперь нам выжить надо.

Тимофей уселся на место наводчика и шумно, с привсхлипом, выдохнул воздух.

— Ты меня видишь? — спросил Вологжин, повернув голову в сторону наводчика.

— Вижу, товарищ майор.

— И что?

— Лицо у вас... в крови.

— А глаза?

— Тоже... кровь одна... и что-то на ниточке висит... вроде как глаз, товарищ майор.

— Отрежь. Возьми пакет и перевяжи.

— Сейчас, товарищ майор, я только руки вытру.

— Не спеши. Нам теперь спешить некуда... А что видно вокруг?

— Немцы, товарищ майор, — перешел на шепот Сотников.

— Что, близко?

— Нет, там, на дороге. Танки свои растаскивают. Мертвяков собирают.

— Еще что видишь?

— Больше ничего. Вечер уже, товарищ майор. Видно плохо. И дым. Они потом дымовую завесу пустили и поперли. Наши, Арапников и Семенов, долго стреляли, а потом стихли. Не знаю, ушли или остались.

— А ты посмотри: их же видно было.

— Я смотрел: нету.

— А рядом фрицев нет?

— Не видно, товарищ майор.

— Ладно. Перевязывай.

Вологжин запрокинул лицо, сидел, сжав зубы до ломоты в скулах. Он слышал, как Сотников, сдерживая дыхание, осторожно прикасается к его лицу, как он что-то отлепил от него, затем лица коснулась прохладная сталь армейского ножа. Потом мокрые тампоны обтерли лицо, и на него стали ложиться шершавые, до дрожи во всем теле, сухие полосы бинта.

Сотников долго и неумело обматывал его голову, сопя от напряжения.

— Уши-то не закрывай! Еще могут пригодиться. Если я не вижу, то хотя бы тебя могу слышать... Вот так вот, во-от. Молодец, — подбадривал Сотникова Вологжин. — Вот кончится война, Тимоша, приедешь ко мне в Череповец, в гости, станем вспоминать, как воевали вместе, выпьем по чарке... Да-а... Жизнь станет хорошей... после войны-то. Совсем другой станет. Вот увидишь... Пойдем с тобой на рыбалку... У нас рыбы — страсть как много. Всякой. Две реки рядом: Шексна и Ягорба. И Волга не шибко далеко от нас. Да-а. И на уду, и сетью... Уху сообразим... Будь здоров, какая уха у нас с тобой получится...

Где-то рядом зарокотал пулемет, наш, Дегтярева. Бухнули одна за другой две гранаты, бабахнули винтовочные выстрелы, зачечекал немецкий автомат. Потом совсем рядом затопало, послышались голоса, сперва не разберешь из-за стрельбы, чьи, и Сотников вдруг вскрикнул, но Вологжин вцепился в его руку, зашипел, угадав в невнятных голосах не русский, а чужой выговор.

Шаги и выстрелы накатили, стали подниматься вверх, еще раз зашелся длинной очередью «дегтярь», сильно

рвануло, похоже на связку гранат, и все стихло. И долго сидели Вологжин и Сотников, прислушиваясь к этой тишине.

— Корректировщики, — прошептал Сотников.

— Похоже, что так, — согласился Вологжин. — Как стемнеет, попробуем выбраться, — произнес он после длительной паузы.

Но тут залязгало совсем рядом, у подошвы гряды, там, где недавно таились два его танка. Раздались лающие команды, рокот моторов, удары кирок и ломов по каменной почве.

— Что там? — спросил Вологжин, хотя мог бы и не спрашивать: такие звуки говорили о том, что немцы готовят позиции для своих орудий, и выбираться из танка — попасть им в лапы.

— Немцы, товарищ майор. Пушки устанавливают. А по дороге танки идут. Много танков, товарищ майор.

— Ты вот что, Сотников. Давай поменяемся с тобой местами. С моего места лучше видно. Будешь смотреть, докладывать, что и как. А у самого в голове: «Зачем мне это? Что с этим делать? Ерунда». И в то же время что-то толкало его делать нечто привычное.

С трудом владея своим непослушным и ставшим неожиданно громоздким телом, Вологжин, с помощью Сотникова, перебрался на место наводчика. Умопившись, ощупал казенник орудия: оно стояло на боевом взводе, то есть снаряд был в стволе, спусковой механизм — только нажми, и грянет выстрел. Открыв затвор, он вытащил снаряд и положил его в желоб откатника. Работа вроде не такая уж тяжелая, а он задыхался и чувствовал временами, что вот-вот потеряет сознание.

* * *

Утро разгоралось медленно, но Вологжин, мучаясь болью и лишь изредка проваливаясь в сон, не видел занимающейся зари. Зато он чувствовал сладковатый запах начавших разлагаться трупов. Было ясно: им здесь сидеть, и ждать, и терпеть, потому что другого не дано. А дано ему, скорее всего, заражение крови, столбняк или еще что-нибудь в этом роде. Так не лучше ли застрелиться и отпустить Сотникова на все четыре стороны? Вернее, приказать ему уйти, как только стемнеет, чтобы добрался до наших.

— Товарищ майор, — снова слышался голос Сотникова.

— Что тебе?

— Немцы... Немцы наших по дороге гонят. Пленных...

— Много?

— Человек двадцать.

— Что ж тут поделаешь, брат: война.

— А как же мы?

— Ты вот что. День как-нибудь переживем, а едва стемнеет, выбирайся из танка и иди к нашим. Скажешь, что так, мол, и так, что немцы устанавливают пушки... ну и... что по дороге еще увидишь.

— Как же я вас брошу, товарищ майор? Мы это... лучше по рации передадим...

— По рации, — усмехнулся Вологжин. — Рация-то, небось, вдребезги. Хотя... чем черт не шутит... Посмотри, что там с рацией.

И какая-то надежда вспыхнула в нем и зазвенела тоненькой, туго натянутой жилкой. Он сидел и слушал, как Сотников возился внизу, чем-то брякал осторожно, и эти звуки возвращали его к жизни. Он подумал, что Сотников вряд ли сумеет пройти незамеченным через плотные порядки противника, а здесь, в танке, они могут дожидаться наших, а там... а застрелиться он успеет всегда, зато помочь этому несмышленишу выкарабкаться — его святая обязанность и как командира, и как человека..

— Рацию смотрел?

— Да: провод питания перебит.

— Так замени. У Прутникова в бардачке все есть.

— Я знаю.

— А знаешь, так давай действуй. И посмотри: там фляжки с водой должны быть, сухпай. Водка должна быть. Тащи все наверх. А еще магнит.

— А магнит-то зачем?

— Осколки из глаз вытащить: мозжит ужасно.

Послышались лающие команды. Залязгали оружейные затворы. «Фойер!» — и ударило орудие.

«Пожалуй, калибром сто сорок, — подумал Вологжин. — Ведут пристрелку. Потом начнут крыть беглым. Значит, наши близко, недалеко отошли».

— Вот, — слышался рядом голос Сотникова. — Принес.

— А связь? Связь восстановил?

— Еще нет, товарищ майор. Главное, аккумуляторы исправны. А рация... пока еще не знаю.

— Поторопись, Тимоша. Хорошо бы своим товарищам помочь. Корректировщики, видать, погибли или ушли. Теперь наша очередь.

Рация оказалась целой. Из этого Вологжин сделал вывод, что слева от танка рванула бомба большого калибра. А может, и не бомба, а снаряд из самоходки. И все, кто находился слева, погибли от осколков, вырванных из танковой брони ударной волной или большими осколками, погибли, прикрыв своими телами остальных. А заряжающий спас рацию. Вот только глаза самого Вологжина не были прикрыты ничем и никем: во время взрыва он смотрел на поле боя через прорези своей командирской башни.

— Дай мне шлемофон, Сотников: мой не работает, — велел Вологжин и, приняв у стрелка шлемофон, попытался натянуть на голову, но Сотников столько намотал на нее бинтов, что и пытаться бесполезно.

Положив шлемофон на колени, Вологжин, стиснув зубы, принялся сматывать окровавленные бинты. Потом, передохнув и сжавшись от предчувствия еще более сильной боли, поднес к глазам подковообразный магнит. И боль, точно, резанула его по глазам и остановилась на каком-то пороге. Следовательно, за минувшие часы в глазницах кровь запекалась, и магнит не может вытащить осколки. Вологжин отвел магнит от глаз и некоторое время сидел, пережидая, пока боль не утихнет. Затем велел Сотникову смочить марлевые тампоны водкой и приложил их к глазницам. Боль, но уже другого рода, ударила в голову и помутила сознание. Вологжин терпел, не отнимая рук от лица, скрипел зубами, мычал. И перетерпел: боль стихла, голову обволокло чем-то вроде блаженства, когда ничего не хочется, а лишь бы это состояние длилось вечно. Но через какое-то время возникла другая боль, пульсирующая, и стала нарастать, охватывая всю голову.

По-прежнему методично стреляли немецкие орудия, а со стороны дороги доносился прерывистый гул моторов.

— Все прут и прут, товарищ майор, — звучал сбоку отчаянный шепот Сотникова. — Просто ужас какой-то, как их много.

— Чего много?

— Танков и всяких машин.

— Ничего, сейчас много, через час станет меньше.

Включив рацию, Вологжин пощелкал переключателем, переходя с одной фиксированной волны на другую, и наконец наткнулся на родной голос, правда, далекий и еле слышный, который просил Ромашку ударить по квадрату 12-40. Влезать в переговоры Ромашки с кем-то еще не имело смысла. Лучше всего выходить на свою связную рацию при штабе полка подполковника Лысогорова — если он выжил и отошел со своей позиции на следующую. Есть еще рация у начальника штаба отдельного танкового батальона капитана Тетеркина. Но начинать надо с Семнадцатого: у него артиллерия, у него связь с дивизией.

Семнадцатый не отвечал долго. Вологжин уж отчаялся до него докричаться. Наконец, после щелчка, прорвался чей-то голос:

— Семнадцатый слушает Восемнадцатого. Прием.

— Семнадцатый! Я нахожусь на старой позиции. Выбраться не могу: вокруг фрицы. В пределах видимости от меня несколько немецких батарей ведут огонь. По дороге в квадрате 54-16 все время движутся танки и тыловые части обеспечения. Готов корректировать огонь артиллерии. Прием.

— Восемнадцатый! Номер вашего танка, ваша фамилия, звание и фамилии офицеров вашего штаба, — после некоторой паузы отчеканил далекий голос.

«Не верят! — изумился Вологжин. — Вот сволочи! Тут каждая минута дорога, а они...» Однако Вологжин справился с нахлынувшей на него злостью и передал требуемые данные. После этого последовала команда:

— Ждите на связи.

Прошло не менее получаса, прежде чем Семнадцатый заговорил вновь:

— Восемнадцатый! Переходите на третью волну! Смените позывные на резервные.

Вологжин пощелкал переключателем, услышал знакомые позывные на мотив песни из кинофильма «Волга-Волга».

— Енисей! Я — Байкал! Прием!

— Даем пристрелочный, — послышалось в наушниках, и у Вологжина отлегло от сердца. И даже боль в глазах будто бы утихла.

— Сотников, — позвал он громко, потому что голос заглушило новым залпом немецких батарей. — Наши начинают пристрелку. Корректируй. Имей в виду, что справа от нас левая сторона, слева — правая.

— Есть! — вскрикнул Сотников.

— Не ори и следи за обстановкой. Где лег снаряд?

— Метрах в трехстах впереди и правее. То есть левее с их стороны метров на пятьсот.

— Енисей! Я Байкал! Недолет триста, правее пятьсот.

— Байкал! Вас понял: недолет триста, правее пятьсот. Даем пристрелочный.

— Смотри, Тимоха! Внимательно смотри! — велел Вологжин Сотникову.

Рвануло у них за спиной метров на двести выше по скату.

Вологжин дал новую поправку. На этот раз снаряд ударил между двумя орудиями.

— Есть попадание! — сообщил Вологжин.

И через пару минут там, где стояли немецкие орудия, разверзся ад из множества разрывов, и вскоре все затянуло дымом.

— Вот так вот, милый ты мой Тимоха, — с чувством произнес Вологжин. — А ты говорил: их много. Теперь стало поменьше. Мы еще с тобой повоюем.

После разгрома немецких батарей и налета наших штурмовиков на тыловую колонну с горючим и боеприпасами, все вокруг на какое-то время стихло и затаилось.

— Давай перекусим, — предложил Вологжин. — И дай-ка мне глотнуть из фляги.

Он отпил несколько глотков, почувствовал, как внутри у него разлилось благодатное тепло. Сотников намазывал на ломти хлеба свиную тушенку, совал их в руки Вологжина, и тот ел, мучительно напрягая слух. Оказывается, слушать, зная, что не можешь увидеть, не так-то просто. А раньше это не вызывало никаких затруднений. И трудно понять, в чем тут дело и как это связано с потерей зрения. А может, у него и со слухом все-таки не все ладно? И он время от времени переспрашивал у Сотникова:

— Ты ничего не слышишь?

— Нет, товарищ майор. То есть я слышу, что стреляют где-то далеко, а рядом... рядом все пока тихо.

— Вот то-то и оно, что тихо. А почему? Ты посмотри, Тимоха, что там делается.

— Я смотрю, товарищ майор. Немцы убитых собирают, повозки ездят, пушки валяются, машины горят... Вот... Ага, вот какая-то машина приехала. Вроде как легковая. Мотоциклисты, бронетранспортер — охрана, значит. Какой-то немецкий командир из машины вылез... может, генерал... все перед ним тянутся... Вот он опять сел в машину, поехал... повернули в сторону фронта... то есть туда, где наши. А больше ничего не видно.

И вспомнил Вологжин с сожалением, что письмо заводскому представителю так и не отправил, и теперь лежит оно в его полевой сумке. А ведь танки хорошо себя показали. И «тигров» шлепали, как гнилые орехи, и броня покрепче стала против прежней: сколько снарядов от нее отскочило, иные и приличного калибра. У старой тридцатьчетверки башню точно бы снесло, а эта выдержала, только изнутри осколки вырвало. Может, с закалкой что-нибудь не так. А главное, маневренность не стала хуже. Хотя мотор тот же, что и на старой тридцатьчетверке, а вес танка вырос.

Под вечер они еще раз вызвали огонь нашей артиллерии на колонну немецких танков и машин, направлявшихся к фронту. На этот раз ударили «катюши», и всю лошину между двумя возвышенностями перепахали своими ракетами, так что колонна превратилась в горящие и взрывающиеся кучи металла с разбросанными вокруг телами убитых фрицев.

А через час возле танка остановилось четверо немцев. Один из них залез на башню, заглядывал в смотровые щели, принюхивался, прикинул ухом, стараясь уловить хоть какие-то признаки жизни, потом что-то сказал своим товарищам, и из всего сказанного Вологжин уловил лишь несколько слов: «Фу! Шайзе!» и «Аллес тотен», то есть воняет и все мертвые. Однако немцы на всякий случай постучали прикладами по броне, один из них крикнул:

— Русс! Ком, ком! Вэк! Бистро! Бистро! Шиссен! — в том смысле, что, мол, русские, мы знаем, что вы там прячетесь, вылазьте, а то будем стрелять.

Постояв и не дождавшись ответа, они сбили прикладами винтовок антенну, затем сунули в ствол орудия гранату и отскочили в сторону. В стволе рвануло, но поскольку затвор был закрыт, вся энергия взрыва вырвалась наружу, не причинив танку никакого вреда. Потом они сделали несколько выстрелов из автомата в смотро-

вую щель командирской башенки, но большинство пуль ударилось в противоположную стенку ее, падали вниз, израсходовав свою энергию. Однако одна нашла путь в саму башню и воткнулась Вологжину в ногу повыше колена, другая выдрала у Сотникова из плеча кусок кожи.

Постреляв, немцы какое-то время топтались возле танка, курили, о чем-то лениво переговаривались. Хотя Вологжин немецкий учил в школе и в танковом училище, в анкете писал, что «владеет немецким со словарем», на самом же деле за годы армейской службы язык забыл почти начисто, вспомнить мог лишь отдельные слова, поэтому из разговоров немцев ничего не понял и пожалел, что так безответственно относился к знаниям.

Немцы покурили и ушли, а Вологжин с Сотниковым занялись извлечением пули из ноги Вологжина и перевязками. А когда совсем стемнело, восстановили антенну, но не ту, которую сбили немцы, а просто выбросили кусок изолированного провода через смотровую щель.

«Надо давать другие координаты цели, — решил Вологжин. — Иначе фрицы вернуться и на этот раз не ограничатся автоматной очередью и гранатой в оружейный ствол. Тем более что еще днем Сотников заметил: если раньше немецкие машины сворачивали влево, то теперь ехали прямо к реке, где, похоже, соорудили переправу. Об этом Вологжин и передал Енисею, как и о том, что немцы ищут корректировщиков.

Ночью, едва стемнело, на дороге вновь возобновилось довольно оживленное движение транспортных колонн. На этот раз, вызвав артиллерию, дали ей координаты, на целых два километра смещенными к северо-востоку, к реке, где немцы, судя по всему, наладили переправу: пусть фрицы думают, что корректировщики сменили позицию. Снова по цели сработали «катюши», но результат их работы отсюда во всех подробностях виден не был — только горящие бензовозы да взрывающиеся боеприпасы. А сколько чего — не разглядишь.

* * *

День проходил, наступала ночь, за ней новый день. Нещадно палило солнце, башня накалялась, воздух в танке, пропитанный миазмами, казалось, превращался в некую жидкость, лишенную даже намека на кислород. И мухи... Они наполнили танк, жужжали, ползали по

лицу, лезли в ноздри, в уши, в рот. За броней слышалось попискивание трясогузок, охотящихся за мухами, беспрерывное густое стрекотание кузнечиков и сверчков: жизнь продолжалась. Вологжина окутывало беспамятство, он стонал, ругался, хрипел. Сотников тряс его за плечо, прикладывал к лицу мокрую тряпку, Вологжин успокаивался и отходил.

Этот мальчишка оказался выносливым и терпеливым. Он не жаловался и, казалось, даже не спал, наблюдая за окрестностями. Более того, он оказался еще и весьма изобретательным. После того как они попробовали дышать через противогаз и у них из этого ничего не получилось, он отсоединил трубки от фильтра и высунул их кончики в смотровые щели. Дышать стало легче, хотя вонь, устремлявшаяся в те же щели, не ослабевала. Но сильнее, чем вонь и раскаленная на солнце броня танка, угнетало бездействие.

Немцы артиллерию на прежнее место ставить не стали, и неизвестно, оттого ли, что здесь были уничтожены несколько их орудий, или оттого, что их танки ушли так далеко, что в их поддержке с такого расстояния не было нужды. К тому же и дорога, по которой еще недавно осуществлялось непрерывное перемещение войск и техники, теперь почти опустела, разве что иногда проедет бронетранспортер в сопровождении десятка мотоциклистов, санитарная машина или пара танков, возвращающихся в часть после ремонта, так что вызывать огонь артиллерии на столь ничтожные цели не имело смысла. Можно было бы самим пальнуть разок-другой, но Вологжин верил: немцы вот-вот должны побежать назад, и тогда им этой дороги не миновать. Он так и ответил Енисею на его запрос.

Ночью Сотников с осторожностью открывал командирский люк и они по очереди дышали воздухом, при этом свешиваясь вниз, потому что вся вонь, что накопилась внутри танка от разлагающихся трупов и от их собственных испражнений, кидалась вверх, и, стоя в этом потоке зловония, свежего воздуха не дождешься.

* * *

— Какой сегодня день? — спросил Вологжин привычным шепотом у своего товарища по несчастью, предварительнo потрогав его рукой.

— А? Что? День? — встрепенулся задремавший Сотников. — Не помню, товарищ майор, — шепотом же ответил он. — По-моему воскресенье.

— Я не об этом тебя спрашиваю. Число какое?

— Не знаю. Думаю, десятое или одиннадцатое.

— Как там у нас с водой?

— Одна фляжка осталась, товарищ майор. Пить хотите? Вы пейте, я не хочу.

— Я тоже не хочу, — соврал Вологжин и облизал сухим языком потрескавшиеся губы. — А сколько сейчас времени?

— Три часа семнадцать минут, — ответил Сотников, взглядевшись в командирские часы, отданные ему Вологжиным. И добавил: — Похоже, дождь собирается. Может, воды удастся раздобыть. Я вот все думаю-думаю и никак придумать не могу, как это сделать. Люк открывать нельзя, потому как фрицы близко, а не открывать, ничего нам не натечет.

— А ты попробуй открыть люк механика.

— Пробовал. Но только он так завален землей и камнями, что я чуть приподнял, а оттуда как посыплется...

— Хорошо бы, если бы дождь пошел ночью...

— Хорошо бы, товарищ майор. А только... Слышите гром? Слышите? Гроза идет. А до вечера еще далеко... Если фрицы попрячутся, я тогда каску выставлю...

— А что они сейчас делают?

— Окопы роют или что — уж и не знаю...

— А ты посмотри повнимательнее. Я сейчас панораму с орудия сниму, дам тебе, ты и смотри. Может, это саперы, — говорил Вологжин, ощупывая панораму. — Если саперы, то вооружены только винтовками. У саперов петлицы черные, на рукавах черные нашивки с молоточками. Не исключено, что они готовят позиции для противотанковых орудий. Если это так, значит, фрицы выдохлись, драпать собираются и выставляют заслоны. Смотри, Тимоша, внимательнее смотри. Это очень важно. И говори обо всем, что видишь.

— А ничего не видно, товарищ майор. Линзы потрескались. Но я и так вижу, что это саперы. Винтовки составили в козлы, часовые ходят, а сами раздетые по пояс. Здоровые, однако, гогочут... Слышите?

— Слышу.

— Офицер среди них ходит, погоняет... — докладывал

Сотников. — Брустверы на север выводят, товарищ майор. По бокам окопы, а посередине квадрат.

— Вот-вот, Тимоха! Так оно и есть. Квадрат этот называется двориком, в нем размещают орудие. Значит, немного нам осталось ждать. Значит, наши дали им жару, драпать они, сволочи, собираются... — возбужденно говорил Вологжин, запрокинув голову, прислушиваясь к доносящимся снизу звукам, разделяя их и анализируя. — Нам бы еще ствол своего орудия прочистить банником: осколки там от гранаты, земля, песок. Разорвать ствол может при первом же выстреле.

— Я прочищу, товарищ майор. Ночью, когда наши подойдут, стрельба начнется, никто не увидит...

— Нет, бесполезно все это. Ты вот что, Тимофей. Ты вытащи снаряд из гильзы. Один всего снаряд. Отсыпь часть пороха. Заткни какой-нибудь тряпкой. Как только начнется, пальнем этой тряпкой — ствол и очистится.

— Здорово, товарищ майор! Но как же без прицела?

— А так — через ствол прицеливаться будешь. Поймаешь цель и начинаешь ее вести, если она движется, скажем, по стволу орудия. Потом снаряд в казенник и выстрел. А если он, сволочь, стоит, так и того легче.

— Я освою, товарищ майор. Вот увидите.

— Да-да, Тимоха. Обязательно освоишь. Мы еще им покажем. Снарядов у нас полный комплект. Всего четыре штуки израсходовали... Ты гильзу освободи... гильзу-то... Они у нас попомнят... Кровью умоются... кровью...

Над головой будто взорвалась небывалая бомба или снаряд, и осколки от нее посыпались тяжелыми подпрыгивающими ударами куда-то на запад. И почти сразу же потемнело. Вологжин этого не видел, но он услышал, что привычные звуки стали затихать, а затем исчезли окончательно.

— Что там? — спросил он у Сотникова.

— Фрицы побросали кирки и лопаты и подались в палатки. Там у них палатки, оказывается, стоят. А я сразу-то и не разглядел. Дождь, стал быть, вот-вот начнется, товарищ майор. Потемнело ужасно. Если что, я каску-то выставлю... Как вы считаете?

— Только с той стороны, где нет никого. Нам нельзя раскрыться никак... Столько терпели, столько ждали... Нет-нет, лучше совсем ничего не надо. Глупая случайность — и хана. Еще потерпим малость...

— А я, товарищ майор, это... Тут вот жестянка какая-то, так я ее высуну в щель, что накапает, то и в каску. Жестянку-то не заметят, товарищ майор. Куда им...

Вспыхнул голубоватый пульсирующий свет — и новый мощный удар грома расколочил, казалось, землю и небо на мелкие кусочки. И тотчас же на броню обрушился ливень, и танк со всех сторон огородила плотная стена дождя.

Сотников приподнял крышку командирского люка, высунулся, огляделся — ничего не было видно ни внизу, где стояли палатки саперов, ни на дороге. Тогда он откинул крышку и, стоя по плечи под проливным дождем, подставил под его струи сразу две каски.

— Сотников! Ты чего? — забеспокоился Вологжин, почувствовав, как внутрь танка хлещет вода.

— Нет никого, товарищ майор! — крикнул, склонившись над люком Сотников. — И не видно ничего: ни мы их, ни они нас.

* * *

Миновал еще один день. Енисей их не беспокоил. Немецкие саперы по-прежнему вгрызались в каменистую землю у подошвы гряды, вдалеке бухали пушки. К концу дня по раскисшей после дождя дороге в обратную сторону, то есть на юг, поползли колонны машин с солдатами, легкие танки, орудия. Вологжин вызвал Енисея, коротко доложил обстановку. Енисей велел ждать и больше его не вызывать: он сам вызовет, когда понадобится. Это показалось Вологжину странным. В сердцах он выругался, но не вслух, а про себя: фрицы — вот они, бей их: никто не мешает, а они... они там черт знает о чем думают. Но привычка к дисциплине повиновения командам взяла свое. К тому же им там виднее — и в прямом и в переносном смысле слова.

Утром двенадцатого Вологжина разбудил слитный и все усиливающийся гул далекого боя. Вскоре там ревело уже без передыху.

Вологжин разбудил Сотникова: ему показалось, что они что-то важное проспали, что день в разгаре, что рядом немцы, что одно дело слышать, но не видеть, а совсем другое... Но проснувшийся тотчас же Сотников сообщил, зевая, что солнце еще только-только взошло, что вокруг все спокойно, но там, где еще вчера ковырялись

саперы, немцы устанавливают противотанковые орудия, дорога пустынна, на небе ни облачка, и день снова обещает быть жарким.

* * *

— Товарищ генерал армии! — негромко окликнул Жуков офицер связи. — Москва на проводе.

— Жуков слушает, — произнес Георгий Константинович.

— Здравствуйте, товарищ Жюков, — зазвучал в трубке знакомый голос Сталина. — Как идут дела на Брянском фронте?

— Наступление началось и идет пока успешно, товарищ Сталин. Оборона противника прорвана, подвижные соединения устремляются в прорыв. Замечено, что немцы стали снимать части с Центрального фронта и даже с Воронежского.

— Это хорошо. Но как раз в полосе наступления противника на Воронежском фронте дела идут не лучшим образом. Немцы бросили в прорыв несколько танковых и моторизованных дивизий. Отправляйтесь к Ватутину и посмотрите на месте, что можно и нужно сделать, чтобы остановить немцев. По прибытии доложите.

— Будет исполнено, товарищ Сталин.

Жуков положил трубку и в задумчивости посмотрел на карту. Собственно говоря, ничего неожиданного в полосе наступления немцев на Воронежском фронте не происходит. В отчаянной попытке взломать оборону русских командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Манштейн собрал в единый кулак все танковые дивизии и бросил их в бой в районе поселка Прохоровка, надеясь все-таки прорвать нашу оборону и выйти на оперативный простор. Ему навстречу была брошена Пятая гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова. Всего час назад звонил Василевский, находящийся на командном пункте Воронежского фронта в качестве представителя Ставки, и сообщил, что наши танки ввязались во встречное сражение с немецкими танками. Идет бой. Командование фронтом подтягивает к месту сражения артиллерию Резерва Главного командования РККА и дополнительные войска, задействована вся авиация.

— Что ж, поедем к Ватутину, — произнес Жуков, пожал руку командующему Брянским фронтом генерал-

лейтенанту Попову, заглянул ему в глаза, как бы спрашивая: «Тебе все ясно, Маркиан Михайлович?», и вышел из штаба.

* * *

С наступлением темноты на дороге движение танков и машин значительно усилилось: одни двигались в ту сторону, где шли бои, другие назад.

— Ох сколько их, товарищ майор, — шептал Сотников и возбужденно теребил рукав гимнастерки Вологжина. — Передать надо, чтобы наши накрыли их артиллерией.

Вологжин помнил приказ не выходить самому на связь, и теперь не знал, что ему делать. Действительно, накрыть колонны немецкой техники огнем артиллерии и «катюш» представлялось настолько необходимым, что можно нарушить и приказ. И он решился. Натянув на голову шлемофон, стал вызывать Енисей. Тот откликнулся тут же, будто только и ждал вызова Байкала.

— По дороге наблюдаю усиленное движение колонн танков и мотопехоты в сторону фронта и машин в обе стороны! — сообщил Вологжин. — Координаты те же. Жду указаний. Прием.

Енисей не отвечал долго. Вологжин представил, как его сообщение идет по инстанциям, доходит до самого верха, то есть до командующего фронтом, и тот...

— Байкал! Ответьте Енисею! — снова ожила наконец рация, но уже другим голосом.

— Байкал слушает.

— Даем пристрелочный.

— Тимоха, смотри в оба, — велел Вологжин, по установившейся привычке трогая Сотникова рукой.

— Смотрю, товарищ майор. Смотрю!

Тяжелый снаряд разорвался далеко: видимо, били по старым координатам, имея в виду переправу через речушку.

— Справа... то есть слева пятьсот, — не слишком уверенно сообщил Сотников. — Или шестьсот. Плохо видно, товарищ майор, — пожаловался он.

Вологжин передал.

Новый снаряд разорвался слева от дороги почти в расположении противотанковых орудий.

— Четыреста справа, — дал поправку Сотников, и Вологжин повторил ее в микрофон.

Третий снаряд разорвался рядом с дорогой, хотя и далеко от танка.

— Есть попадание! — сообщил Вологжин.

Какое-то время слышался лишь низкий, утробный гул танковых двигателей. Затем загрохотало. То ближе, то дальше взметались вверх огненные кусты, их становилось все больше и больше, пока все видимое из танка пространство не затянуло дымом и пылью, сквозь которую прорывались лишь слабые сполохи разрывов.

Артиллерийский налет продолжался минут пятнадцать.

Енисей молчал. Вологжин его не тревожил, потому что сказать было нечего: результаты работы артиллеристов станут видны лишь днем. Еще через какое-то время над дорогой вспыхнули сразу две «люстры», осветив все мертвенным голубым светом. К этому времени движение возобновилось и, судя по звукам, оно не стало менее интенсивным.

Началась бомбежка. Сперва послышался густой визг падающих бомб, затем побежали разрывы, земля забила судорожной дрожью, дрожь эта передалась танку, и в нем, в самом низу, где лежали разлагающиеся трупы, что-то жалобно забренчало — так жалобно, что Вологжин даже замер, прислушиваясь. Забеспокоились разбуженные мухи.

А Сотников, возбужденно подпрыгивая на своем сиденье, кричал Вологжину в самое ухо:

— Во дают, товарищ майор! Во дают! — Снова припал к щели, и Вологжин сквозь грохот бомбежки слышал его захлебывающийся голос: — Так им, гадам! Так! Еще врежьте! Во дают! Во! Во!

* * *

Только на пятый день бой приблизился настолько близко, что вдалеке стали различимы немецкие танки и самоходки, которые пятились и стреляли куда-то, по невидимым Сотникову целям. По ним тоже стреляли, а время от времени над полем боя пролетали наши штурмовики, тоже стреляли и бомбили, затем появлялись немецкие самолеты, в воздухе гудело и трещало, там и сям на землю падали, таща за собой дымные хвосты, поверженные самолеты, иногда вспухали белые купола парашютов.

После полудня показались наши тридцатьчетверки, КВ и ИС, медленно и осторожно подвигающиеся вперед.

— Наши! — громким шепотом сообщил Сотников.

— Ты приготовил холостой выстрел? — спросил Вологжин.

— Приготовил, товарищ майор.

— Давай меняться местами, — приказал Вологжин. — Я буду подавать снаряды. Поехали.

Сотников спустился вниз, Вологжин занял свое привычное командирское место, Сотников — место наводчика.

— Разворачивай башню на немецкие орудия. Бери на прицел ближайшее.

— А если заметят?

— Теперь это не имеет значения. Если ползет пехота, используешь курсовой пулемет. Но думаю — не ползет: им сейчас не до нас.

Со скрипом и хрустом башня стала поворачиваться, а вместе с ней и командирское сиденье. И Вологжин, весь превратившись в слух, почувствовал знакомое волнение в ожидании начала боя. Руки его шарили по валикам настройки разбитого дальномера, а внутренним взором своим он видел распадок и подножие гряды, вдоль которой стояли немецкие орудия, искореженные деревья небольшой рощицы, дорогу, уходящую вдаль, небо, видел наши танки и перебегающую пехоту...

Он услышал, как Сотников послал в казенник ствола гильзу, лишенную снаряда, и как она звякнула тоненько, жалобно, как решительно лязгнул затвор. Нет, не зря он учил танковые экипажи взаимозаменяемости. Вот и пригодилось.

— Готово, товарищ майор!

— Что фрицы?

— Ведут огонь по нашим танкам.

— Ну, как говорится, с богом. Огонь!

Глухо ударил выстрел. Даже и не выстрел, а что-то вроде глухого выдоха.

— Открой затвор, глянь в ствол. Как там?

— Чисто, товарищ майор. И пушка как на ладони.

— Осколочный? — спросил Вологжин, подавая снаряд.

— Так точно, товарищ майор! — весело ответил Сотников.

— Давай!

Глухой звон уходящего в казенник снаряда, лязг затвора.

— Ну, бога их мать, Гитлера и всех прочих! Огонь!

Рявкнуло орудие, резануло по глазам, Вологжин непроизвольно прижал к ним руки. Прохрипел:

— Наводи на второе.

— Есть наводить на второе, товарищ майор! Вдребезги! Пушку аж перевернуло вверх тормашками! — кричал Сотников восторженно, в полный голос.

— Заряжай!

— Есть заряжать!

— Огонь!

После четвертого выстрела откуда-то по танку начала стрелять самоходка. Стреляла болванками, те ударили в крутой каменистый скат, разбрызгивая каменное крошево.

— Смотри, Сотников, чтобы пехота к нам не подобралась, — беспокоился Вологжин. Ему, как никогда, хотелось жить.

— Самоходка... где она? Ты ее видишь? — спросил он.

— Нет, товарищ майор, не вижу. Но она где-то за дорогой, за подбитым танком прячется... — И тут же испуганно: — Немцы, товарищ майор. Человек пять. Лезут сюда...

— Так чего ж ты мямлишь, тетеря рязанская? Наводи на них орудие! Пулемет! Огонь! Жги их, в душу их мать! Снаряд! — и совал в руки Сотникову снаряд.

Тот, действуя ножными спусками, прижал пехоту к земле пулеметным огнем, затем нажал педаль оружейного спуска. Ахнуло еще раз почти под самым носом.

* * *

По броне танка стучали. Вологжин медленно приходил в себя, не понимая, где он и что с ним. Он вспомнил вспышку и подумал, видел ли он ее или это что-то другое.

За танковой броней перестали стучать, и кто-то сказал:

— Да мертвые они все, товарищ капитан. Вы понюхайте, какая вонь оттуда прет — ужас просто. А мухи... Фу ты, черт, сколько их!

— Надо открыть люк.

— Как же его откроешь? Взорвать разве что...

— Не выдумывай, Чеботарев. Они час назад еще вели огонь... Не могли они погибнуть. Давай раскопаем люк механика-водителя. Может, он открыт. Или снизу подлезем.

Вологжин хотел что-то сказать, но губы не разжались, язык не ворочался. Тогда он стал шарить слабыми руками по броне башни, но ничего не находил, да и не знал, что ищет. Все минувшее, как и настоящее, казалось кошмаром, из которого нет выхода. «Воняет?» — изумлялся он, но никакого запаха не чувствовал. Тем более вони. А ведь, помнится, была. Он протянул руку туда, где должен сидеть наводчик — рука уткнулась в неподвижное тело. Вологжин напряг память, но память ему ни о чем не говорила. А рука между тем нащупала другую руку, совершенно холодную. И тут опять в мозгу вспыхнуло — и он вспомнил: Сотников! Сотников должен быть живым. А он мертв. И не только потому, что холодная рука, — чего не бывает! — но более всего потому, что рука была мертвой. И на него вдруг навалилось такое горе, такое страшное, что он задохнулся и замычал от этой подлой несправедливости, потому что... потому что лучше бы убило его, Вологжина, — он и без того наполовину труп, — чем этого жизнерадостного мальчишку, проведенного с ним в замкнутом пространстве почти две недели, задыхаясь от вони, от невыносимой жары, от мух, от невозможности выбраться и почти сто-процентной возможности умереть в этом аду.

— Там кто-то живой, товарищ капитан, — послышался все тот же голос, и голос этот показался знакомым, как и голос капитана, который крикнул:

— Эй! Ребята! Кто там живой? Свои это. Капитан Тетеркин. Откройте люк, если можете.

Вологжин нажал на запорный рычаг, сдвинул его с места. Толкнуть крышку сил не осталось, и он тяжело задышал и закашлялся.

— Вологжин! Товарищ майор! Вы это?

— Я, — прохрипел Вологжин.

— Мы сейчас! Сейчас мы! — засуетились снаружи голоса.

Затем лязгнуло железо — и крышка люка откинулась. Вологжину показалось, будто стало светлее. И кто-то сказал:

— Товарищ майор! Андрей Филиппович! Бож-же ты мой! Что они с вами сделали...

* * *

Жуков вошел в кабинет Сталина и остановился возле стола, за которым сидели некоторые члены Политбюро и

наркомы оборонных отраслей. В кабинете было сумрачно, шторы закрыты наглухо, в люстре горело лишь несколько лампочек, хотя за окнами всюду светило солнце.

— Проходите, товарищ Жуков, — произнес Сталин от окна. И добавил: — Садитесь.

Жуков сел рядом с Ждановым.

— Мы тут с товарищами обсуждаем некоторые проблемы восстановления промышленных предприятий на освобожденных нашими войсками территориях, — заговорил Сталин. — Нам надо в кратчайшие сроки увеличить выплавку стали, производство других материалов, чтобы, в свою очередь, увеличить производство танков, самолетов и другого вооружения. Послушайте, товарищ Жуков, вам это будет полезно. Продолжайте, товарищ Ванников.

Жуков слушал. Действительно, интересно. Но его волновали совсем другие проблемы, которые надо решать не завтра, когда заработают новые заводы, а сегодня, сейчас, потому что наступление Красной армии продолжается, ей, для успеха этого наступления, нужно все больше тех же танков, самолетов, а главное — людей, готовых грамотно ими управлять...

— Вооружать нашу армию безусловно нужно во все больших количествах, — прервал размышления маршала голос Сталина. — Но нам нужно обратить особое внимание на подготовку кадров. Вот товарищ Жуков требует увеличить срок подготовки летчиков, танкистов, артиллеристов. Да и пехотинцев тоже. Он считает, что надо создавать резерв кадров этих профессий... Воевать числом легче, но пора переходить на более высокую ступень военного искусства... Я правильно выразил вашу мысль, товарищ Жуков?

— Так точно, товарищ Сталин! — отчеканил Жуков, вставая.

— Тогда и танков понадобится меньше, и самолетов, — подвел Сталин итог словами того же Жукова, взятыми из его докладной записки... И тут неожиданный вопрос:

— А скажите, товарищ Жуков, вы читали в «Красной звезде» очерк о подвиге майора Вологжина?

— Нет, товарищ Сталин, не успел. Но я слыхал об этом майоре в штабе Ватутина. С ним, если мне не изменяет память, был еще один из членов экипажа...

— Подвиг майора Вологжина — это не только подвиг человеческого духа, — продолжил Сталин наставитель-

но, перебивая маршала. — Это еще и подвиг профессионала высокой выучки. Завтра во всех газетах будет опубликован указ Верховного Совета о присвоении майору Вологжину звания Героя Советского Союза. Рядовому Сотникову — посмертно. Имея в нашей Красной армии таких командиров, таких солдат, мы не могли не переломить ход военных действий на советско-германском фронте, поначалу складывавшийся не в нашу пользу. Таких командиров, таких рядовых, таких коммунистов, комсомольцев и беспартийных, как майор Вологжин и рядовой Сотников, у нас много. Поэтому мы не можем не победить немецко-фашистских захватчиков. И мы победим. Даже если союзники не откроют второго фронта.

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

РАССКАЗ

Если вам когда-нибудь доводилось бывать в Замоскворечье, на Якиманке в 50-е годы, то, наверное, обращали внимание на дом, похожий издали на праздничный глазированный пряник. В нем еще с довоенных времен жила музыка: играли скрипки и виолончели, трубы и пианино, арфы и волторны, словом, здесь находилось музыкальное училище. В соседнем, более скромном и тихом доме, жили мы. С детства помнится широкий двор, поросший невысокой пыльной травой, деревянные сараи-развалюхи и серый шербатый забор, а чуть поодаль полусгнивший остов колодца. Казалось, художник Поленов остановил свой зоркий глаз на нашем доме и написал его на своей знаменитой картине «Московский дворик». Сходство дополнялось старым каменным флигелем с облупившимися колоннами. Правда, тот старый флигель числился по соседней улице — Полянке. Но двор был проходным, и жители флигеля ходили на Якиманку и в прилегающие переулки через наши ворота, потому мы многих из них знали в лицо. Но самой примечательной для нас, маль-

ПРОЗА

чишек, личностью была невысокая, средних лет женщина в синем плаще. «Мария Ивановна, здравствуйте!» — приветливо говорили при встрече с ней. — «Добрый день!» — отвечала она и радушно улыбалась. От родителей мы слышали, что в Великую Отечественную войну эта женщина потеряла всю семью, героически воевала, была не раз контужена, ранена... Боевые ордена и медали редко кто видел на ее груди, разве что в майские праздники. Работала она заведующей детским садом где-то в другом районе. Из дома уходила чуть свет, а возвращалась затемно. «Всегда Ивановна при деле, — говорили соседи, наблюдая, как в сумерках она возвращается с работы усталая: — Такая она у нас двужильная. Ни в темень, ни в зарю не знает покоя».

В 60-х годах отжившие свой век постройки на нашей улице стали ломать, а жильцам выдавали ордера в новые дома на окраину столицы — в Тушино, Беляево, Медведково, Выхино... Дошла очередь и до «поленовского» флигеля. С тех пор мне не встретился никто из его бывших жильцов, но с Марией Ивановной случай все-таки свел меня.

...После затяжной болезни врачи посоветовали мне подлечиться в санатории вблизи Рузы. В первые дни по прибытии туда я пытался отыскать среди отдыхающих кого-нибудь из знакомых или хотя бы обрести себе напарника по прогулкам и беседам. Но мне не везло, людей моего возраста здесь не оказалось.

Прошла неделя, другая... Однажды после обеда я обогул парк, спустился под гору к пустынному лодочному причалу и не спеша побрел вдоль реки по узкой, едва приметной тропе.

Пожилая женщина сидела на корме лодки, опустив босые ноги в прохладную воду, и задумчиво смотрела перед собой.

Я подошел к ней, поздоровался и спросил:

— Не помешаю?

Женщина встрепенулась:

— Нет... Отчего же. — И, проводив долгим взглядом желтый лист клена, покачивающийся на волнах, сказала: — Взгляните, какая прозрачная вода. Не правда ли, камешки как на ладони? Удивительно красивые места...

— Вам здесь нравится?

— Очень.

— Скажите, а раньше вам приходилось бывать в здешних местах.

Женщина подняла от воды глаза и посмотрела на меня пристально, но доброжелательно.

— Бывала. Только давно.

В ее серых с легкой голубизной глазах внезапно мелькнул дерзкий и горестный огонек.

— Там, — она помолчала и указала рукой на противоположный берег, — я убила первого врага. — Видя мое удивление и замешательство, пояснила: — Фашиста. Короче, открыла свой снайперский счет. Так говорили в ту пору.

Я снова посмотрел на противоположный берег, где росли осока и кустарник. Чуть выше стояла одинокая красавица-черемуха.

Внезапно мне показалось, что прежде я где-то встречал эту женщину.

— Скажите, вы не жили раньше в Замоскворечье?

Она повернулась ко мне.

— В Замоскворечье... как же, жила.

— А как вас зовут?

— Мария Ивановна.

— Вы работали тогда, кажется, не то в школе, не то в детском саду?!

Улыбаясь, женщина заинтересованно осмотрела меня с ног до головы. Взгляд у нее был цепкий и твердый.

— Как же вы меня вспомнили? А вот я... Впрочем, сколько вам тогда было лет?

— Я учился в школе.

— Все так, верно. В первой половине жизни человек меняется больше, чем во второй. И чем же вы сейчас занимаетесь?

Я ответил.

Она растерянно кивнула.

— Недавно мне пришлось расстаться с детишками. Теперь я, как принято говорить, на заслуженном отдыхе. Правда, захожу иногда в садик — елку украсить, чем-нибудь помочь перед праздниками. А то в школу пригласят рассказать о войне.

Мы помолчали, проводив взглядом пролетающую низко над водой белоснежную чайку.

— Мария Ивановна, а в снайперы вы пошли сами, добровольно?

— Конечно.

— Но ведь это такое трудное дело?!

Она усмехнулась:

— И трудно, и легко. Для меня во время войны куда тяжелее было бы сидеть сложа руки. Но вам, молодым, теперь это, наверное, не понять.

— Отчего же, — вырвалось у меня с обидой.

Мария Ивановна вдруг резко встала.

— Извините, я пойду. — Она поморщилась. — Голова закружилась...

И зашлепала по песку босиком, держа туфли в руках.

Невольно мне припомнились стихи Вероники Тушновой:

*Любимая осенняя пора.
На облаках — сиреневые блики,
На светлых лужицах каемка серебра,
И над землей — покой, безмерный и великий.*

*Как лживо все: и эта тишина,
И мягкий полог облачных полотен...
Как пристально в глаза людей война
Глядит пустыми впадинами окон.*

На другой день вечером я случайно встретил Марию Ивановну возле клуба, одетую в строгий темный костюм. Она приветливо кивнула мне. Мы спустились по лестнице в парк и вошли в длинную аллею. Желтеющие вековые липы образовали густой шатер.

— Знаете, я долго думала, как бы поточнее ответить на ваш вопрос, — негромко произнесла Мария Ивановна. Она порылась в своей сумочке, отыскала довольно толстый потертый конверт, вынула оттуда стопку пожелтевших от времени листков, — и решила показать вам это...

Мария Ивановна с волнением прочла короткую записку:

«Наступает 1942 год. Всего за три недели нашим отрядом уничтожено 28 фашистов. Мало!»

Мария Ивановна читала скупые фронтовые строки, написанные во время привалов между боями, в часы короткого затишья, и дополняла их интереснейшими подробностями.

— Трудно, да и некогда было писать на войне. Но прежняя штабная работа приучила меня к машинке. Однажды в делах обнаружила стопку листов бумаги. При мне был старенький «ундервуд», — и я начала одним пальцем выстукивать. А потом подумала: «Сохраню-ка эти записи. Может, когда-нибудь и пригодятся...» Знаете, до чего здорово стучать на машинке: точно беглый огонь ведешь. Появляются буквочки, из буквочек слова, из слов строчки... В строчках — мысли, суждения, планы на будущее. Любопытно! Писать рукой — привычно, будто бы из сердца прямо на бумагу. А тут между тобой и бумагой стоит этакий железный сундучок — автомат для выстреливания слов. Просто чудеса! Слова ползут ровные, все буквы одинаковые: есть маленькие и еще большие — двух калибров. Захочу — и напишу большими: **ВОЙНА, СНАЙПЕР, СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМ!** Даже восклицательный знак нашла. А вопросительного нет — стерся.

1 января 1941 года.

Вот и прошла новогодняя ночь. Ни веселья, ни традиционной елки, ни шампанского. За окном тридцатиградусный мороз. На душе одиноко, тревожно и печально. Кажется, конца не предвидится этой треклятой войне.

Печатала в штабе. И вдруг вспомнила дочь, не удержалась, заплакала. Хорошо, что в штабе была телефонистка. Она подбежала ко мне, стала спрашивать, что со мной. Что случилось? Но я лишь мотала головой и рыдала. Девушка крепко обняла меня, хотела успокоить, но сама тоже не удержалась, заревела и рассказала мне о своем горе. Недавно у нее убили жениха... Так мы, всхлипывая, сидели обнявшись, пока не вошел помначштаба. Я быстро привела себя в порядок, вынула листок из машинки и ушла.

Никто, ни один человек на свете не знает о моем горе, о том, что случилось с близкими мне людьми. Никто, кроме одного, — и тот, может быть, убит. Даже бумаге я не доверила этой страшной вести. Я носила ее в сердце. Правда, теперь за меня говорили пули, — ими я писала строчки моего главного фронтowego «дневника».

Вот одна из первых записей: «За неделю — семь убитых фашистов».

Семь из тридцати восьми, уничтоженных нашим взводом. Меня тогда похвалили, оказалось, что больше убил лишь Кудрявцев, опытный снайпер. Но сама я была не-

довольна. «Мало! Мало!» — твердила себе. И все-таки эту работу нельзя сравнить с прежней, штабной. Теперь мне нужно было в и д е т ь, что я воюю, я — мать убитой гитлеровскими палачами дочери, старшей сестры и мужа.

Никогда не забуду п е р в о г о из тех семи фрицев. Это было в 1942 году, на берегу Рузы. Наша группа вышла из леса и рассредоточилась. Старший лейтенант Кудрявцев взял меня с собой, — тогда он считался моим учителем и как бы опекуном. Следил, как я выбираю позицию, как маскируюсь. Если ошибалась — не сердился, только шурил глаза да посапывал добродушно. Так легонько, без слов, возьмет и поправит опорную рогульку или охапку сена притащит ползком, застелит мой окопчик. Словно брат родной. Даже звал меня «сестренкой». А сам с шестнадцатого года...

Наконец, выбрали позицию, ждем. И на том берегу, у врага, тишина. Изредка, с перерывами в десять—пятнадцать минут, ухает дальнобойная артиллерия. Немцы выпустят два-три снаряда и снова тихо.

Помню, как бы поддалась я той зыбкой обманчивой тишине. Уж больно красиво здесь. Вдруг Кудрявцев меня в плечо — тюк. Оказывается, он за мной наблюдал и подал мне знак. Я встрепелась, вижу: справа по берегу идут фрицы. Гуськом идут, пробираясь сквозь заросли. Сначала я заметила троих, которые остановились на круче, недалеко от нас. Потом к ним подошли еще трое. И все довольны, горланят о чем-то оживленно, руками размахивают. Один из них, высокий, худой, сутулый, с какой-то металлической трубкой за поясом (я сперва подумала, что это нож) показывает на наш берег и смеется: смотрите, мол, там тишина. Но другие, наверное, ему не поверили, потому что покачали головами, и пошли дальше. А высокий загоготал им вслед, махнул рукой и стал не спеша, враскорячку спускаться к воде.

Я посмотрела на Кудрявцева — он лежал в трех шагах от меня. Мой наставник погрозил мне пальцем: «погоди». И приказал слушать его команду.

Тем временем фашист подошел к берегу и остановился прямо напротив меня. Встал под плакучей ивой на корягу, достал из-за пояса трубку, раздвинул ее и сделал удочку. Прикрепил к ней колесико с леской, забросил в воду блесну и стал быстро сматывать леску. Потом еще раз, еще...

Кудрявцев все не давал команды. Остальные гитлеровцы прошли и скрылись из виду, а этот один стоял на бе-

регу и блаженствовал. Хозяин, да и только! Кудрявцев хмурился и по-прежнему грозил мне пальцем. Я уже начала злиться. Да и фриц тоже меня раздражал: стоит себе, нахально посвистывает. Френч снял, бросил в кусты, ботинки тоже снял. Штаны засучил. Ноги худые, мосластые. А лицо пухлое, самодовольное. Вытащит рыбешку и хохочет.

Ну, ладно, думаю, смейся, во все горло смейся, все равно я тебя укокошу. За что? А за то, что ты фашист! Враг незванный-непрощеный. Землю нашу топчешь своими погаными мослаками...

Шепчу я себе, а за сердце не берет. И так я разозлилась на Кудрявцева, даже губы прикусила от злости. Но тут немцы снова дали залп из дальнобойных. Наши ответили. И в этот момент Кудрявцев подал знак: стреляй! А я, словно онемела, не стреляю.

Внезапно подумала: «А может, это он мою Ленушку?..» Прицелилась и выстрелила. Фашист взмахнул длинными руками, выронил удочку, пошатнулся, шагнул прямо в воду и упал.

Я на минуту закрыла глаза: нехорошо мне стало... А Кудрявцев одобрил:

— Молодец, — шепнул он, — ловко ты его. И никто не слышал под эту музыку, — он показал туда, где ухали снаряды. — Теперь, глядишь, мы и других приберем.

Он как знал, что те четверо вернутся. Через полчаса слышим, голоса: «Комнрад! Комнрад!» Раскудахтались. Видим, выходят из-за кустов на гребень и начинают заглядывать вниз, в прибрежные заросли...

Я выстрелила. Кудрявцев тоже. Я снова выстрелила, он тоже. Разрядили магазины. Опомнилась, когда новую обойму вставила.

Смотрю: стрелять не в кого — три солдата лежат рядом на гребне; четвертый, толстый, в кожаных штанах, съехал до половины склона, зацепился за кустик и дергается, ногами опоры ищут. Кудрявцев ему добавил.

— Теперь пора уходить! — приказал он. Кудрявцев был доволен, говорил: — Поработали неплохо.

Я тоже радовалась, хотя еще не знала: пятеро — мало или много. Только вечером, когда вернулись остальные товарищи, поняла, что много. Ни у кого из них не было такого результата: у Логинова — двое, у других — по одному.

Сейчас у меня на счету более тридцати фашистов, из них восемь офицеров. «Талант!» — сказал однажды Кудрявцев. В последнее время мы работаем на равных, даже бывает, что у меня показатели лучше, чем у него. В полку меня хвалят. Недавно в газете написали: «Все бойцы так и называют эту хрупкую девушку: «Наша Маша-Машенька!» Хрупкая девушка... Ничего себе «девушка» — тридцать пять минуло! Корреспондент, симпатичный улыбчивый мужчина в очках, все допытывался: почему я решила стать именно снайпером? Его удивило, как это бывшая воспитательница детского сада, представительница одной из самых гуманных профессий, и вдруг захотела «охотиться за фашистами»?

«По-моему, — ответила я, — сейчас нет более гуманной профессии, чем уничтожать этих гадов». Он согласился и записал мои слова в блокнот — так они пришлись ему по душе. Но все же поинтересовался, нет ли здесь каких-нибудь личных мотивов. Я сказала, что нет. Я солгала ему. До того черного дня я думала о чем угодно — о том, что, служа санинструктором при штабе, приношу слишком мало пользы, что мое место в подразделении, среди солдат. Я писала рапорты на имя комиссара полка, но он с гневом возвращал их мне, поясняя, что ему тоже трудно, и он тоже хотел бы перейти на строевую, но если командование поставило его на этот пост — надо служить здесь. Служить — и точка!

Послушайте... Нет, мне тяжело говорить, — спазмы сжимают горло, трудно дышать. Ничего, сейчас... сейчас уже собралась с силами. Так бывает всегда, когда вспоминаю тот черный день. Ко мне подошел человек, которого привели к нам на фильтрацию вместе с другими «окруженцами». Он назвался моим земляком из Ельни. «Я вас сразу узнал!» — сказал он, заглядывая мне в глаза. Но я его не узнала. У него был очень жалкий вид — лицо бледное, рябое, заросшее густой щетиной, губы потрескались, дрожат, на плечах грязная рваная рубаха. Он назвался бухгалтером из леспромхоза, бежал весной через фронт к нашим. Пояснил, что воевал, но недолго, под Вязьмой. Затем попал в окружение, месяца два блуждал по лесам и болотам, пока, наконец, его не подобрала наша опергруппа...

И снова я ему не поверила: уж больно, мне показалось, он юлил, изворачивался. Но когда он мне назвал

садик, где я работала, улицу, где жила, и двух наших общих знакомых, я заколебалась и даже его припомнила. Тогда я спросила, что он знает про мою семью. Он сразу опустил глаза. Меня точно молнией обожгло. «Где они, где моя дочь, где сестра — говорите!» — крикнула я, схватив его за ворот рубашки. Он долго молчал, наконец с трудом выдавил: «Немцы вывесили приказ — семьям коммунистов явиться с вещами в комендатуру. Некоторые подчинились, пришли. Других выгоняли из домов силой. Полицаи гнали людей по улице, а тех, кто отставал, пинали, били прикладами. Потом всех погрузили в машины и отправили куда-то на окраину города, где были овраги. Через несколько дней в городе пронесся слух, что там их расстреляли...»

Впервые поведала об этом, да и то — клочку бумаги, бойцам же ни слова об этом решила не говорить. Пусть мое горе горькое умрет вместе со мной. Теперь похоронки почти у всех. Но разве я могу привыкнуть к мысли о том, что у меня больше нет никого?!

Как мирно, как хорошо, как дружно мы жили прежде: Василий, я, моя старшая сестра Клавдия, вырастившая меня, и наша общая любимица Леночка. Но вот неожиданно-негаданно грянула война. Муж был призван в первые дни и вскоре погиб в бою под Минском. А теперь, когда я, находясь в армии, внезапно узнала: расстреляны сестра и дочь... словно с размаху обухом по голове...

Как сейчас помню: мне приснился такой удивительный сон. Кончилась война, я возвращаюсь к себе домой, в Ельню, где жива моя любовь и где я испытала счастье. Бегу по комнатам, кричу: «Клава! Лена!» — но никто на мои слова не отзывается...

10 января.

Зима в самом разгаре. Вдоль дорог сугробы снега, чем-то похожие на белых верблюдов. Мороз крепчает. Промозглый ветер гонит поземку. Москва военная, суровая. Ехали по Садовому кольцу мимо улицы Кирова, где живет моя подруга Галина. Страсть как хотелось к ней зайти, да нельзя было. Очень строго, везде патрули, а у меня нет пропуска.

Проезжали мимо Парка культуры и отдыха имени Горького. На набережной стоят зенитки, но работы у артиллеристов сейчас почти нет, они мерзнут.

12 января.

Сегодня в 10.00 начался слет снайперов. Открыл его генерал Капралов. В президиуме находились несколько полковников. Вначале было страшно, ведь мне поручили выступить от нашего отряда. Стиснув зубы, я взяла себя в руки.

Первое слово по обмену опытом предоставили капитану Зимину. Он краснел, заикался — и провалился. Отличный снайпер, а к выступлению не подготовился. Генерал остался им недоволен. Зимин — весь красный, опустил глаза, долго невразумительно оправдывался.

Другие выступали гораздо лучше, но не все. Интересно говорил представитель северной группы войск, в частности, о «ложных» точках, о способах маскировки.

14 января.

За три дня на слете выступило более шестидесяти человек. Взяла на заметку много ценных примеров, как надо ловчее и крепче бить врага.

18 января.

И вновь началась подготовка к фронту, к передовой. Стреляли по движущимся мишеням, потом отработывали стрельбу с ходу на лыжах.

В последнем упражнении я оказалась в отстающих. Мне трудно тягаться с парнями двадцати—двадцати пяти лет. Раздражала меня и винтовка — эти СВ для зимы мало пригодны. Чуть посильней мороз — все, заело. Кстати, об этом говорили многие.

23 января.

Готовимся. Выдержала испытание по ориентированию на местности. Снова ходили на лыжах. Конечный пункт — Успенское, туда и обратно двадцать восемь километров. Профиль сложный — лес, буераки, речка Вяземка... Тяжко, но ничего — дошла, не впервой. Понемногу осваиваюсь, крепчаю. Ведь в военном деле здоровье является главным и неременным условием успеха. Здоровье ничем не заменишь!

Как же мне хочется побывать в столице, увидеть подругу Галочку, поговорить с ней по душам.

26 января.

Вчера наконец-то выпросила себе отпуск в Москву. Дали всего на одну ночь. Летела, словно быстрокрылая ласточка.

Добралась в 24.00. Галя открыла мне дверь вся заспанная, с огарком свечи в руке. Мы обнялись, свеча погасла. Как полуночницы, стояли в темноте, крепко обнявшись, и минуты три не могли вымолвить ни слова. Еще бы, кажется, сто лет не виделись!

Сколько перемен произошло за эти годы! Я потеряла дочь, мужа и сестру. Она — мужа. В каждой семье много несчастий, перемен!

Оказывается, Галя сперва даже начала попивать в одиночку. Но разве горе вином зальешь?! Только еще пуше душу растравила. В метро она случайно познакомилась с одним бухгалтером с хлебозавода. Пожилым и вдовым. Стали изредка встречаться, припоминать былое. Ведь вдвоем, куда ни кинь, легче дышится. Правда, ни о какой любви не было сказано ни слова.

Напоследок Галя пошутила: «Мой усатый ворчун-старик, как теплая печка! Хоть и не светит, да греет!»

Разве обо всем переговоришь за ночь! Не успели опомниться, как рассвело, пришла пора прощаться.

28 января.

Заканчивается подготовка к выезду на фронт. Капитан Полухин вызвал меня и спросил: хочу ли я ехать со всеми? Да разве можно задавать мне такие провокационные вопросы? «Мы вас бережем», — пояснил он. От кого бережете? В другой раз я рассмеялась бы. Но сейчас была возмущена. Может, они «берегут» меня потому, что не уверены в моей физической подготовке? Боятся, что отстану, простыну, попаду в плен? Нет, не будет такого!

После занятий я тренировалась самостоятельно. Ходила на лыжах с полной выкладкой. Выбрала себе самый трудный маршрут до Голицына. Сдюжила. Я должна быть на фронте. Я должна выдержать все.

29 января.

В 8.00 отправились на фронт. Ехали через Москву — с песнями, с музыкой. У заставы начальник поста похвалил: «Давно не видел такой веселой колонны».

Кончили петь, когда стали проезжать села, бывшие в оккупации. Там до сих пор следы большого горя. Я многое видела и раньше. Гнев и негодование сжимают сердце, глядя на пепелища, горестно торчащие закоптелые трубы, на лица изможденных женщин и осиротевших детей...

Меня поражает сила духа наших людей! Разутые и плохо одетые женщины, голодные дети, старики. В чем только душа держится! Все сообща восстанавливают хозяйство: рубят, пилят, кладут печи. В дело идет каждый обломок кирпича, каждая железяка. Возле Можайска, в одном из сел, я видела, как семья приспособила под жилье кузов сожженной немецкой машины. Стоит врытая в землю железная «лачуга», вся в каких-то непонятных эмблемах и надписях, и вдруг из нее вылезает бородастый русский дед с внучком на руках — оба закутаны в тряпье, но — живые, веселые.

В одной полуразвалившейся избе, где уцелело самое главное — русская печь — старушка Андреевна в белом платке угостила нас рассыпучей печеной картошкой, вкуснее которой, кажется, нет ничего на свете.

Есть села, прямо-таки рожденные заново. Даже наличники на окнах покрашены. И бесноватый железный канцлер задумал сломить наш несгибаемый народ, у которого даже не железная, а стальная воля. Кишка слаба!

Миновали знаменитое Бородино. Бескрайнее, укрытое глубокими снегами Бородинское поле... Меня поразило сумеречное, чисто русское огромное пространство с белоснежными пригорками, где под снегами журчат незамерзающие даже в лютые морозы животворные ключи.

30 января.

Утро вечера мудренее. Встала рано, пошла на разведку. Мы находимся в селе Метелица, от которого осталось лишь одно название. Ни единого дома — все сожгли изверги, даже курятника не сохранилось. Кругом, куда ни кинешь взгляд — снега, снега, снега...

Часть, куда мы прибыли, размещается в землянках. Дежурный по штабу интересовался положением дел на нашем участке фронта.

Послушала радио. Утренняя сводка сдержанная. Но голос Левитана бодрый, значит, дела идут неплохо. Мы набрались опыта, стали спокойнее, увереннее, в панику не впадаем, но и хвастать не любим. Горе злостью вышибаем.

Теперь мы прикомандированы к части, штаб которой находится в селе Ключи. Я попала в первую роту — она размещается в селе Пирогово, тоже селе лишь по назва-

нию. Видно, прежде оно славилось пирогами, а теперь все сожжено.

Личный состав живет в землянках. Вражеский передний край проходит метрах в трехстах отсюда. У немцев позиция более выгодная — лес.

Встретили нашу снайперскую группу, можно сказать, от всей души! В командирском блиндаже накрыли стол. Командир роты Борисов где-то раздобыл бутылку вишневой наливки и старательно угощал меня. Пришлось выпить рюмочку, чтобы не обидеть его.

О нашей боевой задаче говорили подробно. Борисов все шутил: «Погодите... Будет вам и белка, будет и свисток». Видно, ожидают от нас многого, раз устроили нам такую встречу.

В блиндаже духота, накурено, прямо, как говорится, хоть топор вешай. Нет, лучше пойду — свежим ядреным воздухом подышу.

31 января.

В снайперской группе нас четверо: я — старшая группы, ефрейтор Бутенко, мой однополчанин, и двое рядовых — Лютиков и Зарубин. Мужчины, присланные в роту, в основном молодые — средний возраст двадцать—двадцать три года. Меня еще по дороге в Ключи избрали партгруппоргом. Теперь за все отвечаю вдвойне.

Утром провела первое собрание под сосной. Вопрос один: задачи коммунистов в бою. Говорили коротко, протокол не вели; надо поскорее занять позиции.

Местность оказалась более неудобная, чем я предполагала. Нет ни одного мало-мальски прикрытого подступа, пришлось долго ползти по снегу, пробивая себе путь, как мы шутовали, пузом.

Нас удивила тишина на переднем крае у врага. Сперва мы подумали: уж не снялись ли фрицы тайком. А они, оказывается, еще не проснулись! Дрыхли на награбленных перинах. Вот что значит семимесячная оборона! Утром фашисты бегали из блиндажа в блиндаж в одних кальсонах, даже не пригибались, умывались на свежем воздухе, чистили зубы, хохотали в полный голос. За такое наглое поведение захотелось их проучить. Я выжидала момент, когда все уйдут завтракать, тогда можно снимать о д и н о ч е к почти без риска, что тебя сразу засекут.

Вдруг у меня зачесалась щека; обернулась — и увидела метрах в двухстах от себя, на краю леса, как с сосны осыпается снег. Полетела одна шапка, другая... А ветра нет. Смекнула: кто-то лезет на дерево. Но кто? Медведь сюда вряд ли придет. Косолапые в эту пору в берлогах дрыхнут, да и снега для медведя сыплется слишком мало. А для какой-нибудь куницы или тем паче белки — наоборот, много... Напрягла зрение — никого не вижу. Не может быть, думаю, чтобы никого там не было! Больше часа всматривалась, каждую ветку на той сосне взглядом ошупала. Глаза, кажется, вот-вот лопнут от напряжения — ничего не видать. И шея вытянулась, аж болит. Устану, заруюсь лицом в снег, отлежусь с закрытыми глазами — и снова наблюдаю... Терпение, терпение и еще раз терпение...

Недаром говорят: до чего азартна охотничья страсть! И я этой страстью живу, боюсь ее упустить, знаю: уйдет она — и все кончится. А с этой страстью, кажется, рождаюсь заново. Так и сегодня: ползла и падала в снег, ползла и падала. Даже про немцев у землянок забыла, больно эта чертова сосна меня околдовала. Уж очень хотелось разгадать: кто там?!

И ведь разгадала. Внезапно меж веток искра сверкнула. И тут я его увидела. Может быть, даже не увидела, а всем нутром почувствовала: вон — голова, вон — туловище, ноги... Прицелилась, выстрелила. И вдруг дрогнула сосна: вначале посыпался снег, потом отделилась от ствола и рухнула на землю туша в бело-зелено-коричневом маскировочном халате...

Когда я вернулась в землянку и рассказала, что сняла снайпера, комроты Борисов от радости меня расцеловал.

— Мы, — сказал он, — от этого злыдня-фрица во-о как натерпелись, — и полоснул рукой по горлу. — Закрепился, замаскировался, как шапка-невидимка, и шесть наших бойцов срезал.

На душе сразу полегчало: хоть одного за день сняла, да такого оторву!

1 февраля.

Сегодня у нас удача! Наша группа уничтожила восемь фрицев. Особенно отличился Бутенко. На его счету четверо.

2 февраля.

Дед Мороз продирает аж до самых костей — 28°. Выслеживаем гадов с рассвета до темна. Ночью спим не больше трех-четырёх часов. Оборудовали себе двенадцать гнезд — по три на каждую пару: одно основное и два запасных, на случай, если придется менять позицию.

Себе я по-прежнему ставлю «плохо»: третий день — по одному фрицу. У многих кривая показателей скачет: то густо, то пусто. Вчерашний герой Бутенко ходит сегодня мрачный. Зато Лютиков повезло — троих наповал. Ротный старшина дал ему две порции спиртного. Теперь наш Лютиков чувствует себя героем, песни поет. У него неплохой тенорок. Только репертуар больно скудный, все больше про глазки — про голубые да про очи черные.

Вечером к нам в землянку пришел командир батальона Караваев. До этого я видела его мельком и не сразу узнала. Вспомнила, когда дежурный стал рапортовать. Но комбат его остановил и сказал, показывая на меня: «Здесь есть начальник, пусть он и докладывает». Я немного растерялась, потому что еще не привыкла к этому новому для меня слову «начальник». Комбат же дружески махнул рукой и скомандовал: «Вольно». Он осмотрел землянку, кое-кому сделал замечания за беспорядок. Потом подошел ко мне и попросил дать ему сводку показателей всей группы за три прошедших дня.

— Семнадцать, из них один снайпер и два офицера — отличный результат, — похвалил он. — Чем же вы недовольны?

Он увидел на полях сводки мои пометки: «слабо», «никуда не годится» — и улыбнулся. — Вы слишком требовательны к себе. — Он внимательно и, как мне показалось, с отеческой лаской взглянул на меня. — Иногда это хорошо, но иногда плохо.

Присев к столу, он выпил кружку крепкого чая, закурил. Затем повел разговор с бойцами, расспросил о следе снайперов, о Москве. Пожалел, что мы в его батальоне люди временные, и снова взглянул на меня. Спросил не то шутя, не то серьезно: не хотел бы кто-нибудь из нас остаться здесь? Тогда он похлопочет перед начальством.

Странно: мое настроение неожиданно переменялось. Я заметила, что облегчение души часто наступает тогда,

когда, как говорится, дошел до ручки и уже ничего хорошего не ждешь. Не ждешь, а оно внезапно является. Или, наоборот, когда очень ждешь и больше того — уверен, что все должно быть хорошо, — вдруг жизнь круто поворачивается на 180 градусов... Бомбежки, пожары, ведьма со смертельной косой ходит по пятам...

3 февраля.

Прилегла отдохнуть. Чуток задремала, слышу, кто-то дергает за ногу. Оказывается, посыльный из штаба. Говорит, что комбат требует немедленно к себе.

В штабной землянке меня встретили с распростертыми объятиями. За столом сидели офицеры. «А вот и Машенька!» — закричали они, и каждый стал приглашать сесть рядом. Караваев и замполит Кириллов усадили меня между собой и налили «штрафную». Я, скрепя сердце, села (не люблю, грешница, этих фронтowych застолий), но пить отказалась.

— Не будете? — спросил Караваев и подмигнул замполиту.

— Не буду, — ответила я.

Все засмеялись.

— Будете! — Кириллов похлопал меня по плечу, повернулся и включил рацию.

Грянула музыка. Я сразу узнала — Чайковский, «Торжественная увертюра». У меня сердце так и дрогнуло: значит, что-то случилось. И Левитан торжественно и гордо стал читать приказ о разгроме немцев под Сталинградом.

91 тысяча пленных, более полутора тысяч танков, почти семь тысяч орудий... Вот это трофеи! А главное — враг покотился от Волги и теперь, наверное, долго не опомнится.

— Ура-а-а! — крикнул Кириллов.

Все подняли стаканы. И я тоже.

Не помню, кто провожал меня. Помню только, что мы шли по ходу сообщения и пели. Пели вразнобой, каждый свою песню: кто про «Катюшу», кто «Запрягайте, хлопцы, коней», кто еще что-то.

4 февраля.

Поземка, ветер северо-западный. Глаза засыпает снегом. Результаты хуже вчерашних, я сняла всего одного.

Шел какой-то долговязый в траншее, зазевался, голову высунул. Вижу, над снегом зеленая каска плывет. Сначала подумала, что немец разыгрывает, поскольку мы так же иной раз делаем: наденем каску на палку и водим над бруствером туда-сюда, когда для «шухера», а когда всерьез, чтобы вражеского снайпера обнаружить. Но поверила, решила рискнуть, хотя, в общем-то, при такой погоде риск небольшой. Подловила зазор между каской и землей — так, темную полосочку — и послала пулю. Вынырнул мой фриц, вижу: настоящий, не палка, аж по плечи вылез, лег грудью на край траншеи и снег руками заскреб — к себе, к себе. Хотела я его добить, но снова подул ветер, а когда утих — фрица уже след простыл. Теперь гадаю — писать себе в сводку единичку или не писать. Лютиков говорит — писать, так как никто не докажет, что этот фриц не убит. Но я отвечаю: «А кто докажет, что убит?» Мне «липы» не надо.

Из-за метели вернулись в землянку рано. Командир роты, к которому я пришла с докладом, долго меня не отпускал, «гонял» по тактике. Я краснела за свою слабость. Но и командиры взводов тоже ошибались. Борисов спрашивал: «Справа, в районе Черного озера, два вражеских танка. Ваше решение?», или «Враг перешел в наступление: одна пехотная рота в центре; слева, за лесом, батарея тяжелых минометов. Справа два танка. Командуйте!»

Я слушала с большим интересом. Кто бы из командиров ни отвечал, как он поступит в данном случае (а говорили они, на мой взгляд, убедительно), Борисов всегда подмечал у них какую-нибудь ошибку, а затем находил правильное решение. Очень толковый командир! Даже в таких сложных условиях заставляет людей работать над собой. Молодец!

Между прочим, игра игрой, но было похоже, что противник в самом деле собрался наступать. Его артиллерия весь день молотила наши позиции, но бог миловал, много ущерба не принесла.

5 февраля.

Сегодня сняла троих. Работала с подъемом.

Вернулась, дала приبلудной Мурке стуженки из своей порции, а она, паршивка, сперва не хотела есть, но вскоре вошла во вкус, просит еще. Придется отдать все.

Днем принесли посылки. Мы решили устроить ужин. Настроение веселое. Лютиков опять мычал под балалайку свои «жестокие» романсы. А мы пели «Катюшу», «Синий платочек», «Землянку».

6 февраля.

Опять буран. Пропал день — ни одного фрица не уничтожили ни я, ни мой напарник.

Вечером беседовала с бойцами. Читали газеты. Сегодня к нам заходил Кириллов, попросил меня помочь ему провести беседы в других землянках первой роты. Мне нравится Кириллов за его прямоту, простоту, дружеский подход к людям. Приглашал в штаб слушать последние известия.

7 февраля.

Питлеровцы нервничают, лупят по переднему краю и в глубину. Бессистемно лупят. Их снайперы обстреливают ячейки, выискивают каждую точку. Сегодня днем пуля влетела в амбразуру нашей землянки. Трое бойцов сидели за столом, обедали. Пуля, к счастью, пролетела мимо и попала в фотокарточку заграничной киноартистки Франчески Гааль, которая играла в двойных фильмах «Петер» и «Маленькая мама». Эта фотокарточка висела над головой Коли Сметкина. Коля дал слово отомстить врагу за свою «симпапулю», как он выразился. Кто-то из товарищей ему пояснил, что эта «Петер» немка. Вначале Коля не хотел верить, а потом махнул рукой: «Ну и черт с ним, что немка, а зато артистка какая! Если бы она фашистка была, в наших кинотеатрах ее не показывали бы...»

8 февраля.

На рассвете после бурана снова на охоту. Враги не успели очистить траншеи от снега — проспали или побоялись носы отморозить. Теперь ходят, согнувшись крючком. Идут по траншее — одни спины плывут, точно скот гонят. Но я по таким стрелять не люблю: ненадежно, пуля часто проходит по касательной, фриц падает, а результата нет. Жду, когда голову поднимет — тогда можно бить наверняка.

Только что звонил наш Первый, сказал, что завтра в 12.00 будет боевой «концерт». Приказал готовиться. «Декорации» забираем с собой.

Жаль расставаться с товарищами! Придется оставить им и ласковую мурлыку Мурку, а жаль, я ведь к ней так привыкла.

9 февраля.

Многие напасти позади. Жалеем об одном — о нашей теплой землянке. Промерзли в дороге, теперь домерзаем в полковом клубе. Все дрожат от холода. Я пишу в перчатках. Придется лечь с мужчинами, в серединку. Хозяйственный Лютиков разыскал где-то старые кумачовые лозунги и завернулся в них. «Как мертвый генерал, осталось на лафет положить!» — смеется Бутенко, который однажды видел, как хоронили генерала. Лютиков отшучивается: «А ты мерзни, как живой ефрейтор». Они подружились за время слета, но не хотят друг другу ни в чем уступать, то и дело подкалывают друг друга. Вчера я подвела итоги практики: у Бутенко восемнадцать фрицев, у Лютикова — семнадцать. Сегодня утром начали собираться, смотрю: Лютикова нет. Пришел в землянку перед самым выходом — весь в снегу, но сияет. «Порядок!» — говорит. Оказывается, он ходил на передовую и подловил на мушку еще одного фрица, восемнадцатого.

Скорее бы утро. В дороге, в движении всегда теплее...

15 февраля.

Чудеса! Сегодня нежданно-негаданно мне вновь довелось побывать в Москве. Ходила на Красную площадь. Поклонилась Кремлю, памятнику Минину и Пожарскому. Бросила пяточок возле памятника Пушкину. Это чтобы еще хоть разок здесь побывать. Удивительное чувство! Когда перед глазами эти великие святыни русского народа, то забываешь обо всех своих невзгодах.

16 февраля.

Вновь удалось встретиться с Галиной. Мы обе очень обрадовались. Галя — единственный человек, с кем я откровенна до конца. Проговорили до утра. Галя спрашивала, постарела ли она. Я сказала, что почти не изменилась. Каждому ясно — время не красит, несчастья тоже, но кому польза от того, если скажешь прямо в глаза эту горькую правду? Тем не менее Галя бодрится. Выпила рюмочку, завела патефон. Мы пели песни из лю-

бимых кинофильмов. Галя удивилась, что я не пью. Говорит: «Больно ты стала строгая».

17 февраля.

Вчера побывала с Галей в театре, смотрели «Ромео и Джульетта». Билеты мне достали «по благу», так как почти все театры в эвакуации, но я старалась прежде всего для Гали — хотелось сделать ей на прощание приятное. Я ведь теперь железная. Меня теперь никакая драма или трагедия за душу не возьмет, при моем-то безутешном горе. Всего на своем веку видела-перевидела. А оказалось — ошиблась...

Да, искусство надо, прежде всего, уметь чувствовать, сопереживать вместе с героями. Мы же, фронтовики, заостенели, отвыкли. «Душа обледенела», — говорил капитан.

Билетерша посадила нас в ложу, где все обито красным бархатом, и мне сразу стало как-то не по себе, будто я села на знамя: ведь на фронте мы этот бархат целуем, когда клянемся... И гладкие, самодовольные мужчины в гражданском меня больно раздражали, так и хотелось проверить у них документы — не дезертиры ли?!

А потом открылся занавес, и я постепенно забылась. Пьеса из средневековой жизни, нравы другие, ничего подобного сейчас нет, но артисты играли настолько замечательно, что в нескольких местах я даже всплакнула. Смотрю на сцену, а сама свою жизнь перебираю — то вспомню техникум, преподавателей, наши веселые комсомольские вечеринки, то перенесусь на зеленые кручи, то в беседку, где любила с подружками и парнями по вечерам песни петь...

Возвращались мы с Галей домой молча. Разговорились только, когда подошли к подъезду. «Почему ты плакала?» — вдруг спросила Галя. Я сказала, что мне было жалко невинно загубленные жизни молодых людей.

В общем, я рада, что повидала Галю, хотя о многом еще хотелось поговорить с ней. Хорошо, что еду на фронт, еду бить ненавистного врага, гнать его с родной земли. Прощай, столица!

28 февраля.

Хоть в гостях и хорошо, а дома все же лучше! И вот я снова у себя в полку. Здесь нет тех суровых морозов, что

изрядно пощипали нас в дороге. Хотя кругом снега, но в воздухе уже чувствуется благотворное дыхание весны.

Мне радостно от льющегося в комнату солнца, от крепких объятий боевых товарищей (черти, обнимали меня с такой силой, будто я им Илья Муромец или еще какой-нибудь богатырь!). Но главная радость — от столь желанного и уже близкого духа победы. «Будет и на нашей улице праздник!» — слышится то тут, то там. Этим праздником для всех нас стал разгром врага под Сталинградом.

Сейчас Мариша, штабной писарь, принесла фотографию покойной Соломеи Петровны Родзевич. Я помню ее живой — как она учила меня останавливать кровь при ранениях крупных артерий, гипсовать и лубковать переломы. Помню ее низкий, хрипловатый голос с польским акцентом, большую махорочную сигарку во рту, помню ее шуточки: «Ты не знаешь, на кого ты похожа? Откуда взялось такое веселое чучело с челкой на лбу? Пойди, взгляни в зеркало. Ха! Потом расскажешь бойцам, как оно выглядит». А как она любила музыку! Ночами просиживали у радики, когда эфир не был загружен, и радист настраивался на какой-нибудь концерт. Слушая Моцарта или Шопена, она иногда плакала, хотя я ни разу не видала на ее глазах слез в обычной фронтовой жизни, даже в самые тяжелые минуты. А как она смеялась — громко, заливисто, вздрагивая всем телом...

И вот она лежит в гробу, в своей шинели с двумя «шпалами» на петлицах. Рыжие с проседью волосы зачесаны за уши, на лице удивление: как ее смели убить фашисты, когда на пороге весна, когда мы неуклонно движемся вперед. Да и вообще смерть и моя дорога подруга — такие несовместимые понятия!

8 марта.

Сегодня бойцы преподнесли мне букетик подснежников. Помнят! Хотя деньки горячие. Ездила по батальонам, по заставам. Обстановка тревожная: немцы подтянули свежие силы и начинают нас теснить. Внушала бойцам, что капитального отступления не будет, что это временная тактическая мера, позволяющая нам лучше сориентироваться, перегруппироваться и ударить по врагу с новой силой.

А у самой душа прямо горит, горит, как факел. Верю: скоро разобьем фашистов в прах!

Недавно по заданию замполита я побывала в двух подразделениях. Люди устали, чуть с ног не валятся. Пыталась провести беседу — не получается. Соберутся в избе, сядут — и спят. Я изо всех сил стараюсь: и ту тему поднимаю, и эту — ничто не берет за живое. И во мне искра гаснет. Начинаю раздражаться, чувствую — не так, не то... Разозлилась, уехала. В пути случайно встретила замполита. Он спрашивает: «Чем расстроены?» Рассказала. Он советует: «Едемте в другой батальон, где обстановка лучше, с ними поговорите». Не хотела — заташил. Вижу, здесь совсем иные люди: собранные, энергичные, сами меня на разговор вызвали. Беседа прошла «с огоньком», по-деловому... Думаю, — где же тут собака зарыта? А командиры шутят: «Наверное, «собака» в том, что, как только мы на новое место приедем, так сразу всем баню устраиваем и белье меняем». Помнится, что кто-то из мудрых генералов сказал: «Офицер, который не придаст значения нуждам солдат, не имеет права ими командовать».

Шутка шуткой, но на обратном пути я решила снова захватить в одно из тех злополучных подразделений. Приехала, спрашиваю у первого встречного бойца:

— Давно в бане не был?

— Три месяца, — отвечает.

Это с начала зимы значит.

— Когда же вас мыться поведут?

— Еще город освободим, верно, тогда.

Тут в моей душе все вскипело! Пошла по селу, отыскала в одном из дворов полуразрушенную баньку, привела туда замполита. Он приказал командиру роты собрать бойцов и срочно отремонтировать, под личную ответственность. Командир в мой адрес съязвил:

— Вы снова в санинструкторы перешли?

— Да, — согласилась я, — перешла, по совместительству.

Сперва ворчали, ворчали, но баню все же затопили. А сменного белья нет — хозвзводная повозка заблудилась. Пришлось упросить хозяйку, чтобы разрешила у себя в доме на одну ночь прачечную открыть. Пока одно отделение мылось — другое готовило для него белье. Бойцы бегали с хохотом голые из бани в избу, из избы в баню. И так до утра... В общем «операция по борьбе с вредителями», как окрестили ее мужики, закончилась успешно, если не считать небольшого ЧП. Причем виновницей

его оказалась я. Взялась прожаривать последнюю партию белья, да, видно, перекалила железные листы или уголек оставила. На минуту отлучилась из избы, вернулась, смотрю — из печки дым валом валит. Заслонку открыла, вытащила листы, залила водой, ну, конечно же, потери обнаружили. Одна гимнастерка полностью сгорела, две или три слегка прижгло. Думала, хлопцы будут ругаться. Ничего, обошлось. Посмеялись: «Зато теперь уж точно ни одного паразита не осталось».

На следующий день стала занятия проводить, смотрю — слушают внимательно, в глазах — уважение. А я на занятия пришла в шинели, поскольку свою гимнастерку пришлось «погорельцу» отдать. Но — ни смешка по этому поводу. Расстались друзьями.

Да вот еще... меня страшно обижает постоянная жалость со стороны моего начальства. «Вы не дорожите своей жизнью!» — упрекнул меня как-то командир полка. И глянул так, словно он все знает. «Вы тоже не дорожите собой!» — ответила я. «Неправда, — усмехнулся он, — я стараюсь не думать о смерти. Но я дорожу жизнью».

Не понимаю, в чем здесь разница — «не думать о смерти» и «дорожить жизнью».

25 марта.

Прежде меня учили под Москвой, теперь учу я. Ибо за два года войны набралась кое-какого опыта. Занимаемся люто, с раннего утра до поздней ночи. На сон приходится не более четырех—пяти часов, но я подбадриваю моих «ребятишек» (почти все они зеленые юнцы, хотя уже немало обстрелянные), напоминаю им: лучше недоспать здесь, чем заснуть навеки от вражеской пули там.

Большое значение придаю теории. Мой первый учитель Кудрявцев считал, что снайпинг — это опасная работа, связанная с неколебимым спокойствием и терпением, и в то же время немного искусство. По-моему, снайпинг — наука, такая же точная наука, как математика. Вот пример: если в театре артист ошибается на сцене, сказав не ту фразу, то в дальнейшем он может исправить свою ошибку хорошей игрой. Эта его ошибка не влияет на конечный результат. Если же ошибется математик, не только цифрой, а даже запятой, то конечный результат всех его вычислений может быть весьма далек от истины. А одна ошибка снайпера может стоить

ему жизни! Наука быть снайпером — это, прежде всего, точный расчет, хладнокровие, потом уж отвага. Все это и есть, по-моему, главные слагаемые успеха. А еще важные черты снайпера — твердость характера и решимость.

2 апреля.

С подготовкой закончено. Устала ли я? Конечно, устала, вымоталась, но сейчас мне не до усталости, не до нытья. Пусть никто не упрекнет меня в этом! Нет, нет и нет! Скоро снова в бой! Честь превыше всего! Ведь отступления на войне постепенно восстанавливаются, а потеря чести — никогда.

На фронте снайперу чаще всего приходится действовать в одиночку, он не ощущает дружеского локтя, сам принимает те или иные решения и несет за них полную ответственность.

В советской армии снайперы были всеобщими любимцами, ими восхищались бойцы, им даже многие завидовали. От желающих освоить эту воинскую специальность не было отбоя. Все это и позволило создать при воинских частях снайперские школы. Там солдаты осваивали навыки этого трудного, рискованного ремесла, как говорится «без отрыва от производства». По-моему, любой военный профессионал, а снайпер в особенности, должен быть прежде всего убежден в правоте своего дела, дела, которому он служит. Снайпер твердо знает, что, убивая врага, защищает своих боевых товарищей, своих родных и свой народ, свою Родину и свой самый дорогой каждому малый уголок земли.

28 апреля.

Знаете, несмотря на все испытания и невзгоды, выпавшие на мою жизненную долю, я все же сентиментальна, больше всего на свете люблю детей и поэзию. Поэтому мне захотелось расцветить свои корявые и сухие записи стихами любимых фронтовых поэтов: Вероники Тушновой и Юлии Друниной.

Не правда ли, как замечательно писала о войне Вероника Тушнова, которая вовсе не была обычным врачом на фронте. О ней писали в «Красной звезде»: Тушнова, несмотря на смертельную опасность, всегда рвалась на

поле боя. Всеми силами она стремилась облегчить страдания раненых, бросалась им на помощь.

Всем сердцем она переживала страдания бойцов. А на привалах между боями из всего виденного и пережитого в ее душе рождались стихи. Я слышала, что раненые очень любили ее. Ведь ее редкая девичья красота была как бы озарена изнутри. Бойцы с восхищением замирали, когда Вероника в белом халате входила в палату и начинала читать:

*Бои ушли. Завесой плотной
Плывут туманы вслед врагам,
И снега чистые полотна
Расстелены по берегам.*

*И слышно: птица птицу кличет,
Тревожа утреннюю синь.
И бесприютен голос птичий
Среди обугленных пустынь.*

*Он бьется, жалобный и тонкий,
О синеву речного льда,
Как будто мать зовет ребенка,
Потерянного навсегда.*

*Кружит он в скованном просторе,
Звоня немислимой тоской,
Как будто человечье горе
Осталось плакать над рекой...*

А теперь посмотрите, как впервые почувствовала запах пороха и услышала свист пуль Юлия Друнина. Прямо со школьной скамьи она шагнула на фронт:

*Нет, это не заслуга, а удача —
Стать девушке солдатом на войне.*

*Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне...*

*С восторгом нас, девчонок, не встречали,
Нас гнал домой охрипший военком.
Так было в сорок первом. А медали
И прочие регалии — потом...*

*Смотрю назад, в продымленные дали:
Нет, не заслугой в тот зловещий год,
А высшей честью школьницы считали
Возможность умереть за свой народ.*

Вот так, каждая по-своему, сражались на фронтах женщины, сражались, как поется в песне: от Москвы до Бреста.

5 мая.

Через месяц меня снова послали на фронт. Я участвовала в наступательной операции, была фрицев, но и сама чуть богу душу не отдала. И не от фашистской пули или снаряда, а так, что глупее и быть не может. Когда мы отступали, я едва не утонула в болоте, вместе с санитарной машиной, со всеми ранеными, и утонула бы наверняка (не бросать же раненых), если бы не шофер, изловчившийся в самый последний момент подсунуть под колесо машины бревно. Грязная, холодная жижка просочилась в кузов, дошла до окон. Я металась в проходе между носилками от кабины к дверям. Не люблю вспоминать минуты слабости — нет хуже муки, чем сознавать свое бессилие.

И в таком же «гиблом месте», на заболоченном берегу, в дни наступательной операции, я снова едва не погибла. Враг разбомбил переправу. Пока саперы ее чинили, я плясала на пригорке от холода. Наконец не выдержала, двинулась вброд. Сначала болото было мелкое, по колено, я приноровилась и шагала уверенно, прошла уже больше половины и вдруг трясина — провалилась по шею. Даже крикнуть не успела — голос от страха пропал. Рядом, в десяти шагах, люди работают, я их вижу, всех вижу — носы, уши, потные лбы, кажется, протяни руку — дотянешься, а протянуть-то не могу, обе руки в трясине, только голова над водой возвышается, молит бессловесно одними глазами: спасите, братцы, не дайте погибнуть до срока! Сколько минут — точнее, сколько лет, а может веков прошло — не знаю, знаю только, что очень жить хотела и про себя клялась ни одного раненого в бою не оставить без помощи, лишь бы выжить, лишь бы кочечка под правой ногой — единственная моя опора подольше продержалась, не выскользнула... Так вот стояла и теряла надежды. Молча стояла — голос про-

пал. Наконец увидели! Бойцы подплыли на досках, вытащили, изматерили на чем свет стоит, а потом, когда с меня жижга стекла, они рассмотрели кто я... Извиняться стали — принесли сухую шинель, сапоги, кипятку раздобыли. Вспоминаю — прямо и смех, и грех. А как хохотала я сквозь слезы тогда над собой! Чучело, да и только! А ведь была на вершок от смерти!

Помнится, мой наставник Кудрявцев сказал мне однажды: «Солдаты не должны страшиться смерти. Когда смерть презирают, ее загоняют в стан неприятеля». А ведь и правда так.

10 мая.

Наша группа ходила в рейд. Результаты неплохие: тридцать два убитых фрица и восемнадцать пленных.

В полку нас встретили как героев — с оркестром. Мне преподнесли букетик весенних цветов. Замполит произнес речь, в которой сказал, что если бы каждый боец уничтожил столько фашистов, сколько мы их уничтожили, то война давно бы кончилась...

Никто из наших не убит, не ранен, — ни в чьей семье не будет горя. А то, что другие, кто давно не был на передовой, восторгаются нашими «подвигами», так это понятно. Все познается в сравнении. Для них мы — герои, как для нас всегда были героями разведчики, добывающие «языков». До этого рейда я не представляла, как можно скрытно, при вспышках ракет, пройти через линию фронта, преодолеть минное поле, снять или обойти передовое охранение, завалить «языка», да так, чтобы он не пикнул, живым доставить на нашу сторону... И еще я заметила, что наш человек совестится, когда видит, что его товарищам достается лиха больше, чем ему. Стыдно ему — за свою спокойную жизнь, за то, что ходит не раненый, не контуженный. Я видела, когда мы пленных фрицев вели через село, как их офицер выменял у какой-то бабки за портсигар жареного куренка. Он важно сел, расстелил белый платочек и давай обрабатывать этого куренка — каждую косточку обсосал. А рядом, на носилках, лежал раненый солдат, все едоку в рот заглядывал, но попросить не решался, — так тот, паразит, раненому ни кусочка не дал. Остальные фрицы на это спокойно глядели, никто не возмутился. И я поняла, что мы их победим. Когда в армии меж своими сове-

сти и жалости нет — таким никакая техника не поможет. Да, вот еще одна мысль: солдат, униженный и обесчещенный командиром, не думает о победе и чести.

14 мая.

Прошло три дня боев. О первом из них меня сегодня долго расспрашивал корреспондент «Красной звезды».

Спрашивает: был и у меня какой-нибудь заранее продуманный план, как охотиться. Ну, что я скажу? Плана не было. В тот вечер я вспомнила о моем первом боевом крещении и увидела, что немцы не стреляли по водокачке, решила использовать этот выгодный для снайперской позиции объект.

Комбат знал, что меня переубедить трудно. В ту же ночь мы с Кудрявцевым пошли к «соседям», которые скрытно провели нас по ходу сообщения до самой насосной станции, предупредив, что в двадцати метрах отсюда немецкая передовая. Но это нам было только на руку. Забравшись на самый верхний этаж водонапорной башни, мы надежно закрыли вход, оборудовали позиции и стали ждать, поживаясь от ночного холода.

И тут наше молчаливое уединение внезапно нарушил отчаянный птичий чудак — шальной фронтовой соловей. Как, какими неведомыми путями прилетел он в эти адовы места? Правда, здесь, наверное, испокон веков жили его далекие предки и жили год от года в тишине, любви и спокойствии... Тем часом он запел. Да еще как запел-раззадорился! Рассыпался мелкой дробью, защелкал на все лады, ударил, как говаривал мой дед, в «леше-ву дудку» — и разом у нас на душе полегчало, я бы даже сказала, повеселело. Каждый вспомнил о мирных днях, вспомнил свою малую родину, детство и юность...

Я видела, как всходило солнце. Весною по утрам мне не спится. Я привыкла подниматься до зари. Несмотря на горе и лишения, душа вдруг наполнилась искрометной радостью. Вдали березовая роща окуталась туманом. Слева от нас порозовела полоска на востоке. Потом серебрились алмазами, сверкали росные травы... Здесь тихо, спокойно и воздух хмельной. Но вот внизу, под нами, в немецкой траншее кто-то заиграл на губной гармошке. Не люблю я это сопенье, но тут почему-то расчувствовалась, может быть, потому, что Кудрявцев подпевать стал: «В лесу родилась елочка, в лесу она

росла...» Получалось у них. А мне досадно. Думаю: зачем эти дьяволы сюда пришли? И так мне вдруг захотелось снять этого гадкого музыканта. И сняла бы, если бы он выглянул...

Правда, вскоре началась другая «музыка» — заговорили немецкие орудия. Били издали, из крупнокалиберных. Но по водокачке не стреляли, боялись без питьевой воды остаться, да и своих могли накрыть огнем. В общем — лучшего места для снайпера не найти: сидишь в безопасности, а перед тобой все как на ладони.

Мы с Кудрявцевым договорились: снимать только офицеров. К полудню определили, где у врага вход в командирский блиндаж. Следили часа два, до рези в глазах — и все напрасно. Один вынырнул было с серебряными галунами, но не офицер, а унтер или фельдфебель. Уже хотела спустить курок (и момент был выгодный — сзади, от наших, пулемет строчил), но увидела зеленый просвет на погоне и воздержалась. Цель ушла. А через полчаса их артиллерия замолчала, наша тоже. Потом загремели фрицы котелками — обед начался.

Нам тоже есть захотелось. Спустились вниз, к своим, а там — горе. Убит молодой лейтенант, командир пулеметного взвода. Мы поклялись, что отомстим врагу...

Поднялись снова на башню — злые, с одним желанием — поскорее свести счеты. Вообще, я давно заметила, что у сыгоча зоркость притупляется, энергии меньше. Вот и к нам удача вскоре сама в руки пришла — недаром говорят: на ловца и зверь бежит. Только немцы артподготовку возобновили, вижу — движется по ходу сообщения «зеленая фуражка с кантом». Затаилась, гадаю: то ли чучело офицера, то ли офицер? Думаю, если офицер, то разогнетя, хотя бы у самого входа. Разогнулся. Тут я его тюк! Привалился к стойке, точно стоит и думает: войти ему или нет. Минут через пять немцы спохватились, примчался санитар с сумкой, пощупал пульс у офицера, махнул рукой...

А спустя полчаса Кудрявцев снял еще одного офицера-эсэсовца в черном мундире. Но вражеский наблюдатель, видимо, заметил вспышку. Ход сообщения вдруг опустел, наступила тишина.

Мы с Кудрявцевым молча переглянулись. Подмигнули друг другу: задали, мол, этим гадам задачу. Мы были уверены, что теперь они сосредоточат на нас огонь всех своих автоматов, а может, даже пошлют гранатометчиков. Пора уходить...

Однако фрицы поступили по-другому. Из-за холма показалась полевая пушка. Ее ствол, задранный кверху, постепенно опускался, явно нацеливаясь в башню. У меня кровь похолодела. «Неужели они все же решили разрушить водокачку?» — словно каленым железом обожгла страшная догадка.

Грянул выстрел — и снаряд с гулом и клекотом пронесся мимо. Нас обдало жаром. «У-ух!» — тяжело вздохнула земля, башня вздрогнула, с потолка посыпалась пыль.

Мы с Кудрявцевым боязно переглянулись: «Пристреливаются? Или пугают?» Не сговариваясь, посмотрели вниз, фашисты стояли в полный рост и гоготали. Они были уверены, что мы убежали.

Пронесся еще один снаряд — опять мимо. Еще один — уже совсем близко. От его разрыва башня пошатнулась. Внизу, под нами, что-то затрещало...

Кудрявцев выстрелил — раз, другой, третий... Видела — два фашиста упали. Я тоже хотела стрелять — не получилось, заело затвор. В запасе у меня остались две «лимонки». Швырнула их. Они разорвались, не долетев до гитлеровцев, но те сразу присели. «Трусые! — закричала я. — Вам только над беззащитными издеваться. А тут не пройдет!»

Конечно, подробностей сейчас не помню. Кудрявцев говорит, кричала я и хохотала, как безумная. Снаряды рвутся, башня ходуном ходит, земля с траншеями плывет, кружится, а я что-то кричу, смеюсь, будто с ума спятила. Одно помню, — легче мне стало от этого головокружительного вихря.

В себя пришла только в блиндаже, куда на руках притащил меня из рушащейся башни Кудрявцев. В ушах звенело, лица товарищей плыли, словно в тумане. Контузия. Но сразу догадалась: жива! Жива и здорова! «Ну, Мария, — прокричал мне в ухо комбат, — скажи спасибо своему богу. И ему, — он указал на Кудрявцева. — А то лежать бы тебе сейчас под развалинами».

Да, вскоре после нашего бегства рухнула башня. Мы с Кудрявцевым приходили туда, к ее развалинам, приходили раз и другой. Как ни странно, чем-то мне приглянулось это место: двум смертям не бывать... Трудно передать словами, как я ненавидела тогда эти наглые рожи, эти оскаленные в улыбках рты. Больше они не будут смеяться. Никогда.

20 мая.

Разместились на новом месте, в жерле большой трубы, проложенной под землей. Конечно, эта позиция хуже, чем на башне — меньше обзор, неудобное положение для стрельбы, но наш дневной результат уступил предыдущему только на одного фашиста. Следовательно, «должок» наш уменьшился!

25 мая.

Сегодня у нас праздник. Сегодня к нам в блиндаж приехали знаменитые артисты Михаил Жаров и Людмила Целиковская. На растянутой белой простыне нам показали комедию «Сердца четырех». Все были в восторге. А потом Жаров прочел уморительно смешные рассказы Зошенко, а Людмила Целиковская спела наши любимые песни... те песни, которые пожелали сами солдаты. Настроение у всех разом поднялось.

А после концерта, когда над нашими головами смолкла артиллерия, солдаты пошли в бой с криками: «За Жарова! За Целиковскую!»

1 июня 1944 года.

Бои, бои, бои... Да, чуть совсем не забыла, сегодня день рождения моей дочери. Ей было бы восемнадцать.

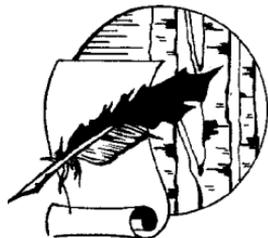
Теперь я помню только эту дату, другой не хочу знать.

* * *

...Берега светлой реки Рузы. Тихо кругом — ни шороха, ни всплеска, ни дуновения. В зеркало воды по-прежнему глядятся длиннокосые ивы. Прохладно, и воздух прозрачный.

Широкая песчаная отмель. Лодочный причал. Среди многоцветья красок осенней поры следы на песке. Только что здесь прошла Мария Ивановна. Я долго смотрю ей вслед на следы на песке, задумываюсь о ее великой фронтовой судьбе.

Судьбы фронтовые!.. Сколько бы ни было сказано-пересказано о них, о путях-дорогах, пройденных героями-фронтовиками, — нет ни одной судьбы одинаковой.

Виктор КИРЮШИН

КАПЛИ НА ВЕТЛЕ

* * *

Войны кончаются миром:
Для победителей — пиром,
Для побежденных — бедой...
Кто этот мальчик седой?
Он по вокзалам кочует,
Он где попало ночует —
Пасынок пьяной страны.
Мальчик вернулся с войны.

Как он безжалостно молод!
Дождик стекает за ворот.
Ходит почти что живой
Мальчик с седой головой.
Он сигарету мусолит,
В барах деньгами не сорит,
Будто свалился с луны.
Мальчик вернулся с войны.

Даже ни разу не ранен,
Лишь неприкаян и странен
Свет замутившихся глаз —
Не отпускает спецназ.
Черною меткою мечен,
Чей же взвалил ты на плечи
Крест непосильной вины?
Мальчик вернулся с войны.

СТАРШИЕ БРАТЯ

Душа хранит мечту об отчем крове,
О тропке, утонувшей в лебедь.
Мы выросли на хлебе и любви,
Те, кто до нас, —
на горе и воде.

Из Дубролани иль Поповки,
Которых и на карте нет.

Спешит проселком на бетонку —
И счастлив, что не одинок.
А поле тянется вдогонку:
«Ты, верно, голоден, сынок?..»

ЭТЮД

Индевеют лодки на приколе.
Гол и светел краснотала куст.
За рекою конь в остывшем поле
Чутко осень пробует на вкус.

Он травы касается губами,
И в глазах от желтого рябит.
Стылый ветер,
Пахнувший грибами,
Как ребенок, гриву теребит.

Вестниками скорого мороза
Листья вдаль уносятся,
Шурша.
Мужики стоят у перевоза
И в молчанье курят не спеша.

В час, когда на белом свете сиро,
Мучит тайна
Каждого своя:
Одного —
Непостижимость мира,
А другого —
Краткость бытия.

* * *

Сечет по стеклам темная вода.
Вздремнешь и усомнишься поневоле,
Что где-то есть большие города,
Там, за рекой,
Где черный лес и поле.

Но дождь пройдет, и капли на ветле
Горят, как бус серебряная нитка.

И весело на сорванной петле
Качается скрипучая калитка.

* * *

Так это в памяти осталось:
Промытый яблоневый сад,
Где ты, счастливая, смеялась,
Откинув голову назад.

Лучи гирляндами висели,
Гроза брела издалека.
Цветные, словно карусели,
Кружили в небе облака.

А в бане ветхим был порожек.
Я помню все до мелочей:
На платье розовый горошек,
Волос взволнованный ручей.

Страх до беспамятства вначале
И ослепленье это вдруг..
И как потом с тобой молчали,
Уже не разнимая рук.

* * *

Прекрасна неопределенность,
Когда возможны «да» и «нет».
Не страсть,
А тихая влюбленность,
Не вспышка —
Сумеречный свет.
Какое б ни было решенье,
Как жизнь ни сложится твоя,
Не результат, а предвкушенье —
Простая прелесть бытия.

ВОСПОМИНАНИЕ

В день, когда глазам бело до рези
И струится холод голубой,
Хорошо в дороге дальней грезить
Светлой и натопленной избой.

Вот желанная свобода,
О которой я мечтал!

За спиной засов подъездный
Выстрелом прогрохотал...
Вот он — занавес железный.
Тот, который я ругал.

Зря стучитесь, бедолаги!
Не открою никому.
Это мой особый лагерь.
Мой ГУЛаг в моем доме.

Не ищите, мои дети,
Кто украл у вас страну..
Это я в железной клети
Срок пожизненный тяну.

Это я обрел свободу..
Вот она — ни взять, ни дать!
И за это мне, уроду,
Век свободы не видать!

* * *

Ну что, бедолага застрешный,
Не сладок удел воробья?
Опять из тесовой скворешни
Скворцы вышибают тебя.

Но только ли горькое лихо
В твоей горемычной судьбе?
Недаром твоя воробьяха
Доверчиво жметя к тебе.

Клочок прошлогоднего сена
Да солнечный лучик во мгле...
Не так уж уныло и серо
Твое житие на земле.

Хватает под солнышком вешним
И света тебе, и тепла.
Зачем тебе эта скворешня?
Всего-то четыре угла...

ХОЛОДЕЦ

На тарелках дрожит холодец.
От вина запотели рюмахи.
От Володьки уходит отец,
А Володька в нарядной рубаше.

На дворе ясный солнечный день,
И распахнуто настезь окошко.
За плечо перекинут ремень,
Но оглохла от горя гармошка.

Тетя Вера, Володькина мать,
Нарядившись в красивое платье,
Умоляет Володьку сыграть
На прощанье отходную бате.

И Володька играет отцу.
Он выводит колена такие,
Что текут у отца по лицу
Неподкупные слезы мужские.

И отец говорит: «Молодец!
Будь разумным и слушайся маму».
На тарелках дрожит холодец,
Разделивший семейную драму.

И кричит тетя Вера: «Не тронь!
Откачнись. Не твое это дело.
Забирай, если хочешь, гармонь.
Эта музыка нам надоела.

Не терзай понапрасну меня
И ребенка не мучай напрасно!»
И дворовая вся ребятня
С возмущением этим согласна.

Переулком уходит отец,
Весь расхристанный, как после драки.
А не тронутый им холодец
Во дворе доедают собаки.

* * *

Ходит голубь по карнизу.
Этот местный старожил

На мою соседку Лизу
Глаз горящий положил.

Прикормили хлебной крошкой.
Разучился он летать.
Научился под окошком
Дни и ночи коротать.

«У него не глаз, а лазер, —
Говорит сосед Кузьма, —
Он мою супругу сглазил
И меня сведет с ума.

Это же не бабье дело —
У окна сидеть в тоске,
Словно Пресвятая Дева,
И вздыхать о голубке».

И ругает птицу Кузя,
И грозит ей кулаком,
И торчат лопатки куце —
Крылышки под пиджаком.

Ходит голубь по карнизу,
Прижимается к стене.
А мою соседку Лизу
Почему-то жалко мне.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

...А люди, как в смутное время,
В хорошего верят царя.
Он вступит в звенящее стремя,
Народную волю творя.

Плащом небеса занавесит.
Щитом остановит раскол.
Продажных и лживых повесит,
А подлых посадит на кол.

От хвори, напасти и порчи
Избавится русский народ,
Когда ему царские очи
Сверкнут у Кремлевских ворот.

И праведный мир воцарится
На отчей земле на века.
И вдосталь родная земля
Накормит тогда мужика.

А если лихие бояре
Народ не желают любить?
На то и даны государи,
Чтоб головы песьи рубить!

Николай НЫРКОВ

ДУШИ КОСНЕТСЯ РУСЬ

* * *

Нарушив все немислимые сроки,
Весна проснулась раньше, чем всегда,
С трескучей песнью взбалмошной сороки,
Пролив туман на лес и города.

И в голубых проталинах рассвета
У радости восторженной в плену,
Свихнувшись от тепла и прядей света,
Дробил на звуки дятел тишину.

И услаждая душу птичьей речью,
Не пряча чувств томительную блажь,
На влажный снег в лощинах по заречью
Заря роняла алый макияж.

И было на душе легко, как прежде,
Лишь потому, что в мире в этот час
На всех хватало счастья и надежды,
И синевы для неба и для глаз.

* * *

Плывут облака, как обозы,
В далекий бессрочный вояж.
На удочках сонных стрекозы
Наводят с утра макияж.

Так вот мне чего не хватало
В бездушной людской суете:
Вот этих кустов краснотала
И слез на сырой бересте,

Вот этой зеленой опушки,
Травинки, уткнувшейся в бок,
И этой нахальной лягушки,
Схватившей в воде поплавок.

Так вот мне чего не хватало
Вдали от родительских стен:
Вот этих кустов краснотала
И солнцем сожженных колен.

* * *

В сухих руках ржаного поля
Дрожала зыбь от тишины...
Судьба моя, судьба и доля
Уже давно предрешены.

Я лет уже не помню сколько,
В воспоминаниях храню
Лаптежный след в песке проселка
И след тележный по жнивью,

И эту тропку на заречье,
Где после утренней косьбы
Выносит мать, сутуля плечи,
Воды холодной из избы,

Медовый запах сеновала
И вкус парного молока,
И речку в пятнах краснотала,
Где пили воду облака,

Чугун распаренной картошки
И хлеб горячий из печи,
И голос плачущей гармошки,
Мне не дававшей спать в ночи...

Я все храню светло и свято,
И жду: а может быть, в ночи
Мелькнет в свекольной тьме заката
Огонь растопленной печи.

* * *

Я не знаю — что, но что-то пролито
В сердце мне с небесной высоты,
И звучит оно во мне, как золото,
И шуршит, как кожа бересты.

Что-то очень светлое и сладкое,
Как моя задумчивая Пра,
Вдруг приходит вечером украдкой
И дрожит на кончике пера.

И когда незримое свечение
Станет теплым пламенем зари,
Я свое пойму предназначенье,
Доверяя голосу внутри.

* * *

И у меня не все бывает гладко...
И в час, когда накатывает грусть,
Прижмусь к березе, и светло, и сладко
Души коснется розовая Русь.

Кричат в кустах невидимые птицы,
Дрожит закатом теплая река...
Вонзает солнце розовые спицы
В упавшие на сосны облака.

Разложит вечер тень по косогору,
Вползет в сады потемками меж слив...
Горит закат — один на всю Мещёру,
Грядущий день и жизнь благословив.

Не потому ль душе до боли сладко,
Что, погруженный в жгучую зарю,
Забыв про все, что гладко и не гладко,
Я вместе с ней пылаю и горю.

* * *

Пережив потери и утраты,
Я еще смогу любить и ждать...
Всё, в чем были в прошлом виноваты,
Нам простила плачущая мать.

Осень стелет ржавую подстилку
Отбродившей липовой крови.
Я смотрю на старую могилку
С прахом самой преданной любви.

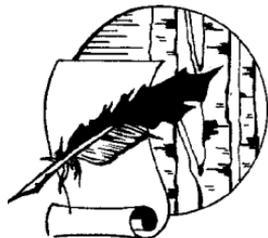
* * *

Затих в полумраке омшаник,
Обняв заболоченный лес,
Прилизан лохматый кочкарник
Гребенкой дождливых небес.

Прибрежные ивы корявы
На рыжих песках островов,
Притоптаны влажные травы
Босыми ногами ветров.

Прощаюсь с последнею птицей,
Мелькнувшей изломом в окне...
Заря желто-красной лисицей
Прошлась по лесной стороне.

И сосны просеяли блики,
И зори упали с высот
Рубинами спелой брусники
В ладони рязанских болот.

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Арсений СТРУК

РАСКОЛОТАЯ ДЕРЖАВА

Нам собирали по венцу
Россию с Украиной,
Брат к брату шел, отец к отцу,
Живя одной былиной.

И был скреплен союз славян
Единством, братством, кровью,
И был в веках он осиян
Спасителя любовью.

Врагов на наших рубежах
Двуострыми мечами
Мы обращали в пыль и прах
И славой нас венчали.

Что с нами стало? Боже мой!
Расколота Держава.
И над Днепром, и над Невой
Поникла наша слава.

Презрели предков мы завет:
Держаться воедино.
И нам за то прощенья нет
От будущего сына.

* * *

Счастье в том, что мать жива,
Счастье в том, что ждет жена,

Счастье — что растёт трава,
Что в саду гармонь слышна.

Счастье — слышать пенье птиц,
Счастье — видеть даль полей,
В том, что нет милее лиц,
Чем на родине моей,

Что поет и плачет Русь
Как столетия назад,
Счастье в том, что я боюсь
Потерять вас, друг и брат,

Что бессмертен мой народ,
Что призывны брови жён,
Что продолжится наш род,
Что спокоен детский сон.

г. Калуга

Виктор САЗОНОВ

* * *

Как он прекрасен — мир весенний!
Гуляют девушки в садах,
Горят и тихо тают тени
На монастырских куполах.

А там, где женщины судачат,
Белье развесив во дворе,
Взлетают голуби, и мячик
Стучит на пыльном пустыре.

По автостраде стороною
Бегут машины чередой.
А в небе облако горою
Стоит буквально надо мной.

И всюду гомон воробьиный,
И вздох роняют тополя.

Еще бы колокол старинный
Послушать... и уйти в поля.

* * *

Я сегодня видел, уходя к просторам,
Как туман, сгущаясь, плыл среди полей,
Как над помрачневшим древним косогором
Плыли за рассветом стаи журавлей.

Тихая сторожка, церковь у кладбища...
Сколько поколений здесь нашло покой!
А теперь вот ветер горемыкой нищим
Плачет над оградой, шелестя листвой.

И зимой в метели и во мгле морозной
Сквозь мерцанье лунных, призрачных снегов
Проложу я тропку к соснам и березам,
Чтоб ходить за сказкой и вязанкой дров.

* * *

Помню вечер весенний, отрадный,
Пароходный гудок вдалеке.
И тропинку за нашей оградой,
Что сбегала по склону к реке.

И печальную ночь до восхода,
У окошка застывшую мать...
Я не знал, я не понял в три года,
Что от горя так можно молчать.

Он ушел, не вернулся, не надо
Ждать пропавших в потемках земли...
Я запомнил тропу за оградой
И гудок пароходный вдали.

п. Ухолово Рязанской обл.

Анна РЕТЕЮМ

* * *

Что в имени тебе моем?
А.С. Пушкин

Назови меня ветром степным,
Назови ключевой водицей,
Волчьей ягодой, сизую птицей,
Что вонзается в утренний дым.
Я откликнусь на имя ветлы,
На «полынь» и «росу» — не обижусь,
Ведь туда, где и травы смуглы,
Всё дорогой беспамятства ближусь.
Всё туда, где напьюсь молоком —
Золотистой, полуденной ярью...
И припомню Ивана да Марью
В черном доме своем вековом.

* * *

Не разрывая солнечных объятий,
Давай молчать в присутствии реки,
Где вкрадчива беседа птичьей братьи,
Исподтишка бодливый ветерки.

Еще не шелестит трава осока,
Еще томятся ветви старых ив,
Но время уж растаяло высоко,
В поэзию округу претворив.

Похоже, это мы взрослые на пойме.
Блестит вода, прохладой дыша...
Но кто из нас алкал судьбы, напомни,
И чья теперь раскинулась душа?

г. Москва

Владимир ХОМЯКОВ

ВРАГИ

Он жил, меня всюю кляня,
не знаю отчего.

И ненавидел он меня,
а я в ответ — его.

Шумели так за днями дни,
встречались мы порой.
А поздороваться? Ни-ни,
коль ненависть горой.

Брёл как-то в сумерках забот
вдоль по дороге я.
Вдруг — недруг мой!
И как толкнет
на тротуар меня!

И вместе мы упали в грязь —
а мимо грузовик
промчался, фарами светясь,
и скрылся в тот же миг.

И я сказал: — Ты спас меня.
Что было — извини.
А он: — Теперь мы как родня.
И если что — звони.

И разошлись вражды круги —
иначе и нельзя.
Нет, лучше бывшие враги,
Чем бывшие друзья.

МАЙСКИЙ СНЕГ

Грозами не блещет май притихший,
седина вдруг с неба снизошла:
снег прилег на травы и на крыши,
даже чуть приветил купола.

И уже до завтрашнего света
некому спугнуть его с ветвей.
И примолкли накануне лета
белый ворон, белый соловей.

г. Сасово Рязанской обл.

Игорь ЛУКЬЯНОВ

ЛУЖА

У дороги не лучше, не хуже
Чем другие, среди лезущих трав
Отразились подснежники в луже,
Синь свою с небесами смешав.
Растворилась в ней зимняя стужа,
Как кручина в стакане вина.
Это очень красивая лужа.
Пусть подольше не сохнет она.

ВОЛКИ

Уходили волки от погони
На осенней утренней заре.
Каждый в стае, словно вор в законе.
Шкура в озаренном серебре.
Никогда охотником я не был.
Не ловил в прицеле чей-то страх
Все мы волки под печальным небом —
Лишь свистит вселенная в ушах.

Воронежская обл.

Николай НЕБОЛЬСИН

19 ЯНВАРЯ

А снежный ветер бил в лицо,
И вьюга выла в этот вечер.
И только бронзовый Рубцов
В пальто, накинутом на плечи
Смотрел задумчиво на нас.
А мы стоим, глотая слезы,
И вспоминаем в сотый раз:
«...Умру в крещенские морозы...»

г. Рязань

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

Греми, российский колокол, как гром,
Не благовестный — вечевой, набатный,
Буди страну, чьи дали необъятны,
Где за добро пора платить добром!

Тебя пытали и секли плетьюми,
И сбрасывали с древних колоколен,
Лишали языка, но безглаголен
Ты не был перед Богом и людьми —

Ты все равно страну на подвиг звал
Подземным гулом серебра и меди,
И резонанс триумфов и трагедий
В сердцах вздымал любви девятый вал,

Греми! В пороховницах порох сух,
И сабли ратных подвигов не ржавы —
Греми, чтоб возвеличить честь державы
И тем возвысить православный дух,

Звони, российский колокол, звони
По тем, кому мы возжигаем свечи,
Ну, а живых скорей скликай на вече,
В растерянности прошлой не вини:

Пусть от вибраций гласа твоего
Не спят олигархические бонзы —
А нам раскаты колокольной бронзы
Пророчат дней грядущих торжество!

г. Москва

Александр НАГОРНЫЙ,
Николай КОНЬКОВ

АНАТОМИЯ КРИЗИСА

Развитие кризиса мировой финансовой системы идет не совсем по тем лекалам, которые теоретически предсказывались сторонниками «краха доллара», начиная с 90-х годов прошлого столетия. Но самое главное — даже признавая, что «процесс пошел» и что он носит вполне катастрофический и глобальный характер, финансовые и политические власти России продолжают утверждать, что «нас это не коснется», а их действия по противодействию нарастающим кризисным явлениям носят реактивный, спорадический и несистемный характер. По сути, наша «властная вертикаль», уподобляясь легендарному страусу, ввиду несомненной опасности только «прячет голову в песок». В результате уже очень скоро ситуацию в нашей стране можно будет характеризовать коллизией известного анекдота: «Поздно, доктор, пить «Боржоми», если почки отвалились».

Не будем, уподобляясь известному персонажу отечественной истории, патетически вопрошать: «Что это, глупость или преступление?» Как говорится, не время и не место. Пока попытаемся понять, какова реальная «анатомия кризиса».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Открытая фаза глобального финансового кризиса началась еще осенью 2007 года на ипотечном рынке США, затем, после авральных действий ФРС и американского правительства, наступила почти девятимесячная пауза, а в августе 2008-го «посыпалось» практически все: от банковского сектора и фондовых рынков до мелкого бизнеса и семейных бюджетов.

Самые наглядные проявления кризиса общеизвестны, однако систематизировать их — хотя бы в первом приближении — не только не помешает, но и совершенно необходимо для лучшего понимания ситуации.

Банковский кризис. Ключевой элемент глобального финансового кризиса. На протяжении как минимум последнего десятилетия крупнейшие американские банки работали в качестве предприятий по бронированию мыльных пузырей, учитывая самые сомнительные, самые необеспеченные финансовые инструменты — наподобие тех же ипотечных обязательств категории *subprime*, и выпуская уже «под них» собственные «первоклассные» ценные бумаги. Подобное «умножение сущностей сверх необходимости» могло взорваться кризисом в любой момент: хоть через пять лет, хоть пять лет назад, но произошло «здесь и сейчас». Из «большой семерки» инвестиционных компаний Уолл-стрита пока выжили только две: «JP Morgan Chase» и «Citigroup». Остальные либо проданы иностранным корпорациям, либо фактически национализированы.

Сходная картина наблюдается и в других ведущих странах Запада, не говоря уже о более мелких субъектах мирового финансового рынка. Великобритания, Франция и Германия предпринимают все более масштабные государственные и межгосударственные (в рамках Евросоюза) усилия для сохранения своего банковского и — шире — финансового сектора (включая ипотечные и страховые компании). Япония, уже пережившая аналогичный кризис национального масштаба еще в 80-е годы, еще держится, однако ее ресурсы тоже не бесконечны.

Рост государственного долга США. Ставший уже притчей во языцех «план Полсона» по стабилизации американской банковской системы, скорее всего, носит пред-

выборный характер и ограничится своим первым этапом, на который выделено 700 млрд. долл. Как известно, счетчик национального долга США, вывешенный компанией «Durst Organization» в центре Нью-Йорка еще в 1989 году, зашкалило, поскольку там не оказалось места для цифры более чем с двенадцатью нулями, а после принятия «плана Полсона» государственный долг Соединенных Штатов вырос до 10,2 трлн. долл. Как говорится, не ждали. Конечно, прибавить к счетчику еще два поля и тем самым виртуально обеспечить квадриллионный долг — проблема чисто техническая. Однако настолько «разогнать» национальный долг США в обозримом будущем вряд ли получится — все-таки «не по Сеньке шапка». И нынешний-то десятиллионный уровень чреват суверенным дефолтом США, а процесс национализации убытков и приватизации прибылей, который выдается за «стабилизацию банковского сектора», имеет еще более серьезные ограничители. По всем оценкам, денег «плана Полсона» хватит, в лучшем случае, на два-три месяца, после чего обвал американских банков примет неконтролируемый характер. Дополнительная проблема будет заключаться в повышении стоимости обслуживания американских государственных ценных бумаг и привлечения новых финансовых ресурсов на этот рынок.

Падение биржевых индексов. Проблемы банковского сектора глобальной экономики привели к существенному сокращению и ухудшению рынка межбанковского кредитования на всех уровнях, включая выдачу корпоративных и потребительских кредитов. Дополнительным сигналом стал отказ Федеральной резервной системы США от политики снижения учетной ставки, которой ФРС придерживалась до осени 2007 года. В связи с этим совершенно неизбежными выглядят сокращение потребительского спроса и рецессия, что сразу же сказалось на оценках перспектив т.н. «реального сектора экономики». Акции «голубых фишек» резко пошли вниз, индекс Dow Jones провалился ниже 10 000 пунктов, а Nasdaq — ниже 2000 пунктов. Такая ситуация на американском рынке, потребляющем около 40% мирового ВВП, незамедлительно стала всеобщей: биржевые и фондовые индексы рухнули и в Европе, и в Азии, приобретая классический вид «кризисной пилы»: спад — частичная рецессия — новый, еще более глубокий спад.

Снижение цен на сырье и энергоносители. Совершенно понятно, что в условиях экономической рецессии спрос на сырье и энергоносители также должен сокращаться, а цена на них — падать. Что, собственно, и происходит. В частности, цена на нефть упала до 40 долл. за баррель. Аналогичное движение наблюдается и на других сырьевых рынках, за исключением рынка драгоценных и редкоземельных металлов, которые во все времена рассматривались как самое надежное «убежище от кризиса». В частности, стоимость золота бьет все рекорды, давно и прочно превысив уровень 800 долл. за тройскую унцию — процесс, лишь в последнее время незначительно и, видимо, ненадолго приостановленный повышением обменного курса доллара.

Повышение обменного курса доллара. Одно из парадоксальных проявлений глобального финансового кризиса. Казалось бы, в условиях тотального ослабления экономики США ее национальная валюта должна продолжать свое падение, как это происходило на протяжении последних двух лет. Однако вместо этого мы наблюдаем вполне ощутимое укрепление доллара. Судя по всему, это происходит благодаря двум синергетическим механизмам: стабилизации учетной ставки ФРС на уровне 2% годовых и массовому выходу инвесторов из финансовых инструментов, номинированных в долларах. Совокупный объем рынка подобных инструментов, согласно большинству оценок, превышает 40 трлн. долларов. А выйти из него можно только через т.н. «долларовое окно», размеры которого куда меньше. В результате возникает практически ажиотажный спрос на доллары, особенно наличные, что и ведет к укреплению обменного курса этой «мировой валюты». Подобная ситуация не является долгосрочным трендом и должна смениться обвальным падением «бакса».

Рост безработицы и сокращение реальных зарплат. Экономическая рецессия неминуемо должна привести к росту безработицы и сокращению реальных зарплат населения, что еще сильнее сузит потребительский рынок и трансформирует его в сторону увеличения доли потребления жизненно необходимых товаров и услуг. Особенно сильно эта ситуация ударит по «среднему классу» стран «золотого миллиарда», которые привыкли к совершенно иному стандарту потребления, и по бедней-

шему населению развивающихся стран, для которых станет весьма затруднительным или практически недоступным даже минимум, необходимый для простейшего физического выживания. Все это, вместе взятое, делает неизбежными острейшие социальные и международные конфликты за право доступа к жизненно необходимым ресурсам.

Повышение уровня потребительских цен. Глобальное упрощение и сжатие стандартов потребления приведет (и уже привело) к резкому повышению цен на те товары и услуги, которые входят в «минимум выживания» — прежде всего, на продовольствие (включая питьевую воду), лекарства и жилищно-коммунальные услуги. В особенной мере это будет касаться тех стран, которые в данном отношении сильно зависят от импортных поставок, не обладая более-менее самодостаточным агропромышленным и энергетическим комплексом. И, напротив, те государства, которые могут не опасаться «голода и холода», окажутся в преимущественном и выигрышном положении.

РОССИЯ И КРИЗИС

Рассматривая положение нашей страны с этой точки зрения, мы достаточно легко можем определить главное «слабое звено» современной российской ситуации — ее продовольственную зависимость от мировых рынков. Если нашу энергетическую систему можно с некоторой натяжкой признать вполне удовлетворительной (спасибо за это советской власти), если нашу жилищно-коммунальную и производственную инфраструктуру с еще большей натяжкой можно признать терпимой (хотя степень ее износа давно вышла за все допустимые рамки безопасности), то **60% импорта продовольствия вполне ощутимо грозят России голодной катастрофой.**

Однако наши власти предпочитают заниматься вполне бесперспективным и безнадежным в свете общемировых тенденций «спасением финансового рынка» — вместо того, чтобы все наличные силы бросить на «расшивку» реально узких мест отечественной экономики. Иными словами, делают то, что в интересах узкого слоя отечественных нуворишей, а не в общенациональных интересах России.

Между тем, несмотря на все их усилия, число российских долларовых миллиардеров в этом году сильно сократится. Впервые за долгие семь лет «политической стабильности и экономического роста».

По итогам 2001 года их было (согласно данным журнала «Forbes», разумеется) всего-то 7 человек, 2002-го — уже 17, 2003-го — 25, 2004-го — 27, 2005-го — 33, 2006-го — 53, и 2007-го — 87. Сколько отечественных «арбузиков» будет выложено в мартовском номере «Forbes» 2009 года — пока никто не знает. Может быть, десять, а может быть — и сорок. Но уже не восемьдесят семь и тем более не сто — совершенно точно.

Причем никто наших «олигархов» из числа дерипасок-абрамовичей-мордашовых-лисиных-фридманов-потаниных-прохоровых и иже с ними в тюрьму не сажал, имущества в пользу пролетариата у них не конфисковывал, даже от условной экспортной «трубы» не отодвигал.

Но все они — раз! — и стали, как говорят западные «голоса», на двести с лишним миллиардов «баксов» беднее. Что же случилось? А случилось страшное. Наверное, даже самое страшное из того, что могло случиться. Эти граждане России (и одновременно, наверное, других, более «цивилизованных» стран) привыкли считать, что они богаты, знатны, уважаемы и почти «держат Бога за бороду».

Но все их богатство было «считанным» — то есть основывалось на рыночной капитализации принадлежащего им имущества: акций и других ценных бумаг, недвижимости и так далее. Собственно деньги, тем более — деньги наличные, «кэш» — как правило, составляло ничтожную долю «олигархических» активов. Пока мировые и российские фондовые индексы поднимались, а недвижимость дорожала, наши «олигархи» вроде бы прирастали и числом, и богатством. Более того, под залог своего вроде бы немереного имущества многие из них активно кредитовались и перекредитовывались в западных банках, где таким клиентам всегда несканно рады.

Ну, скажем, нужно условному олигарху построить себе условную яхту условной стоимостью 134 млн. долларов, а на руках, вот здесь и сейчас, такой суммы случайно не оказалось — что, он будет свои акции продавать, или от дворца какого-нибудь надоевшего откажется? Да никогда в жизни! Он «перехватит» кредит на нужную сумму, а

потом из дивидендов своих за него расплатится. Или из нового кредита. На специальных и льготных условиях для vip-клиентов... Если недвижимость и акции постоянно растут в цене — зачем же резать курочек, несущих золотые яички?

А теперь смотрим, что получается, когда процесс пошел в обратную сторону, то есть фондовые рынки падают, а недвижимость обесценивается. Получается, что вчера условный российский «олигарх» обладал состоянием в 10 миллиардов долларов, сегодня он «стоит» уже 3—4 миллиарда, а завтра, глядишь, и миллиардером перестанет быть. А потом с легкой руки одного из «новых русских» ему скажут: «У кого нет миллиарда, можешь идти...» Ну, не будем уточнять, куда именно. Хотя вся собственность по-прежнему при нем, оценка этой собственности уже совсем другая. И прежде всего она сказывается на получении новых кредитов. Их нашему «олигарху» или перестают давать вообще, или начинают давать совсем на иных условиях.

Что он будет делать в такой ситуации? Он ведь — не предприниматель, который кровно заинтересован в принадлежащем ему производстве. Он ведь — «олигарх», который был, есть и будет заинтересован именно и только в «бабле». Он рано или поздно начнет «выходить в кэш», продавая «свою» собственность, пока та «еще чего-то стоит». Тем более, что в условиях глобального финансового кризиса совокупный мировой спрос, до того подогретый дешевыми кредитами, резко сжимается, производство товаров и услуг падает, а следовательно — сокращается потребность в сырье и падают цены на него. А почти все наши «олигархи» — как раз или «сырьевики», или торговцы, которые использовали выгодную конъюнктуру. Ни Фордов, ни Гейтсов, которые создали или хотя бы внедрили в производство что-то инновационно-прорывное, среди них как не было, так и нет. «Родимые пятна приватизации», так сказать... Вот они и будут избавляться от своих «заводов, газет, пароходов» по принципу: даром досталось — недорого продадим. А судьи, то есть покупатели, этой бывшей всенародной собственности — кто?

Вариантов здесь всего два: поскольку грабительскими «рыночными реформами» 90-х подавляющее большинство населения нашей страны было лишено личных на-

коплений и поставлено на грань выживания, поскольку в ходе путинской «стабилизации» принципиального изменения этой ситуации не произошло, «олигархическую» собственность может выкупить либо государство («мягкая» национализация), либо транснациональные корпорации (ТНК). Как говорится, со всеми вытекающими.

Мораль? Она проста. «Всемогущая и справедливая рука рынка», «эффективный частный собственник» и другие либеральные мифологемы должны быть выброшены на свалку. А носители оной, как еще раз выяснилось, смертельно опасной для страны и общества заразы — как минимум, помещены в карантин.

Хотя они, конечно, уверены в обратном: в собственной полноценности и перспективности. И «мирным путем» убедить их в обратном, к сожалению, не получится. Они, кстати, тоже это понимают...

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В принципе, глобальный финансово-экономический кризис объективно должен был сыграть на руку России. Та система мировых отношений, которая была выстроена после уничтожения СССР, рушится, а значит — наши внешнеполитические «партнеры», если принять нынешнюю кремлевскую терминологию, в значительной степени слабеют.

Однако этой относительно благоприятной конъюнктурой еще нужно уметь воспользоваться. А любые новые «окна возможностей» неизбежно сопряжены с новыми «окнами риска». Соблазн сохранить в силе либерально-монетаристскую линию Чубайса—Кудрина в верхних, кремлевских эшелонах российской «властной вертикали» чрезвычайно велик. Однако падение мировых цен на сырье и энергоносители настолько велико, что сохранить прежний *modus vivendi* можно будет только на очень краткое время и очень дорогой ценой.

Имеется в виду не только то обстоятельство, что средств бывшего российского Стабфонда хватит на «прожор» в лучшем случае лишь до 2011 года. Но и — прежде всего! — то обстоятельство, что гигантские финансовые жертвы, которых сегодня требуют от России Соединенные Штаты и аффилированные с ними международные институты, типа МВФ, Всемирного банка, «большой

восьмерки» и т.п. — совершенно бессмысленны с точки зрения национальных интересов нашей страны. Америка сегодня пытается провести в жизнь хорошо известные лагерные принципы: «Сначала мы съедем ваше, а потом — каждый свое» и «Умри ты сегодня, а я завтра».

Надо ли помогать в этом американскому «глобальному пахану»? Наши финансовые и политические власти считают, что надо — разве только под шумок урвать кое-что и для себя лично. Условно говоря, отдать сотни миллиардов, чтобы выиграть миллиард-другой. Никакого изменения этой самоубийственной финансовой политики ждать не приходится. Даже признавая очевидное — крах мировой долларовой системы, саму возможность которого они совсем недавно категорически отрицали, отечественные либерал-монетаристы делают практически то же самое, что делали всегда: «стерилизуют» отечественные финансовые активы в интересах своих американских контрагентов, продолжая вкладываться в их ценные бумаги: как корпоративные, так и государственные.

В результате все те ресурсы, которые были накоплены нашей страной за семь «тучных» путинских лет, бросаются в топку чужого паровоза, перекрывая для России любые модернизационные сценарии, кроме жесткого мобилизационного. Иными словами, отечественные либералы всеми силами расчищают путь России к диктатуре.

И они, кстати, прекрасно понимают это, надеясь, что такая диктатура окажется «их» диктатурой, диктатурой либерально-фашистского типа, наподобие диктатур латиноамериканских «горилл». При этом мобилизационный сценарий будет осуществляться вовсе не в интересах населения нашей страны, не в национальных интересах России, а напротив — в интересах наших геостратегических конкурентов, прежде всего США, как это, собственно, и происходило на протяжении всей «эпохи Ельцина».

Кудрин, сидящий в предбаннике совещания министров финансов «большой семерки» с российскими миллиардами в ожидании, куда изволят их употребить господа, — вполне наглядная иллюстрация нынешнего положения дел.

Разумеется, установление в России подобного компрадорского общественно-политического режима в полной мере соответствует и интересам США, которые будут предпринимать соответствующие усилия в этом на-

правлении. Но для нашей страны такое развитие событий смерти подобно, поскольку новое «погружение в хаос» по типу постсоветских 90-х годов затронет не только социально-экономическую, но и политическую структуру нынешней России. Если Югославию и Ирак Америка грозила «вбомбить в каменный век», то **РФ будет отброшена практически к временам феодальной раздробленности, аналогичным гоминьдановскому Китаю 20-х—30-х годов прошлого столетия.**

С нашей точки зрения, этому катастрофическому сценарию, на осуществление которого уже брошены значительные внутренние и внешние силы, жизненно необходимо противопоставить жесткий мобилизационный план системной модернизации. Проблема заключается только в том, кто способен выступить субъектом осуществления подобного плана. В идеале таковым, конечно, могла бы стать действующая «властная вертикаль» — разумеется, освобожденная от прозападной «агентуры влияния» и переориентированная на осуществление общенациональных, а не собственных корпоративных интересов. Однако в наличествующих социально-политических условиях уповать только на подобное превращение Савла в Павла было бы совершенно неадекватной позицией.

Поворот власти к мобилизационному сценарию может быть осуществлен и должен быть осуществлен только под давлением общества. Однако уровень реальной самоорганизации социального большинства в России не просто низок — он активно подавляется действующей властью как на собственно политическом (создание «управляемой оппозиции», парламентской и внепарламентской), так и на информационном уровне. Особую роль в этой политике играет «телевизионный ОМОН», всеми средствами подавляющий волю и адекватность восприятия у своей многомиллионной аудитории, формирующий полностью искаженную и не соответствующую действительности «картину мира».

В этих условиях перспективы благополучного выхода России из глобального финансово-экономического кризиса выглядят более чем сомнительными. Впрочем, как известно, под лежащий камень и вода не течет.

ДИВЕРСИЯ И ВРЕДИТЕЛЬСТВО ПОД МАСКОЙ «РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ»

Случилось то, что должно было случиться и о чем многократно предупреждали на протяжении нескольких лет честные экономисты — финансовый кризис, в перспективе переходящий в экономический крах. Нельзя же критерием благополучия и прогресса страны назначать фиктивные «условные единицы» вместо пользы, наличия и умножения реальных ценностей!

Страна ввергнута в капиталистические склоки и ожидаемые серьезные проблемы по причине бездумного (или умышленно разрушительного) введения т.н. «рыночной реформы», которая фактически стала для страны масштабным **вредительством** — натуральной подрывной **диверсией**.

Госдума еще в 1997 г. официально признала проведенную приватизацию «беспрецедентной экономической **диверсией**»: «Приватизация явилась авантюрой, позволившей в короткий срок обогатиться небольшой кучке «новых русских», банкирам, коммерсантам и агентам иностранных государств за счет накопленных поколениями богатств и абсолютного обни-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

шания широких масс обманутого трудового народа», — говорится в ее Постановлении. Но фактически также авантюрой и **диверсией** явилось введение в стране стихийной «рыночной» экономики взамен конструктивной плановой. Не приносит пользы, а значит — является безумством, явным вредительством или умышленной диверсией также т.н. «деидеологизация» — отказ от разумного конструктивного подхода в пользу стихии и алчности, ставшей новой «национальной идеей», явно разрушительной для страны.

Вовсе не плановая экономика сама по себе была причиной отнюдь не губельного кризиса страны 20 лет назад, а некомпетентность тогдашнего руководства и его наглядное предательство интересов государства. Введение же стихийной «рыночной экономики» взамен конструктивной плановой явилось не просто катастрофической ошибкой, но умышленной диверсией по рецептам иностранных структур, крайне заинтересованных в распаде и уничтожении существовавшего государства, опирающегося на конструктивный разум, а не на безумную алчность и дикие законы джунглей, достойные только животного мира, но не человеческого сообщества.

Капитализм — тупик истории, сегодня это очевидно как никогда! Нынешний кризис еще раз наглядно подтвердил: нельзя возводить деньги — средство расчетов при товарообмене — в ранг товара абсолютной ценности! Накопления «условных единиц» и их избыток при дефиците реальных ценностей ведут к инфляции, финансовым кризисам, стагнации производства и краху экономики. Реальные же ценности — это природные ресурсы страны, ее производственный комплекс, здоровое, образованное и культурное население, а также — **разумное** конструктивное руководство, занятое не поощрением личных и клановых прибылей в денежных «условных единицах», а оптимальной организацией производства и обустройства жизни населения для максимального раскрытия его творческих полезных для страны потенциалов.

Ложные критерии вместо пользы для страны привели к наглядному вреду; то есть, результатами явной **ДИВЕРСИИ** можно считать многие итоги «рыночной реформы». Введение «свободных цен» уже привело к инфляции более чем в 10 миллионов процентов, и она

далее растет. Произошло катастрофическое разорение производственной базы страны — в несколько раз масштабнее последствий войны 1941—1945 гг. Разорены и уничтожены многие сельскохозяйственные предприятия, произошла реальная потеря продовольственной безопасности страны, где не имеется собственного продовольствия для большей половины ее населения! Созданы условия для бегства за рубеж или дисквалификации миллионов квалифицированных специалистов.

Произошло явно вредительское расчленение РАО ЕЭС и захват энергетики иностранными компаниями. Сотнями миллиардов долларов оценивается ежегодный гигантский экспорт в иные страны энергетических и прочих природных ресурсов вместо должного применения их в России, а также масштабный вывоз капитала, фактически уворованного у населения страны. Продолжается рост внутренних цен на энергоносители, уже превышающих международные цены. В стране идут попытки спасения ростовщической банковской системы вместо стимулирования производства.

Поощряется организация массовой сети ростовщических и прочих манипуляторских финансовых организаций, участие иностранного капитала в стратегических и прочих сферах страны, растет зависимость страны от международной банковской системы и внешних финансово-торговых организаций. Растут привилегии предпринимательству, включая бесполезное и даже явно вредное. В стране работает бизнес — не столько как продуктивное предпринимательство, приносящее ПОЛЬЗУ стране и людям, а как **механизм извлечения прибылей из разорения ресурсов страны и беспощадной эксплуатации населения, то есть — из вреда для государства и его граждан**. Банковская ростовщическая сфера, спекулятивное посредничество и 80% предпринимательства работают именно на разорение страны и населения. В частности, даже строительство стало наглядной грабительской спекуляцией с прибылью до 300 — 500% !!!

Имитируется жилищно-коммунальная реформа — фактически движение к разорению граждан и ЖКХ. Созданы условия для обнищания большей части населения и его фактического вымирания. Проводится сознательная политика истребления нынешних пенсионеров, чьими трудами были за полвека созданы основ-

ные ценности страны, ныне захваченные местными и иностранными «джентльменами удачи». Продолжается ползучий захват экономики страны зарубежными «инвесторами». Происходит поистине преступное превращение города-курорта Сочи из стратегической все-российской здравницы в бизнес-структуру вопреки интересам местных жителей и населения всей страны. Продолжается деградация систем образования, науки, здравоохранения, культуры. 1000 школ в аварийном состоянии — это лишь кромка айсберга: около половины школ в стране требуют капитального ремонта.

Аэрофлот, будучи государственным, работал безукоризненно, а приватизированный дает массовые сбои движения и вопиющие нарушения прав пассажиров, наглядно идет разруха в авиасообщении при росте тарифов. В стране фактически поощряется пропаганда алчности, цинизма, жестокости, антигуманизма, вражды, маргинала и примитивизма; доминирует наркотизация и одурманивание молодежи в СМИ вместо просвещения, провоцируется активизация животных инстинктов в ущерб интеллектуальному развитию и этическому воспитанию. В стране миллионы беспризорных и неграмотных детей (больше, чем после войны!), сотни тысяч сирот в детских домах, миллионы наркоманов, снова эпидемии болезней, о которых забыли в советское время, в обществе нарастают самоубийственные тенденции, отчуждение, вражда, ненависть, у людей не только не хватает средств для достойной жизни — потеряна целевая мотивация, смысл жизни.

В условиях «рыночной экономики» граждане в конкуренции становятся врагами: вместо взаимопомощи и конструктивного сотрудничества в стране нарастает самоуничтожительная для государства взаимовражда и корыстные отношения среди населения, что провоцирует натуральную гражданскую войну всех против всех. В отношениях людей исчезают иные интересы кроме коммерческих, что ведет к деградации общественной жизни и подрыву интеллектуального потенциала населения. «Рыночная экономика» поощряет криминальные мотивы и масштабную коррупцию, возросшую до уровня федерального бюджета! Этого разве мало?!

Все это и прочее подобное — наглядно реальное **вредительство** для страны и ее населения, **диверсия** в виде «рыночной экономики» успешно продолжается! Про-

должает работать система монетаризма: триллионы рублей теперь идут на спасение ростовщических фирм, не производящих никаких реальных ценностей, в то время как в разорении и нищете десятки миллионов граждан, сельское хозяйство и жилищно-коммунальная сфера, медицина и образование, наука и высокая культура, реальное производство жизненно насыщенных товаров и прогрессивные технологии.

Людам нужны в итоге не деньги, но реальные блага, товары и услуги. Деньги — лишь промежуточное расчетное средство, имеющее условную или вовсе фиктивную ценность. Но капитализм и монетарные отношения в обществе превращают деньги из побочного средства в главную цель и определяющий фактор для смысла бытия человека и человечества. Экономика — лишь база для жизни, самореализации и развития человека, но не смысловое наполнение жизни. Нужно изменить налоговую политику, которая, к демонстративному позору страны, дает гигантские «популистские» льготы нуворишам, обобравшим и обирающим государство и его граждан, и в то же время облагает многочисленными налоговыми поборами обедневшее население — даже с имеющих доходы ниже прожиточного минимума, даже по факту наличия единственного скромного жилья, а также и на землю под этим жильем — для граждан огромной страны, занимающей восьмую часть всей суши на планете!

Экономика должна служить человеку, а не человек экономике. Капитализм превращает людей в рабскую прислугу для выгоды хозяев мировой экономики, отнимая возможности всестороннего развития и полноценной жизни, делая население бездумным быдлом, а страну — обреченным полигоном для жестоких безответственных экспериментов. Хищнический капитализм явно обречен на ликвидацию, но он еще вредит среде обитания и может уничтожить заодно и жизнь на планете. Нужна срочная переориентация законодательства и макроэкономики России с цифровых показателей и «условных единиц» на реальные ценности — для пользы населения и страны, иначе крах ее неизбежен.

Кто реально реформирует энергетику и несет за это ответственность?

В 1992 г. Российская Федерация вступила в Международный валютный фонд (МВФ). Правительство Ельци-

на—Гайдара подписало с фондом «Письмо о намерениях» для реализации «курса реформ». МВФ взял на себя обязательства обеспечить Правительство РФ всем необходимым для «перехода к рынку», а Правительство РФ обязалось исполнять программы «переходного периода», законы, кодексы, конституцию, разработанные только экспертами МВФ. То есть де-юре в РФ введено внешнее управление. Из этого факта вытекает следующее:

1. В рамках международного договора ответственность за формирование в РФ институтов «рыночной экономики», за ее результаты перешло к МВФ, представляющему экономические интересы США и «семерки».

2. В соответствии с договором президент, правительство, Федеральное Собрание РФ обязаны исполнять функции только администрации субъекта внешнего управления. То есть органы власти обязаны исполнять только те программы, законы, кодексы, конституцию, которые переданы им МВФ.

3. На основании этого договора президент, правительство и ФС РФ не имеют права вносить какие-либо изменения в программы «переходного периода», законы, кодексы, Конституцию без согласия МВФ. Так как это будет рассматриваться как нарушение международного договора с вытекающими из этого негативными последствиями для РФ.

Естественно, у многих могут возникнуть вопросы. А как же с исполнением президентом, правительством, ФС РФ их обязанностей, прописанных в Конституции РФ? Ведь, вступая в должность президента РФ, каждый клялся исполнять обязанности, возложенные на него Конституцией, что будет гарантом Конституции? А из подписанного с МВФ международного договора получается, что президент, правительство, ФС РФ должны исполнять только то, что им пропишут эксперты МВФ? То есть обязанности по Конституции и по международному договору взаимоисключающие.

Но если раскрыть Конституцию РФ и внимательно ее прочитать, то оказывается, что в данном случае нет никаких противоречий или нарушений. Так как эксперты МВФ для этого в Конституции РФ предусмотрели следующее положение (К., п. 4, ст. 15): *«Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом (т.е. Конституцией РФ. — Ю.К.), то*

применяются правила международного договора». Если, к примеру, президент (или уполномоченное им для этого должностное лицо) на встрече «без галстуков» подпишет какой-нибудь международный договор («Письмо о намерениях»), то все законы, кодексы и Конституция РФ не более чем литературные произведения, благие пожелания. Естественно, чиновники предпочитают помалкивать о факте внешнего управления. И понятно почему. Они обязаны исполнять программы МВФ.

Международный валютный фонд

Как сообщают справочники, МВФ — это финансовая организация, обладающая статусом специализированного учреждения ООН. Создан в 1947 г. решением Бреттон-Вудской конференции 1944 г. по инициативе президента США Ф.Д. Рузвельта. Еще не закончилась 2-я Мировая война, США торговались с СССР, выбирая выгодный момент для открытия Второго фронта против фашистской Германии и ее многочисленных союзников с целью участия в переделе мира, а Рузвельт уже думал о послевоенном его устройстве. Цель МВФ, которую он установил, — объединение денежных ресурсов мира для реконструкции его послевоенного устройства, ускоренного восстановления экономического потенциала, перевооружения своих союзников для достижения своих геополитических целей. За счет оказания «помощи» развивающимся странам... В 1991 г. эта «помощь» составила 750 млрд. ф. ст., а проценты по долгам за ранее предоставленную «помощь» — 76 млрд. ф. ст. Неплохая «помощь» собрана МВФ с развивающихся стран. А теперь и с РФ.

Одновременно создан и кошелек фонда: Мировой банк, Международный банк реконструкции и развития, МБРР. При нем созданы два специализированных филиала: Ассоциация международного развития — для оказания помощи развивающимся странам и Международная финансовая корпорация — для портфельных (скупки акций) инвестиций.

МВФ сегодня накопил громадный опыт работы в развивающихся странах: в «избрании» президентов-компраторов, марионеточных парламентов, формировании нужных ему правительств; в разработке и продавливании через парламенты необходимых законов, кодексов, кон-

ституций, позволяющих осуществлять внешнее управление экономикой. Механизм действий фонда — кредиты даются при условии строгого выполнения рекомендаций МВФ, которые оговариваются в подписываемом «Письме о намерениях», ежегодных меморандумах. Главные меры фонда — либерализация экономики, разгосударствление и приватизация. Главный источник решения бюджетных проблем — освобождение цен на топливо.

В соответствии с договором, эксперты МВФ разработали и передали правительству РФ программы реформирования всех отраслей экономики и сфер жизнеобеспечения. Для их реализации написана новая Конституция — основной закон страны, по которой полностью изменено государственное устройство. Многочисленными кодексами: Гражданским, Семейным, Жилищным, Трудовым, Судебным, Налоговым, Уголовным, Земельным и др., тысячами (!!!) законов, экспертами МВФ жестко регламентированы новые цели, жизненные стандарты: что мы должны делать и чего не имеем права. Даже как создать семью! За 18 лет уже изменено все.

Ежегодно комиссия МВФ принимает у правительства РФ результаты реализации согласованных положений программ и его инвестиционной деятельности за прошедший год; дает ему задания на предстоящий год по исполнению очередных положений программ; открывает кредитные линии для их финансирования; устанавливает параметры бюджета РФ, процент инфляции, величину Стабфонда и отчислений из бюджета для погашения госдолга; определяет направление и использование денежных потоков, сколько и на какие цели правительство РФ может израсходовать денежных средств, а сколько уйдет за рубеж, субъекту управления. Но о том, что все это определяет МВФ, а правительство и ФС РФ — скрупулезно исполняют, население не информировано. Это самый «большой секрет».

Тут уместно привести цитату из выступления президента США Б.Клинтона на юбилейных торжествах по поводу создания МВФ: *«...50 лет назад Америка, проявив дальновидность, руководила созданием институтов (МВФ, МБРР. — Ю.К.), обеспечивших победу в холодной войне... Чтобы подготовить Америку к вступлению в XXI век, мы должны научиться управлять силами, пре-
доопределяющими перемены в мире, обеспечить прочность и*

надежность руководящей роли Америки на долгие времена». А также выступление Б.Клинтона перед начальниками штабов в 1995 г.: «...Последние 10 лет политика в отношении СССР... убедительно доказала правильность взятого курса на устранение одной из сильнейших держав мира... Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием: мы получили сырьевой приросток... Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях. Поэтому нельзя скупиться на расходы... Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, а... уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью... В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих задач: расчленение России на мелкие государства путём межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии; окончательный развал ВПК и армии; установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам».

То, что СССР «распался», — миф. На самом деле СССР расформирован по тщательно скоординированным с исполнителями в СССР программам США. Это подтверждается документально. Для реализации «Стратегии» США недолго пришлось искать исполнителей, которым предложили должности «президентов», которые реализовали решения «семерки» о создании «суверенных государств». В 1991 г. Ельцин, Кравчук, Шушкевич подписали в Беловежской пуще решение о ликвидации СССР и доложили президенту США Дж. Бушу об исполнении решения «семерки».

Естественно, возникают вопросы. Почему руководители страны, Великой мировой державы, лидера мировой социалистической системы, согласились исполнять программы США по ее ликвидации? Что им пообещали за это? О чем они договорились на встречах «без галстуков» с руководителями США и ЕС? Конечно, правду мы узнаем не скоро. Но ответы следует получить. За разрушенное производство и среду обитания, кровавые межнациональные конфликты, миллионы разрушенных очагов, за геноцид народа все виновные должны будут понести наказание.

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ АНТИХРИСТУ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ)

Сбор материалов о подрывной деятельности иудаизма и масонства. — Уникальные документы Бернского процесса. — Загадка Сионских протоколов. — Программа завоевания мира иудеями. — Музей Сионских протоколов

В Америке я собрал материал для двух новых больших книг «Тайна беззакония» и «Загадка Сионских протоколов», которые впоследствии разошлись в нескольких изданиях и большим тиражом. В книгах я использовал значительное количество источников, но в основе были архивы Джорданвилльского монастыря (о котором я уже рассказывал) и Гуверовского института в Станфорде.

Главная тема обеих книг — разоблачение тайной войны иудаизма и масонства против христианской цивилизации. Материалы для них мне передавали в США люди всех слоев и состояний, потомки древних русских дворянских родов, монахи, священники, архиереи, бывшие чиновники американских учреждений и даже ЦРУ.

Окончание. Начало в №1-2 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В архивах Джорданвилля мне посчастливилось впервые поработать с личными фондами двух легендарных русских людей — Николая Филипповича Степанова и Александра Дмитриевича Нечволодова, посвятивших свою жизнь борьбе с тайными иудейскими сектами и масонством. Долгое время их настоящая деятельность была тайной для многих. Опасаясь за свою жизнь и за судьбу своих близких, Степанов, например, писал антимасонские книги под псевдонимом Свитков.

Степанов был сыном первого публикатора «Сионских протоколов», действительного статского советника, камергера Царского Двора и прокурора Московской Синодальной конторы Филиппа Петровича Степанова. Обучался в Пажеском корпусе и Николаевском кавалерийском училище. В 17 лет Н.Ф. Степанов участвовал в торжествах прославления великого Святого земли русской Серафима Саровского и был свидетелем случая, который считал чудесным. Однажды ему пришлось оказаться очень близко около Николая II, который совершенно непонятно как очутился в толпе простого народа без всякой придворной свиты. То, что произошло далее и что довелось увидеть молодому пажу Степанову, навеки запечатлелось в его душе. Люди со слезами радости, крестясь, буквально прикладывались к своему царю, целуя его китель и руки. Те, кто был посмелей, благоговейно целовали его в плечо, иные бросались перед ним на колени и все это — в сплошном гуле торжественного причитания. Все что-то говорили, благодарили, предлагали, преклонялись. Все вместе выражали беспредельную любовь русского народа к своему царю-батюшке.

С 1914 года Степанов в действующей армии, а с 1917 года в Белом движении. Исключительно честный, прямой человек, он в армии возглавлял дивизионный суд чести.

В 1920 году вместе с Белой армией он покидает Россию. Далее следуют годы странствий — Месопотамия, Индия, Италия, Франция. В 1936-м надолго поселяется в Брюсселе. Большую часть своего времени Н.Ф. Степанов посвящает изучению истории и практики масонства, сотрудничает с монархическими журналами и газетами.

В конце 1920—30-х годах Н.Ф. Степанов под псевдонимом Свитков выпускает целый ряд фундаментальных работ. Среди них особо следует отметить книги «Вели-

кий Восток Франции», «Великая Ложа Франции», «Орден «Человеческое право», «Масоны в Харбине», «Масоны в русской эмиграции». Как отмечалось в предисловии к одному из его трудов, «интересующимся масонским вопросом небезызвестно имя авторитетного исследователя в этой области Н.Свиткова. Изданные труды его и собранные материалы по обилию их, а в особенности по достоверности, в высшей степени критическим отношением самого исследователя ко всем касающимся этой области данным, служат неопровержимой для изучения вопроса базой, которая уже хорошо использована и русскими, и иностранными работниками на этом поприще».

В своей научной деятельности Степанов сотрудничал с русскими учеными и общественными деятелями А.Д. Нечволодовым, Н.А. Степановым, Н.Е. Марковым, князем М.К. Горчаковым, а также с известными зарубежными исследователями масонства монсеньором Жуином, аббатом Турмантенем и Дьюпероном. Н.Ф. Степанов был негласным консультантом на Бернском процессе по делу Сионских протоколов.

В Брюсселе Н.Ф. Степанов принимает деятельное участие в сооружении храма Иова Многострадального в память умученной Царской семьи и всех в Смуте убитых, неизменно проводит идеи оцерковления общественной жизни и верности основным русским идеалам — Вере, Царю и Отечеству. В 1938 г. он назначается членом II Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей, состоявшегося в Сремских Карловцах 14—24 августа, и делает на Соборе два доклада, получивших горячее одобрение присутствующих.

В 1953 году Н.Ф. Степанов рукоположен в иподиаконы в храме Святого Иова Многострадального, а в декабре 1965-го пострижен в монашество с именем Александр в честь святого благоверного князя Александра Невского. Пострижение произошло на Святой Земле в храме Св. Праотец в Хевроне. Здесь же на Святой Земле отец Александр и закончил свой путь.

Генерал А.Д. Нечволодов закончил 2-ю Петербургскую военную гимназию и Николаевскую академию Генерального штаба. Перед Первой мировой войной ему была поручена секретная миссия проехать по Европе, изучив там организацию масонской конспирации и под-

готовить о ней специальный доклад. Этот доклад сохранился в его личном архиве, а я впоследствии его опубликовал.

Незадолго до революции Нечволодов выпускает фундаментальный труд по истории России «Сказания о Русской земле» (т. 1—4). После революции Нечволодов участвует в Белом движении. Оказавшись в эмиграции в Париже, генерал Нечволодов сотрудничает с видными исследователями иудейско-масонской идеологии, группировавшимися вокруг газеты «Либр пароль» и издательства «Долой зло!». Первый французский перевод «Сионских протоколов», по-видимому, был осуществлен при непосредственном участии генерала.

В 1924 году Нечволодов выпустил на французском языке книгу «Николай II и евреи. Очерк о русской революции и ее связях со всемирной деятельностью современного иудаизма», в которой подробнейшим образом исследовались Сионские протоколы. В течение многих лет Нечволодов подготавливает основательные исследования о международном иудейском капитале (опубликованы только частично). В середине 1930-х Нечволодов являлся негласным экспертом со стороны защиты на Бернском процессе по делу о Сионских протоколах.

Большую помощь в сборе материалов о подрывной работе иудаизма и масонства оказали мне русские эмигранты «первой волны». Они передали мне множество русских книг и журналов, посвященных этой тематике и еще, что особенно ценно, значительное количество писем и автографов русских ученых и общественных деятелей, занявших бескомпромиссную позицию в борьбе со злом.

Много информации для своих книг я собрал в Гуверовском институте войны, революции и мира (Станфорд, Калифорния). В этом довольно сомнительном с точки зрения христианской этики месте, одном из центров консолидации масонства, сатанизма и содомитства (чего стоит одна Станфордская церковь, в которой совершались сатанинские и содомитские ритуалы и проходила конференция Церкви антихриста!) у меня нашлись помощники из числа тех, кто не принимает мировое зло. Назвать пока могу только покойного В. Бортневского.

С их помощью мне удалось поработать с материалами, хранящимися в Гуверовском институте архивов парижского отделения Русской внешней разведки, архивов Н.Берберовой и Б.И. Николаевского.

Архивы парижского отделения Русской внешней разведки были незаконно присвоены американскими властями. Масон Маклаков, передавший архив в Америку, не имел на него никаких прав. Материалы архива опровергают лживые утверждения иудейских организаций о том, что Сионские протоколы были якобы сфабрикованы генералом Рачковским, главой парижского отделения Русской внешней разведки.

Много интересных находок мне удалось сделать, работая в личном архиве Н.Берберовой, состоявшей в одной из французских масонских лож, издавшей в 1980-х годах книгу о масонах «Люди и ложи». В этой книге Берберова, явно по заказу своих масонских начальников, пытается дать новую интерпретацию участия масонов в истории России. Старая тактика «вольных каменщиков» на полное отрицание влияния масонов на ход российской политики сменяется полупризнанием-полуправдой, призванной представить преступную деятельность масонской организации в благоприятном свете. Не имея возможности полностью сдерживать потоки информации по этому вопросу, открывшиеся после Второй мировой войны (особенно после захвата масонских архивов Сталиным), «вольные каменщики» стремятся направить их в нужное русло. Признавая «некоторое влияние масонства на политическую историю России», Берберова рассматривает его как положительное явление, а самих масонов представляет как носителей «прогрессивных идеалов».

Многие годы Берберова была в центре масонской конспирации. Ее близкие отношения с А.Ф. Керенским, А.И. Коновалвым и, конечно, ее второе замужество (с 1933 года) с видным масоном, секретарем Г.Е. Львова, другом Керенского Н.В. Макеевым сделали ее одной из самых осведомленных в тайнах «вольных каменщиков».

Изучение ее личного архива позволило мне сделать вывод, что, несмотря на большую осведомленность, Берберова тщательно обходит многие важнейшие вопросы масонской конспирации: роль «вольных каменщиков» в подготовке революции (и, прежде всего, 1905 года), участие их в террористической деятельности про-

тив представителей русской власти; старательно замалчиваются многие важные персоны масонского подполья: П.Б. Струве, П.Н. Милюков и другие. Переставляются реальные исторические акценты — навязчиво проводится мысль, что существующее в начале XX века масонство было якобы не настоящим, а только внешней формой, за которой скрывалась революционная политическая организация. Такой вывод автора не вяжется с тем, что после 1917 года все эти «ненастоящие масоны», очутившись во Франции, немедленно влились в самые настоящие ложи Великого Востока и Великой Ложи Франции и были приняты их французскими братьями как равные.

Очень продуктивной была работа с архивом Б.И. Николаевского. В его фонде сохранилась обширная переписка со многими деятелями Бернского процесса на стороне иудейских организаций. Николаевский и ряд его соратников находились на их содержании. Истина как таковая их не интересовала. Николаевский старательно пытался в угоду еврейским организациям фальсифицировать историю Сионских протоколов. В архиве Николаевского сохранились документы, подтверждающие, что еще до начала Бернского процесса Еврейский научный институт и Конгресс американских евреев в Нью-Йорке, финансируемые еврейскими банкирами Варбургами, поручили Николаевскому и С.Г. Сватикову написать книгу о подложности протоколов. В фонде Николаевского сохранилась расписка, которую он написал представителям еврейских организаций. Как известно, Николаевскому не удалось доказать поддельности Сионских протоколов и причастности к их составлению Рачковского.

О глубокой непорядочности Николаевского свидетельствует его предложение Конгрессу американских евреев собирать сведения по изучению русских патриотических групп за рубежом. Фактически он предлагал себя на роль сионистского агента в русской эмиграции.

При создании своей книги об истории Сионских протоколов я изучил все возможные архивные материалы. Исследуя историю появления протоколов в России, я изучил мнения обеих сторон на Бернском процессе, ибо располагал материалами как иудейских организаций (в Гуверовском институте), так и патриотических (в архи-

ве Джорданвилля). В таком сопоставлении особенно ясно проявилась несостоятельность и лживость позиции еврейских организаций и наивность их оппонентов. Фактически на Бернском процессе ни одна из сторон не сумела доказать свою правоту. Но еврейская сторона уже после суда пыталась представить его результаты в ложном свете, якобы «подлог доказан». На самом деле процесс закончился ничем.

Я был первым исследователем, которому удалось проанализировать и свести воедино свидетельства обеих сторон о Сионских протоколах.

Мои главные выводы из исследования Сионских протоколов таковы: Протоколы Сионских мудрецов (Сионские протоколы) — программа завоевания мира иудеями-талмудистами, ставящая целью низвержение всех христианских монархий и водворение на их месте царя-иудея — антихриста. Для достижения этих целей заговорщики допускают любые, самые подлые и жестокие методы — убийства, обман, шантаж, подкуп, запугивание, разврат.

Документ этот был составлен во 2-й половине XIX века, по-видимому, в одной из масонских лож ордена Мемфис-Мицраим. Однако предысторией протоколов является вся история талмудического иудаизма. Они вобрали в себя квинтэссенцию двухтысячелетней борьбы иудеев-талмудистов против Христа и христианской цивилизации за установление господства над человечеством и физическое уничтожение всех противостоящих воле «избранного» народа. Проведенные исследования показывают, что Сионские протоколы являются не чем иным, как вольным переложением самых сокровенных мест Талмуда (систематизированных в сборнике «Шулхан-Арух»), ставшего для значительной части евреев политической программой взаимоотношений с народами мира.

Суть ее можно вкратце сформулировать следующим образом.

1. Все, кроме евреев, являются неполноценными существами, равными животным, с которыми можно обращаться как заблагорассудится.

2. Понятие «мораль» неприемлемо к неевреям, которых можно безжалостно эксплуатировать, обманывать, обирать, преследовать, дискриминировать, грабить, насиловать и даже убивать.

3. Имущество неевреев является потенциальной собственностью евреев.

4. Евреи — высшие существа, им принадлежит будущее, сам «бог» «дает им право» господствовать над человечеством.

5. Все, кто не признает «право» евреев господствовать над миром, должны быть уничтожены.

Анализ текста Сионских протоколов позволяет сделать вывод, что они были составлены во Франции. Все основные реалии, факты, события и даже обороты речи свидетельствуют о том, что документ формировался во французской политической среде. Как справедливо отмечалось, частые упоминания об аристократии, о католицизме, о либерализме, об образовании (о классическом образовании и пр.), о республиканском режиме и парламентаризме, о положении прессы вполне совпадают с положением их во Франции и нисколько не похожи на положение их в России и Германии кайзера. Более того, мне кажется, что их автор был незнаком с положением в Восточной Европе. Иначе он упомянул бы об упреках, обыкновенно делаемых евреям этих стран, в том, что там еврей бывает одновременно кабатчиком и ростовщиком, и он убивает «водкой и процентами». Согласно Протоколам именно во Франции будет находиться центр, откуда иудейский царь и мировое правительство станут управлять человечеством. Формы же управления, хотя бы на первых этапах, тоже предлагались французские.

«Государственный совет, — говорится в протоколе №11, — явится как поддерживатель власти правителя: он, как показала часть законодательного корпуса, будет как бы комитетом редакции звонков и указов правителя.

Итак, вот программа новой готовящейся конституции. Мы будем творить закон, право и суд: 1) под видом предложений законодательному корпусу; 2) указами президента под видом общих установлений, постановлений сената и решений государственного совета, под видом министерских постановлений; 3) а в случае наступления удобного момента — в форме государственного переворота».

Несмотря на то, что в Сионских протоколах совершенно отчетливо прослеживаются иудейско-талмудические, расистские, человеконенавистнические принципы

отношения к гоям, «неизбранным», документ этот по своей форме скорее масонский, чем чисто иудейский. Иудейские вожди обязательно бы настаивали на установлении своих исторических форм правления и никогда не согласились бы организовать центр мирового правительства во Франции, а не в Эрец-Исраэль, согласно мессианским ожиданиям иудеев.

В Сионских протоколах нет ни одной ссылки ни на Тору, ни на Талмуд или раввинскую литературу, ни разу не упоминаются ни Эрец-Исраэль, ни Палестина, ни сионизм.

Тем не менее чисто иудейская идеология и образ мысли в Сионских протоколах прослеживаются всюду.

Протокол № 11: *«Бог даровал нам, своему избранному народу, рассеяние, и в этой кажущейся для всех слабости нашей и оказалась вся наша сила, которая теперь привела нас к порогу всемирного владычества».*

Протокол № 14: *«Когда мы воцаримся, нам нежелательно будет существование другой религии, кроме нашей о едином боге, с которым наша судьба связана нашим избранничеством и которым наша судьба объединена с судьбами мира <...> Никто никогда не станет обсуждать нашу веру с ее истинной точки зрения, т.к. ее никто основательно не узнает, кроме наших, которые никогда не посмеют выдать ее тайны».*

Последняя фраза, по-видимому, объясняет, почему в протоколах не обсуждаются вопросы иудейской веры и талмудические понятия.

Ограниченное использование чисто иудейских терминов, имен и названий при изложении коренных иудейских задач свидетельствует о том, что составители Сионских протоколов рассматривали их как переходный документ, предназначенный для ознакомления преимущественно в масонских ложах. Не раскрывая всех религиозных задач и тайных замыслов иудейских вождей, Сионские протоколы служат популяризации идей завоевания мирового господства среди духовных союзников иудаизма, т.е. масонов.

История появления Сионских протоколов в России окутана глубокой тайной и полна противоречивых версий. Это объясняется зловещим характером документа. Русские люди, которым впервые удалось получить его, не без основания опасались не только за свою жизнь, но

и за судьбу своих близких и друзей. Первые издатели документа намеренно окутали источник его появления туманом дезинформации.

Первый публикатор Сионских протоколов Ф.П. Степанов в 1895—1897 годах не сделал никакого предисловия к изданию и только спустя 30 лет оставил письменное свидетельство, что получил их от чернского уездного предводителя дворянства А.Н. Сухотина. Последний же взял их у одной знакомой дамы (фамилии ее он не назвал), проживавшей в Париже, которая, в свою очередь, нашла их у своего приятеля, кажется из евреев, тайно перевела и привезла в Россию. Из этого следует, что похититель Сионских протоколов и их первый переводчик — одно и то же лицо.

В 1903 году Сионские протоколы выходят в России массовым тиражом в газете «Знамя». Издатель ее П.Крушеван снабдил публикацию предисловием «От переводчика», где писал: «Изложенные протоколы написаны сионскими представителями (не смешивайте с представителями сионистского движения) и выхвачены из целой книги протоколов, все содержание которой переписать не удалось по случаю краткости времени, данного на прочтение их переводчику этих протоколов». Таким образом, так же, как и в свидетельстве Степанова, у Крушевана похититель Сионских протоколов и переводчик выступают в одном лице.

Самый авторитетный издатель Сионских протоколов С.А. Нилус дает две версии появления их в России.

I. В книге «Великое в малом...» Нилус пишет: «В 1901 году мне удалось получить в свое распоряжение от одного близкого мне человека, ныне уже скончавшегося, рукопись, в которой с необыкновенной отчетливостью и ясностью изображены ход и развитие всемирной роковой тайны еврейско-масонского заговора, имеющего привести отступнический мир к неизбежному для него концу. Лицо, передавшее мне эту рукопись, удостоверяет, что она представляет собой копию-перевод с подлинных документов, выкраденных женщиной у одного из влиятельнейших и наиболее посвященных руководителей франкмасонства после одного из тайных заседаний «посвященных» где-то во Франции... Эту рукопись под общим заглавием «Протоколы собраний Сионских мудрецов» я и предлагаю желающим видеть и слышать, и разуметь».

II. В третьем издании Сионских протоколов — в книге «Близ есть, при дверях...» — Нилус излагает это несколько иначе: «В 1901 году удалось получить в свое распоряжение одну рукопись... Рукопись эта была озаглавлена «Протоколы собраний Сионских мудрецов» и передана мне покойным чернским уездным предводителем дворянства, впоследствии Ставропольским вице-губернатором Алексеем Николаевичем Сухотиным... Попутно Сухотин сообщил мне, что он, в свою очередь, рукопись эту получил от одной дамы, постоянно проживавшей за границей, что дама эта — чернская помещица (он называл, помнится, и фамилию, да я забыл) и что она добыла ее каким-то весьма таинственным путем (едва ли не похищением). Говорил Сухотин и о том, что один экземпляр этой рукописи эта дама передала по возвращении своем из-за границы Сипягину, бывшему в то время министром внутренних дел, и что Сипягина вслед убили...»

Широкое распространение Сионских протоколов в России в 1905—1907 годах объяснялось не только трагическими событиями войны и революции, но, прежде всего, тем, что многие русские люди, обладая православным сознанием, сразу же увидели в них не просто политический документ, а религиозное предостережение о приближающемся «торжестве Израиля, или грядущем в мире антихристе». Публикация Сионских протоколов в России носила не политический, а религиозный характер и была направлена не на противостояние какому-либо народу, а на борьбу с грядущим антихристом, силами зла и сатанизма. Именно так понимали значение Сионских протоколов русские святые и подвижники XX века, благословившие их публикацию и распространение в России.

Публикация Сионских протоколов в книге С.А. Нилуса «Великое в малом» была благословлена великим русским святым и прозорливцем Иоанном Кронштадтским. Без духовной поддержки Иоанна Кронштадтского книги Нилуса могли бы и не увидеть свет. Как отмечает современник, «сам Нилус не верил в возможность интереса читателей к его книгам. Под влиянием такого уныния и пессимизма он мог и не написать своего знаменитого труда. Но именно для устранения этого препятствия дивный прозорливец о. Иоанн уверенно пред-

сказывает ему успех: «Пиши, твои книги будут покупаться и читаться». Эти слова сказаны в феврале 1906 года, когда революционный мрак и буря покрывали всю Россию... Вот это благодатное и могущественное слово о. Иоанна есть пример той соборности в труде Нилуса... без которой и самого труда, несомненно, не появилось бы».

Святой Иоанн Кронштадтский с душевной теплотой относился к Нилусу и его верной помощнице и жене. «Передай, — говорил он своей духовной дочери Г.Лобовиковой, — что я их крепко люблю. Хорошо Нилус пишет: я с великим удовольствием прочитал его сочинения. Его сочинения — чистый алмаз». «Передай ему, — говорил святой той же Лобовиковой, — что я глубоко, глубоко уважаю его и люблю его любовью брата во Христе».

Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Московский и Коломенский, в тяжелые для России времена октября 1905 года распорядился прочитать во всех московских церквях составленное им слово «Что нам делать в эти тревожные наши дни?». В этом слове священномученик рассказал православным людям Москвы о преступных антихристианских замыслах составителей Сионских протоколов. «Главное гнездо их за границей, — сообщал пастве Московский митрополит, — они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий, только для того чтобы им, якобы избранныкам, не противно было пользоваться нашими услугами... С сатанинской хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления якобы ради общего блага и действительно обращают его в послушного раба. Они всячески стараются вытравить из души или, по крайней мере, извратить святое Учение Христово».

Слово митрополита Владимира, зачитанное в московских церквях и содержавшее оценку Сионских протоколов, произвело сильнейшее впечатление на православных людей. Сам владыка выступил с этим словом в Успенском соборе Московского Кремля. Закончил он свою проповедь такими словами: «Братья возлюбленные! Чада Русской земли! В те дни, когда мы вспоминаем, как

Матерь Божия по молитвам предков наших спасла землю Русскую в тяжелую годину междуцарствия, как освободила Она нашу первопрестольную Москву Своею иконою Казанской от нашествия поляков и литовцев, — сегодня прольем пред нею и Ее Божественным Сыном пламенные мольбы о спасении Родной Земли нашей от крамольников. Поплачем пред Нею о грехах наших. Помолимся Ей о несчастных братьях наших, смутой увлеченных на погибельный путь». Давая оценку Сионским протоколам, владыка прямо связывал чудовищные планы их составителей с революционными событиями в России, рассматривал возникшую смуту не с политических, а с религиозных позиций, призывал православных людей выполнить свой долг перед Богом и стать «на брань с антихристом».

С этих же позиций рассматривает Сионские протоколы и другой выдающийся православный иерарх того времени архиепископ Никон Рождественский. Как следует из его дневников, Сионские протоколы стоят в прямой связи с тайной беззакония, делом антихриста и суть плоды работы «сонмища сатаны», о котором говорится в Апокалипсисе (2, 9). Вчитываясь в этот документ, писал Никон Рождественский, «нельзя не прийти к заключению, что это действительно не есть работа одного лица, а произведение не одного даже поколения врагов Церкви, хитрых, лукавых, в числе коих были люди незаурядного ума и крепкой воли, — люди, притом не имеющие ни одной искры христианских начал нравственности, готовые на все, чтобы достигнуть своей цели. А их цель — основание всемирного царства под главенством своего царя. Все это очень похоже на заветные мечты иудеев о всемирном своем царе, а по учению Святых Отцов — антихристе. Протоколы сплошь проникнуты иудейским духом, иудейским идеалом. С другой стороны, в то же русло вливается темная струя буддийских бредней, дабы еще больше замутить течение жизни всего человечества, и странное дело: идеалы буддистов каким-то образом сплетаются с идеалами иудеев. Казалось бы, что общего между иудеем и буддистом? Но они идут рука об руку к общей цели. Ясно, что у них общий вождь — враг Бога и людей. Это он подготавливает путь своему ставленнику — антихристу».

Самоотверженный труд С.А. Нилуса благословлял и поддерживал святой Оптинский старец Варсонофий. В

течение 1907—1912 годов Оптинский святой был духовником Нилуса, разделяя с ним его позицию, высказанную в комментариях к Сионским протоколам.

За столетие Сионские протоколы были изданы сотни раз почти на всех языках мира. По объему массовых тиражей они стали одной из самых читаемых книг нашего времени.

В конце XX — начале XXI века, когда много из того, о чем говорилось в Сионских протоколах, воплотилось в жизнь, практически невозможно оспаривать их реальное воплощение в нашей действительности. Сионские протоколы, пожалуй, единственный исторический документ, который с неоспоримой точностью раскрывает смысл современных событий.

В одном из восточных штатов США меня в гости пригласил некий состоятельный американец, с которым у нас были общие знакомые среди американских правых. В его большом загородном доме на втором этаже в трех комнатах, в которые вела дверь, спрятанная за книжным стеллажом, был устроен «музей Сионских протоколов». По всем стенам и в середине комнат стояли узкие витрины, в которых хранились сотни экземпляров изданий Сионских протоколов, начиная с изданий Нилуса и Бутми, на разных языках, включая китайский, японский, хинди. В двух больших шкафах хранилась литература pro и contra Сионских протоколов. Я был поражен! Хозяину этого музея свою книгу «Загадка Сионских протоколов» я передал через общих знакомых в числе первых.

ДОРОГА НА СЕВЕР

Весной и в начале лета в Мурманск из Санкт-Петербурга нужно ездить на поезде...

Сидишь в полупустом вагоне, а за окном, как страницы дивной книги, проносятся леса и каменистые поля, величавые озера и бурливые речки, небольшие станции и редкие городки...

Подпорожье... Свирь... Ладва-Ветка...

Перелистываются страницы дорожной книги, и кажется, что здесь сказано самое главное о тебе. Но переписать это словами невозможно, для этого надо самому сесть на поезд, устроиться возле окна и почувствовать, как входит в тебя север.

1

Май приближается к середине, и весна проступает из темно-зеленых ельников, окутывая невесомыми зелеными платяницами березки и осинки, рассыпая обрывки зелени по железнодорожным откосам...

Но в Петрозаводске поезд выходит к Онежскому озеру и дальше — Шуй-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ская, Кондопога — идет вдоль вытянутой на север рачьей клешни Онежского озера. За окном вагона — еще больше большой и малой воды, то вплотную подступающей к железнодорожным путям, то сквозящей за стволами сосен...

Это уже Карелия...

Это бесконечные сельги — гряды вытянувшихся чуть наискосок движению поезда кряжей, поросших густым лесом...

Исходивший эти края вдоль и поперек М.М. Пришвин, говорил, что тут всегда чувствуешь, как тебе *хорошо и больно*.

«Хорошо, потому что в этой тишине ожидаешь такую светлую, чистую правду. И больно, потому что внезапно из далекого прошлого выбегают серенькие мысли, как маленькие хвостатые зверьки. Эта северная природа потому и волнует, потому так и тоскует, что в ней глубокая старость, почти смерть вплотную стоит к зеленой юности, перешептывается с ней. И одна не бежит от другой».

С прибывающими километрами пути весенней зелени становится все меньше. Когда открываются озерные пространства, сплошной стеною стоят над темно-синей водой ели и сосны.

Леса, болота, скалы...

И чем дальше продвигается поезд на север, тем больше становится холодного солнца.

Когда прибыли в Медвежью Гору с ее зеленым походом на теремок вокзалом, время приближалось к девяти часам вечера, но ярко светило солнце, и высоким было голубое с белыми облаками небо...

Только очень холодно было...

2

В Медвежьей Горе поезд прощается с Онегой.

Дальше наш путь — вдоль знаменитого Беломорско-Балтийского канала, носившего поначалу имя И.В. Сталина.

Самого канала из окна вагона почти не видно, только иногда расплескивающейся озерной водой подступает он к железнодорожным путям, но сереньких мыслей, этих маленьких хвостатых зверьков набегают с той стороны столько, что они скрывают собою всё...

Строился канал необыкновенно быстро.

18 февраля 1931 года Совет Труда и Оборона СССР принял решение о начале строительства, и вскоре вдоль железнодорожного пути до того места, где Мурманская железная дорога подходит к Онежскому озеру, начали сколачивать деревянные бараки, чтобы разместить в них конторы и административные службы.

Медвежья Гора стала тогда главной резиденцией начальства Беломорстроя Лазаря Иосифовича Когана и Якова Давыдовича Раппопорта. Здесь же разместилось и управление Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря, возглавляемого Семеном Григорьевичем Фириным.

Ну, а самих заключенных развезли по лагпунктам вдоль трассы канала, и уже 16 октября, когда ударили первые морозы, начались строительные работы, а через полтора года, 28 мая 1933 года, в шлюз № 1 вошел пароход «Чекист», чтобы провести через повенчанскую шлюзовую лестницу первый караван судов.

В 20-х числах июля 1933 года Беломорско-Балтийский канал осмотрели И.В. Сталин, С.М. Киров и К.Е. Ворошилов. Они проплыли на пароходе «Анохин» от Повенца до Сорокской губы Белого моря и остались довольны увиденным — 4 августа 1933 года товарищи Коган, Раппопорт и Фирин были награждены орденами Ленина, поскольку, как выразился А.М. Горький, впервые сумели применить «в таком широком объеме систему «перековки» людей».

Арифметика «перековки» впечатляет и сейчас...

Длина канала 227 километров. 190 километров приходится на реки и озера, и только 37 километров трассы были прорыты.

Если прикинуть, что из 280 000 заключенных, которые участвовали в строительстве, погибло около 100 000, то выходит, что на каждый *прорытый* километр канала орденоносцы Коган, Раппопорт и Фирин положил по две тысячи семьсот «каналоармейцев». То есть по одной человеческой жизни на каждые 37 сантиметров канала...

И как же не согласиться с А.М. Горьким, что это, действительно, «одна из наиболее блестящих побед коллективноорганизованной энергии людей над стихиями суровой природы севера».

Другое дело, что первая победа «коллективноорганизованной энергии людей» была одержана на трассе ка-

нала задолго до А.М. Горького. И авторство ее принадлежит не чекистам, а самому Петру I.

Тогда в мае 1702 года в сопровождении пяти батальонов гвардии и бесчисленных сотен крестьян, он протащил волоком с Белого моря в Онежское озеро три фрегата.

История темная и загадочная...

Перетаскивать посуху из моря в море фрегаты — операция настолько бессмысленная с военной точки зрения, что некоторые историки сомневаются, было ли это на самом деле.

Разумеется, со здравым смыслом у Петра I всегда складывались напряженные отношения, но в идее «осушающей дороги» скрыта, на мой взгляд, гораздо более высокая, чем обычное петровское своеволие, мистическая составляющая...

В этом диковатом утаскивании посуху кораблей с Белого моря видится нам метафора политики первых Романовых, стремившихся оттащить Россию от северных морей и тихоокеанских просторов в европейскую тесноту, уткнув ее в мелководную Балтийскую лужу...

3

За Медвежегорском поезд постепенно начинает сближаться с вытянувшимся на север и включенным в Беломорско-Балтийскую систему Выгозером, и названия местностей, где полыхали при царе Алексее Михайловиче (отце Петра I) срубы раскольников, мешаются с названиями концлагерей.

Кладбищ тут не больше чем в других местах, но знающие люди говорят, что вся трасса канала — к 100 тысячам погибших каналоармейцев надобно приплюсовать бесчисленные тысячи эков, надорвавшихся на лесоразработках и строительстве комбинатов! — это одно гигантское кладбище.

Считается, что Беломорканал стал прообразом будущего ГУЛАГа, и сами лагеря в том виде, в каком они существовали в тридцать седьмом году, придумал еще один орденоседец Беломорско-Балтийского канала — чекист-предприниматель Нафталий Аронович Френкель...

Отчасти это верно...

Но только отчасти и только в том смысле, что Беломорско-Балтийский канал действительно задумывался, как кузница чекистских кадров для концлагерей...

Другое дело, что лагеря, проектируемые Нафталием Ароновичем, предназначались в основном для перековки русских людей. Они должны были либо превращаться в этих лагерях в могильные отходы, либо становиться некими интернационализированными существами, лишенными каких-либо национальных отличий и предназначенными для обслуживания большевистско-чекистской верхушки, которая устраивала свою жизнь, хотя и с меньшим размахом, чем ельцинская гвардия, но с не меньшим бесстыдством.

«Я ошалел от увиденного достатка, — вспоминал потом Александр Овдиенко, принимавший участие с М. Горьким в прогулке по каналу. — На больших блюдах с петрушкой в зубах под прозрачной толщиной заливного лежали осетровые рыбины и поросята. На узких длинных тарелках купались в жире кусочки теши, семги, балыка. Большое количество тарелок были завалены кольцами колбасы, ветчины, сыра. Плавали в янтарном масле шпроты. Пламенела свежая редиска. В серебряных ведерках прохлаждались водка, вино, шампанское, нарзан, боржом».

Учитывая, что банкет происходит на строительстве, где десятками тысяч вымирали от истощения заключенные, что организован он в год, когда в деревнях зерновых районов Украины, Северного Кавказа, Дона, Нижнего и Среднего Поволжья, Южного Урала и Казахстана умерло от голода четыре миллиона крестьян, мы видим, что у реформаторов нашего времени были достойные учителя...

Нелепо идеализировать Иосифа Виссарионовича Сталина, но то, что арифметику «перековки» — человеческая жизнь на каждые 37 сантиметров канала! — он сумел распространить и на самих творцов этой арифметики, многое оправдывает в нем...

И разве случайно, что эта цифра, положенная в основание арифметики «перековки», так точно зарифмовалась с 37-м годом, когда специалисты по «коллективноорганизованной энергии людей» сами в нее и были обращены.

Хотя, конечно, не И.В. Сталин придумал эту рифму. Ее породили здесь, на ребрах Северовых, высвободившиеся из уз христианства «духи злобы поднебесной»...

Сталин в нашей истории не только анти-Ленин, если и не уничтоживший полностью, то основательно про-

редивший его русофобскую гвардию, это еще и анти-Петр, пытавшийся, подобно последним Романовым, снять корабль России с балтийской мели.

Петр I своенравно загонял Россию в европейскую тесноту, чтобы в протестантской духоте превратить гигантскую державу в подобие милой его сердцу Голландии...

Некоторые историки, защищая первого русского императора, и сейчас еще твердят, дескать, он многое сделал для обороны России.

Наверное, это так...

Но с другой стороны, при Петре I быть русским человеком в России стало не только невыгодно, но даже и не вполне культурно. Петр I сумел так поставить в нашей стране русского человека, что до сих пор при произнесении фразы «я — русский человек», мы ощущаем некоторую моральную ущербность.

Понятно, что из-за границы приезжали в нашу страну и ценные, высококлассные специалисты своего дела, но ведь так было и до Петра I. И это только при Петре I даже откровенным проходимцам и посредственностям начали отдавать предпочтение перед русскими людьми, только потому, что они были иностранцами.

И речь тут не только об ошибках в «кадровой политике».

Россия XVII века — это страна повышенной энергетики. Русские люди мирным путем без привлечения больших людских и государственных ресурсов сумели присоединить к России большую часть нынешней территории. Потенциал совершаемого рывка на восток был столь огромным, что даже Тихий океан не остановил русских землепроходцев, они сумели перепрыгнуть через него в Америку.

Так вот, благодаря целенаправленной «кадровой политике» Петра I и его ближайших наследников, и удалось укротить эту национальную энергию, и загнать Россию в европейскую тесноту..

И только в годы правления последних Романовых была сделана попытка выправить положение и вывести Россию на океанский простор.

Увы... Ближайшее окружение императоров Александра III и Николая II, если не сорвало, то, по крайней мере, затормозило реализацию этой исторической задачи, и решать ее пришлось уже И.В. Сталину.

Замысел Беломорско-Балтийского канала И.В. Сталин тоже получил в наследство от последних Романовых*...

Как и задачу: более справедливого — я понимаю, как неожиданно звучит применительно к правлению И.В. Сталина это слово! — для русских людей государственного устройства империи.

5

От города Сегежа на северо-западном берегу Выгозера начинается собственно беломорский участок канала...

Еще в Сегеже в тридцатые годы был построен «гигант промышленности» — целлюлозно-бумажный комбинат.

Как и канал, комбинат строили заключенные.

Здесь был СегежЛАГ.

В нашей семье с этим лагерем связана жутковатая история судьбы моего дяди Владимира Александровича Попова.

Он родился в селе Остречины на Свири, и в 1931 году ушел на службу в армию, а когда через пять лет приехал в отпуск в Остречины, на нем была форма лейтенанта НКВД.

В Остречинах к этому времени разместили лагпункт СвирьЛАГа. И хотя остречинские колхозники жили семейно, но в остальном колхозная жизнь ничем не отличалась от эковской. Поэтому-то появление Володи, ставшего офицером НКВД, потрясло односельчан.

Это было как бы прорыв в ту жизнь, куда русским доселе ход был запрещен. В новенькой офицерской форме лейтенант Володя влюбил в себя за время отпуска всех колхозных барышень и своих сестер тоже.

Но это была его последняя встреча с семьей.

В 1937 году пришло сообщение, что Володя застрелился.

Хоронить его в Сегежу ездили втроем — бабушка, мама, тетушка. Здесь и узнали они подробности душевраздирающей истории...

Оказалось, что лейтенант Володя влюбился в ссыльную поселенку.

* Еще в 1900 году профессор В.Е. Тимонов был удостоен за проект этого водного пути золотой медали на Парижской всемирной выставке, и после долгих проволочек в 1917 году, как раз накануне Февральской революции, Министерство путей сообщения утвердило проект сооружения канала.

Любовь была взаимной, но роковой — когда о романе узнало начальство СегежЛАГа, молодому лейтенанту приказали отбыть на новое место службы.

Дальнейшие события — что-то среднее между драмой Шекспира и блатным романом. Вернувшись в барак, Володя обо всем рассказал возлюбленной. Рядом сидела овчарка, и — соседи слышали — скулила, как скулят собаки, почувствовав покойника.

Разлучаться сегежским Ромео и Джульетте было страшнее, чем потерять жизнь.

Лейтенант достал пистолет и обнял любимую.

Первым выстрелом он застрелил овчарку.

Вторым — возлюбленную.

Третью пулю вогнал в свое сердце.

Было ему тогда всего двадцать три года...

Слёз по лейтенанту Володе в Остречинах пролили — реки.

И все: и мама, и тетушка, и мой отец, многие годы спустя, вспоминали, как, уезжая из Остречин, на прощальном застолье, вдруг затянул Володя песню...

Вот умру, вот умру я...

Похоронят меня...

И родные не узнают,

Где могилка моя...

Дальше он петь не смог, закрыл руками лицо и заплакал. Песню подхватил дед:

На мою на могилку

Уж никто не придет.

Только раннею порою

Соловей пропоет.

Насчет того, что никто не узнает, где могилка его, молоденький лейтенант НКВД не угадал. Похоронили Володю на городском кладбище в Сегеже, но у песни свои законы и переделать их не могут никакие жизненные обстоятельства.

Здесь песня тоже оказалась сильнее и правдивее реальной жизни.

После похорон никто из родных на его могиле не был, и что сейчас осталось от нее? Наверно, ничего...

Когда поезд остановился в Сегеже, я вышел в тамбур, намереваясь прогуляться по перрону, но дверь была закрыта.

— Вы на платформу выйти хотели? — спросил проводник.

— Не знаю... — сказал я. — А что, вы дверей не открываете здесь?

— Здесь лучше не открывать... — сказал проводник. — Пахнет сегодня нехорошо...

— Пахнет?! А почему?

— Не знаю... Наверное, ветер от комбината дует...

Я вернулся в вагон и остановился у окна.

Платформа, у которой стоял наш поезд, была пуста...

За платформой рядами стояли контейнеры, а дальше — перекрывающие живое пространство кварталы желтовато-бурых пятиэтажных домов какой-то гулаговской постройки, а над ними — серое, покрытое косматыми тучами небо...

6

Поезд покачнулся и медленно двинулся дальше на север мимо тускло блистающей за деревьями большой и красивой воды.

Надвоицы... Шавань... Идель...

Здесь для устройства Беломорканала использована долина реки Выг, и широкие плесы на трассе, как сказано в путеводителе, чередуются с узкими шлюзованными участками.

Глядя на ползущий от воды белоночный туман, я вспомнил, как однажды, листая сборник стихов Геннадия Шпаликова, наткнулся на грустное стихотворение:

Я с псом разговаривал ночью,
Объясняясь наедине, —
Жизнь моя удается не очень,
Удается она не вполне...

Читая эти стихи, я почему-то вспомнил историю, случившуюся в тридцатые годы в Сегеже, а когда добрался до строк, написанных Шпаликовым за год до его самоубийства:

Отпоют нас деревья, кусты,
Люди, те, что во сне не заметим,
Отпоют окружные мосты,
Или Киевский, или ветер.

Да и степь отпоет, отпоет,
И товарищи, кто поумнее,
А еще на реке пароход,
Если голос, конечно, имеет...

Даже перехватило дыхание. Несмотря на полное несходство деталей пейзажа, возникло совершенно определенное ощущение, будто я брожу по сегежскому кладбищу, на котором никогда не был.

Пытаясь отделаться от навязчивого, мучительного ощущения сходства, я отыскал биографию знаменитого киноактера и с удивлением узнал, что Геннадий Шпаликов родился в Сегеже 6 сентября 1937 года.

...В тот самый день, когда там оборвалась жизнь лейтенанта НКВД Владимира Александровича Попова!

Поразительно, как много непостижимого в нашей жизни...

Ничего не связывало семью инженера Федора Григорьевича Шпаликова, работавшего на строительстве Сегежского целлюлозно-бумажного комбината, с никому не известным лейтенантом, работавшим в охране СегежЛАГа...

Но перелистываешь сборник его сына, и кажется, что из той сегежской трагедии и рождаются пронзительные стихи...

Я к вам травую прораству,
Попробую к вам дотянуться,
Как почка тянется к листу
Вся в ожидании проснуться.

И тот полублатной романс, из которого словно бы переписана душераздирающая история чекистской любви, тоже отыскался в сборнике...

Было холодно и мокро,
Жались тени по углам,
Проливали слезы стекла,
Как герои мелодрам.
Вы сидели на диване,
Походили на портрет.
Молча, я сжимал в кармане
Ледящийся пистолет.
Расположен книзу дулом
Сквозь карман он мог стрелять,

Я все думал, думал, думал —
Убивать, не убивать?

Увы... Если И.В. Сталин и ставил перед собою задачу более справедливого для русских государственного устройства империи, все равно решить ее не смог. Эта задача просто не имела решения в тех нравственных координатах, в которых велись поиски ответа...

7

Проснулся я часа в три ночи, уже за Кемью, когда наш поезд шел вдоль берега Белого моря...

Энгозеро... Лоухи... Чупа...

Как отголоски языческих преданий, звучат здешние названия...

Было по-прежнему светло, и воочию можно было разглядеть, что поезд наш под действием каких-то колдовских чар явно заплутал в календаре...

Куда подевался май месяц, из которого мы приехали?

Вокруг — на земле, на скалах, на деревьях — лежал снег...

Это начиналась Мурманская область, и все явственнее проступали в карельском пейзаже черты Лапландии — студеной земли с промозглыми пронизывающими ветрами, со снежными бурями, с коротким летом.

Полярные зори... Апатиты... Оленегорск... Лапландия...

«Лапландия — это край мрачных скал, омываемых ледяным морем, с крикливыми базарами чаек и гаг, край поседевших, лохматых ельников и морошковых болот... — пишет в своей книге «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем» Надежда Большакова. — Здесь камни цветут мхом и кустарниками ягод, а на спинах великанов-валунов стоят причудливые, корявые сосны, расходятся в «танце» низкорослые березки, и поднимается настроение, глядя на это чудо природы, а карликовый мелколистник так заплетет по тундре редкие тропы, что пробираешься по ним с трудом. Лапландия — край суровый и нежный, край черной полярной ночи и белого летнего дня... Дантовым адом воспринимали ее люди пришлые, но для коренных жителей — это колыбель, мать, отчий дом, где каждая березка, каждая сосенка, словно родные...

А сколько осенних красок в природе Лапландии! Она, словно вобрав в себя все цвета радуги, выплескивает их на людей. Здесь осень звенит в лимонно-оранжевые колокола. Рыжие, бурые, золотые листья берез и рябин на фоне черных гор, зеленых сосен и елей завораживают. Вечерами очертания сопок оживают, затеявая немислимые игры света и тени, пробуждая воображение, создавая сказочные образы».

Но сейчас был май, и все цвета радуги сливались в две краски: темно-серого пространства земной тверди и светло-серого пространства воды и неба... Радостно стукнуло сердце, когда мелькнуло впереди ярко-оранжевое пятнышко. Но поезд промчался мимо, и этот яркий мазок в сером пейзаже оказался куртками путевых рабочих, сгрудившихся в стороне от пути.

Суровый край...

Неслучайно поэтому коренные жители этого края — саамы или, как их называли раньше, лопари*, приобрели среди других народов славу закоренелых язычников — так повседневно и буднично общались они с «духами злобы поднебесной»...

«Ни один народ на земле не занимается столько волшебством и чародейством, как лопари...» — отмечал в XVI веке английский посол Джильм Флетчер.

Русские — новгородские сборщики подати! — начали появляться на Мурмане еще в XI веке, но селиться здесь постоянно русские стали позднее, когда обеспеченной оказалась защита от чар и колдовства...

Появление в XV веке первых поморских селений на Терском берегу Белого моря напрямую связано с деятельностью Николо-Карельского монастыря, основанного преподобным Евфимием Карельским на месте нынешнего Северодвинска.

Сопостники преподобного Евфимия шли вдоль берега Белого моря, возводя на своем пути Никольские храмы.

«От Холмогор до Колы тридцать три Николы» — закрепляя эту дорогу иноческого подвига, говорит поговорка.

Ну, а в конце XV—начале XVI века пришла пора московского освоения края...

* Слово «лоп» обозначает человека, живущего на краю земли.

ВИЗА В ПУЧИНУ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

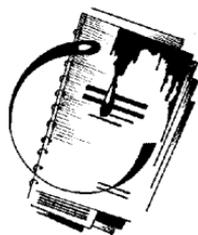
ТАЛЛИН, 27 СЕНТЯБРЯ. ИГОРЬ КРИСТАПОВИЧ

Порывистый северный ветер гнал опавшие листья по пустынным аллеям парка КадрIORга. Низкое серое небо роняло мелкий бисер осеннего дождя.

Игорь пришел сюда, чтобы в тиши парка спокойно разобраться с тем потоком информации, который поступил в последние часы. Он постелил газету на сырую скамейку, сел, достал диктофон и внимательно прослушал запись. Этот странный телефонный разговор его люди зафиксировали в десять часов утра. Одного из говоривших он узнал сразу — это был капитан парома «Эстония» Арво Андерсен, которого некий человек просил дать возможность въехать двум автофургонам на судно задолго до официальной посадки. «А как же пограничная и таможенная служба? — поинтересовался капитан». — «С ними полная договоренность, — заверил неизвестный и добавил: — Без вашего разрешения машины на судно не пропустят». — «Но это...» — замялся капитан. «Ничего страшного, — властно прервал его виза-

Продолжение. Начало в №1-2 за 2009 г.

ДОСЬЕ "МГ"

ви, — в случае чего, ссылайтесь на меня. В двенадцать часов машины привезут на ваше судно свежее белье». — «Количество сопровождающих лиц?». — «Два водителя и грузчик». — «Хорошо, — сухо бросил капитан, — я распоряжусь...»

Этот разговор озадачил Игоря. О каком транспорте идет речь? Как сообщил майор, фура с военным оборудованием прибудет не раньше восемнадцати часов. А тут какой-то таинственный груз доставят загодя!

Он еще и еще раз прокручивал запись, вслушиваясь в интонацию незнакомца, и вдруг его осенило — этот голос с английским акцентом он где-то слышал... Вспомнилось совещание в Министерстве обороны, куда был приглашен как заместитель начальника таллинской таможни. Да, это был голос самого министра обороны Эстонии Александра Эйнсельна.

Так вот на каком уровне проворачиваются контрабандные дела, пульсировало в голове Игоря. Теперь вполне объясним беспредел бандитских группировок на территории порта. За определенную таксу на пассажирском пароме сегодня можно вывезти на Запад все, начиная от современной техники военно-космических предприятий и кончая редкоземельными расщепляющимися материалами.

Что он знал о нынешнем министре обороны?

Знакомый полковник из ГРУ выслал любопытную информацию. Александр Эйнсельн появился на свет в 1931 году в Эстонии. Вместе с родителями в детском возрасте эмигрировал на Американский континент, где, окончив гимназию, поступил в военное училище и начал офицерскую карьеру. Воевал в горячих точках — Вьетнаме и Корее. Дослужившись до подполковника, он понял, что генеральский чин в армии США ему не светит, хотя усердно выслуживался даже в аппарате штаба НАТО. В Пентагоне уже было решено отказать от услуг шестидесятитрехлетнего офицера, а тут — подарок судьбы — Эстония приобрела независимость. Руководители спецслужб США вспомнили балтийские корни подполковника и отправили его в это небольшое, но стратегически важное с военно-морской точки зрения, государство. Правительство Эстонии (не без совета американцев) тут же вцепилось в этот подарок и своего соотечественника срочно произвело в генералы, предоставив ему пост министра.

Игорь догадывался, что контрабандная вакханалия на терминалах таллинских портов, совершается под покровительством очень влиятельных государственных персон, но никак не думал, что сам министр обороны замешан в этом деле. Теперь понятно, почему именно таллинский порт стал на берегах Балтики самой удобной лазейкой между Россией и Западом.

Он достал телефон и позвонил своему знакомому Калеву Ватрасу. Как-то Игорь помог этому парню устроиться грузчиком на паром «Эстония».

— Ты сможешь оказать мне услугу? — начал издали Кристопович.

— Смотря какую? — насторожился тот.

— Кто доставляет свежее белье на судно?

— Пастельное? Привозит какая-то фирма.

— А как проходит разгрузка? Ваши люди работают или представители фирмы?

— Мы сами разгружаем.

— В двенадцать часов ты будешь на судне?

— В это время обслуживающий персонал после генеральной уборки обычно уходит на отдых. Если нужно — останусь. А чем я могу помочь?

— Приедут два фургона со свежим бельем. Если тебе не трудно — проследи за разгрузкой. Только будь осторожен.

— А что, белье стало стратегическим товаром? — В голосе парня прозвучала ирония.

— Всякое бывает, — неопределенно проговорил Игорь.

— Понятно. Попробую.

Игорь вышел из парка и зашагал к стоянке, где оставил свою машину. Вот и знакомое здание ресторана, куда он часто заходил в советские времена. Именно сюда он пригласил на первый инструктаж красивую скрипачку по имени Валентина. Прошлое оживило в памяти, когда увидел старое здание с широкой витриной и яркой рекламой. словно из клубящегося месива графитовых облаков, опустилось на землю ангельское лицо музыкантши, которую ему удалось завербовать в свою агентурную сеть.

Будучи руководителем отдела по борьбе с контрабандой КГБ Эстонской ССР, он дорожил своим агентом Сергеем Петровым. Этот человек был полон контра-

тов, но прекрасно выполнял любое задание, а знание языков позволяло ему общаться с иностранцами. А так как Петров был личным агентом, о котором не знали даже подчиненные, полковник ревностно оберегал своего человека от новых знакомств. И когда он узнал, что парень увлекся некой музыкантшей, решил прощупать новую знакомую, а при случае и завлечь ее в свою сеть. В случае удачи она могла снабжать информацией о человеке, с которым встречалась, и воздействовать на последнего по сценарию шефа. С этой целью его люди провели операцию с долларами, которые попросту подсунули в карман девушки. Валютные операции в советские времена строго карались. Очень строго!

Когда ее «поймали с поличным» и привели в его кабинет, девушка настолько перепугалась, что готова была подписать любое соглашение, лишь бы избавиться от этого кошмара. Кристапович, на определенных условиях, не стал заводить уголовное дело. Определенные условия — служить верой и правдой всемогущей структуре. В этот вечер он не стал объяснять цели и задачи новой работы насмерть перепуганной девушке, а предложил на другой день встретиться за обедом в ресторане и поговорить.

Сейчас Игорь остановился у витрины этого златного места, где состоялся первый инструктаж с новоиспеченным агентом. Здесь многое изменилось. Новые хозяева шикарно отремонтировали зал, украсили изысканной мебелью и, конечно же, повысили стоимость блюд и сервиса. Молодая официантка выскользнула, как тень, и протянула меню в толстом кожаном переплете, едва он занял место за памятным столиком.

— Минеральную воду, кофе, рюмочку водки и бутерброд с красной икрой, — не заглядывая в меню, проговорил он.

Девушка все записала и упорхнула. А он смотрел в окно, пытаясь восстановить в памяти все детали того вечера.

Когда Валентина вошла в ресторан, Игоря поразило спокойствие, которое царило на ее лице.

— Товарищ чекист, — проговорила она с ехидной улыбкой, — ваши люди прекрасно провели операцию, подсунув мне валюту. И зачем же вы это сделали?

От такого напора полковник даже оторопел. Перед

ним сидела не потерявшая от страха разум девушка, как это было накануне, а вполне самоуверенный человек, который способен потребовать объяснение столь грязному поступку, а в дальнейшем и пожаловаться в вышестоящие органы. Но он тут же себя успокоил — в Стране Советов вышестоящих органов нет, а его ведомство формально никогда не ошибается.

— Так зачем же вы это сделали? — требовательно повторила она.

— Что будете пить? — Он пытался вопросом сбить наступательный пыл собеседницы.

— Коньяк, — бросила она. — В моем положении хочется залить спиртным свое вчерашнее унижение.

— Почему же унижение? — мягким голосом начал он. — Вы комсомолка...

— Мне давно наплевать на эту организацию, — обрвала она.

— Я, как представитель КГБ, могу эти слова принять всерьез и...

— И что же? Арестуете меня?

— Да... нет, — замылся он и тут же жестко добавил. — Я своих сотрудников за решетку не сажаю. Я с ними работаю. У нас — доверительные отношения!..

— Вы правы. — Она сверлила его многозначительным взглядом. — Люди, подписавшие под нажимом вашей конторы свою принадлежность к армии сексотов, теряют человеческое лицо и становятся рабами, безропотно исполняющими приказы...

— Совершенно верно, — зло отрезал он, хотя внутри и корил себя за взрыв негативных эмоций. Он понимал, что эту непростую девушку надо твердо ставить на место сразу же, в противном случае могут быть проблемы. И он пошел на эту жесткость, вспомнив вчерашнюю её беспомощность. — Вы согласились работать на КГБ и тем самым спаслись от тюремной скамьи...

— Но ведь вы, — в ее зрачках блеснули слезинки, — лучше других знаете, что я не занимаюсь валютными операциями...

— А доллары! — ехидно протянул он. — Они случайно оказались в вашем кармане...

Девушка вдруг сникла, залпом опрокинула рюмку, и бесцветным голосом произнесла.

— И что же вы мне прикажете делать?

— Вот это другой разговор, — улыбнулся он. — Давайте ужинать. А то за нашей пустой болтовней все остыло...

Возможно, именно при этом нелिцеприятном разговоре он влюбился в скрипачку, но никогда в этом не признавался. Он ревностно следил за ее встречами с Сергеем, болезненно переживал их роман, даже прослушивал телефонные разговоры, но никогда ни перед ним, ни перед ней не выдавал своих чувств. И когда ему стало известно, что Валентина уехала в турпоездку в Швецию и осталась там, став невозвращенкой, он даже обрадовался.

Через какое-то время его контора напомнила беглянке о себе. Местный резидент КГБ разыскал девушку и предложил сотрудничество, в противном случае пообещав рассказать мужу и шведской прессе о её кагэбистском прошлом. Это был грязный трюк, но вполне логичный для его ведомства. Она испугалась и опять согласилась работать на контору.

Сейчас, спустя много лет, он вспомнил этот диалог, и тошнотворный комок подкатил к горлу. В эту секунду ожил мобильный телефон.

— Докладываю, — раздался удивленный голос грузчика Ватраса. — Два фургона въехали на автопалубу и притормозили у лифта. Водитель и его люди стали выгружать из салона большие серые мешки. Мне неоднократно пришлось возиться с доставленным бельем, и скажу вам, что оно приходит на судно совершенно в другой упаковке. Те мешки и поменьше, и полегче. И тут началось самое интересное. Обычно белье разгружается на палубе, где располагаются обслуживающий персонал, различные складские помещения и каптерки. Здесь я их поджидал. Но... лифт не остановился на нашей палубе и ушел наверх.

— Куда же поместили мешки?

— Их подняли на палубу номер девять и отнесли в ходовую рубку.

— Кто из команды был в рубке?

— Старший офицер Юхан Херм.

— Ты не засветился?

— Нет. А что? — В голосе парня мелькнула тревога.

— Все нормально, — успокоил его Игорь. — Но об этом никому не рассказывай.

Как бывший таможенник, Игорь хорошо знал все тайные места парома. Под палубой мостика ходовой рубки есть люк, который ведет в отсек. Лучшего места для контрабандного товара не сыщешь. Об этом тайнике знают немногие... Скорее всего, размышлял Игорь, в этих мешках либо наркотики, либо редкоземельные материалы, например, кобальт или осмий. Только за разрешение погрузки контрабандного товара капитаны парома получают от десяти до пятнадцати тысяч долларов.

Официантка принесла заказ. Игорь взглянул на стул, где когда-то сидела его любимая женщина, и, как бы за ее здоровье, выпил водку. Здоровье у Валентины было прекрасное, и жила она в свое удовольствие под крылом своего богатого мужа. А он, вспомнив любимую скрипачку, тяжело вздохнул, жалея о потерянном. Тогда в его душе боролись два чувства: влюбленность и долг. Он был преданным офицером спецслужб и сумел оттеснить личные чувства на второй план. Так его воспитало все- сильное ведомство, способное поднять человека на вершину власти и раздавить одновременно. Он служил этому ведомству верой и правдой, не задумываясь, отбрасывая все личное во имя великих идей социализма. И еще — контора привила своим сослуживцам чувство страха, которое преследовало каждого кагэбиста, будь он молодым лейтенантом или седым генералом. Это особое состояние ума и души было для него вовсе не вызывающим обманом и нарочитой ложью во спасение. Скорее, естественной реакцией человеческой сути на окружающую его опасность, продиктованной инстинктом самозащиты и самосохранения, когда ложь сделалась нормой существования.

Сейчас, когда рухнуло все старое и его контора в Эстонии превратилась в пепелище, он продолжал исправно служить, ибо считал себя истинным солдатом органов спецслужб. Там, в России, его ведомство достигло таких высот, что само формировало правительство. А думские слуги безотчетно выполняли приказы генералов ФСБ.

Игорь посмотрел на часы и набрал номер мобильного телефона своего агента, которого командировал в Стокгольм. Там Сергей Петров на своем автомобиле должен был проследить путь фуры.

— Пока «Сканию» с такими номерами не вижу, — ответил тот, — хотя наблюдаю за грузовиками у транспортных ворот терминала с шестнадцати часов.

— Жди. Подъедет, — приказал Игорь и выключил телефон.

Какие события произошли с того дня, когда он встретился с майором?

Четырнадцатого сентября прошел первый груз. Он был спрятан в легковом автомобиле «Вольво-747». За рулем сидел некий Ганс Ларсен. Как и следовало ожидать, таможенники не стали проверять машину, ибо получили команду свыше. Но его человек все же заглянул в багажник — там были коробки с российской военной электроникой. Второй такой рейс случился двадцать первого сентября, когда уже «бусик» без помех проник на паром. Значит, на пассажирском судне можно провозить военную технику, если этого хочет сам министр обороны. Тем самым это высокопоставленное лицо идет на чудовищное преступление, нарушая все международные нормы!

И вот сегодня, удачно миновав погранпосты и таможеню на российско-эстонской границе, к терминалу беспрепятственно приближалась громоздкая фура с основным грузом. Куда пойдет российская военная новинка, в чьи руки попадет — станет ясно завтра утром.

Факт и комментарий

Говорит Сёрен Линдман, бывший военный атташе Швеции в России. Этот человек лучше других шведских дипломатов знал о том, что творилось в российской армии в девяностые годы.

— Существовала коррупция в системе вооруженных сил России, — рассказывает он. — И у нее не было предела. Генералы готовы были продать любой армейский товар.

— По-моему, — усомнился я, — на территории бывших прибалтийских республик в 1994 году секретного военного товара уже не оставалось.

— Согласен. Но рядом — Ленинградский военный округ, где было много прекрасной советской техники. Если у тамошнего военного начальника появилось желание что-то продать на Запад, можно было легко пере-

бросить технику в Эстонию и использовать паром. Этим путем многие пользовались. А из Швеции или Финляндии товар беспрепятственно шел в США или в другие страны.

— И использовать для этой цели пассажирское судно?

— Перевозка военных материалов на гражданском судне является само по себе преступлением.

— Странно, — заметил я, — что высшие чины министерства обороны Эстонии и Швеции забыли об этом и сознательно шли на преступление.

ТОРГОВЕЦ ОРУЖИЕМ

Оказавшись в Инсбруке, я оставил машину на стоянке и пешком направился в Старый город — он действительно очень и очень старый. Узкие средневековые улочки зажаты мрачными глыбами домов. И повсюду — толпы туристов.

С Эльзой мы условились встретиться возле «Золотой крыши» — символа Инсбрука. Этот исторический памятник лет пятьсот назад воздвиг весьма почитаемый тирольцами император Максимилиан I, дабы из соответствующей его величию ложи наблюдать за перипетиями рыцарских турниров, проходивших на площади внизу.

Я протискивался сквозь пеструю толпу туристов. То и дело слышалась русская речь. Мои бывшие соотечественники, охваченные эйфорией свободы, в эти теплые августовские дни 1994 года заполнили Европу. И континентальная машина турбизнеса, отшлифованная и отрегулированная, мгновенно среагировала на экс-советский фактор, широко раскрыв свои объятия. К русским стали причислять всех обитателей бывшей социалистической коммуналки. И здесь, в Зальцбурге, фешенебельные отели начали охотно принимать на работу людей, знающих русский язык. Да это и понятно. Ни один другой турист мира не станет сорить деньгами так, как это делают вчерашние скромные советские люди.

За этими размышлениями меня застал звонок Эльзы.

— Я в аэропорту, — сообщила она. — Только что приземлился самолет с российскими туристами. Среди них — человек, которого встретил итальянец. Сейчас он ведет гостя к своей машине. Я следую за ними.

Меня охватили смутные подозрения. Всплывали вопросы, на которые я не мог дать вразумительный ответ. И главный из них — какого черта я ввязался в эту историю? Я не имел понятия о том, что представляет собой этот итальянец, и не проявлял ни малейшего любопытства к его гостю. Направляясь к «Золотой крыше», я ощущал, как тень беспокойства преследовала меня. Тревога не за себя, а за коллегу, которая охотилась за информацией загадочного и наверняка опасного содержания. Кто-то заказал важную информацию!? Не только заказал, но и щедро оплатил, ибо пребывание в самых дорогих отелях ледника Штубай требует кучу денег. А Эльза, насколько мне известно, жила, как и многие журналисты, довольно скромно. Отсюда вывод: она выполняла задание очень богатого и влиятельного клиента.

Эльза вынырнула из толпы, метнулась ко мне.

— Не хотела тебе по телефону говорить. Итальянец — крутой торговец оружием. Зарегистрировался в отеле под фамилией Клайн. Почти без акцента говорит по-немецки. Знает русский. Моему клиенту стало известно, что итальянец ведет тайные переговоры о покупке какой-то секретной российской военной установки.

— А кто твой клиент?

Эльза на миг смутилась, но тут же взяла себя в руки.

— Не важно... Сейчас они в ресторане, напротив театра, — коллега говорила торопливо и куда-то тащила меня за рукав. — Свободных мест там не было, и мне ничего не оставалось, как пойти за тобой. Этот русский турист, очевидно, птица важная, если ради него итальянец покинул фешенебельный отель в Штубайглетчере и приехал в Инсбрук...

— Твой заказчик, видимо, снабдил тебя приличной суммой. Номер в самом престижном европейском лыжном центре стоит...

— Дорого, — обрывает она. — Но и мое время стоит недешево.

— Моя персона, — иронически замечаю я, — вплетается в это грязное дело на общественных началах!

— Кое-что тебе компенсирую из своего гонорара, — заверяет Эльза.

— И на том спасибо.

— Здесь, — она взяла меня под руку и ввела в просторный зал ресторана. — Столик у окна слева.

Я увидел спортивного типа темноволосого мужчину в желтой рубашке с тонкой голубоватой клеткой. Как бы в поиске свободных мест мы медленно шли по залу, останавливаясь и озираясь. У столика интересующих нас лиц я успел уловить несколько фраз на русском языке, которые ронял человек, сидящий ко мне спиной. Говорилось о каком-то товаре, который заказали американцы и обещают серьезные деньги.

— Мы заплатим больше, — заверил итальянец на ломаном русском языке.

Я не стал замедлять шаг и продолжал идти, оглядываясь по сторонам. Свободных мест действительно не было. Сквозь кольца дыма увидел Эльзу, она махала мне рукой.

— Столик освобождается, — шепнула она. — Клиенты уже рассчитались.

Официантка принесла сдачу, и четверо немецких туристов, оживленно переговариваясь, поднялись и направились к выходу. Эльза ринулась к освободившемуся столику, не выпуская моей руки.

— Следовало бы дождаться, пока уберут, — пробурчал я.

— Плюнь на этикет. Главное — мы устроились в удобном для наблюдения месте. Мне надо их сфотографировать.

— И не вздумай, — остановил я ее порыв. — Ты имеешь дело не с безусым юношей...

— Ты прав. Оставлю съемки до лучших времен. А теперь давай по очереди пробираться к туалетной комнате мимо их стола. Может, что-нибудь уловят наши уши. Я пошла первая...

Она вернулась минут через пять и шепнула мне:

— Нам улыбается удача. Итальянец приглашает собеседника провести пару дней на лыжном курор...

Эльза оборвала фразу на полуслове — кажется, случилось непредвиденное. Повернулся и увидел, как итальянец протянул официантке кредитную карту.

— Что будем делать? — Я настороженно посмотрел на коллегу.

— Пойдем за ними, — напряженно проговорила она.

Итальянец, взяв своего партнера за локоть, повел его к выходу. Мы выдержали паузу и последовали за ними.

— Где твоя машина? — поинтересовалась Эльза.

— На платной стоянке у «Золотой крыши».

— Моя недалеко от БМВ итальянца, — торопливо говорила она. — Ты своим ходом направляйся к лыжному центру... Вот гостевая карта. Тут обозначены все маршруты, ведущие к моему отелю. Встретимся там в фойе.

Не успел я все переварить, как она исчезла. Мне ничего не оставалось, как направиться к паркингу и стартовать к горнолыжному курорту, что на леднике Штубай.

Шоссе, ведущее туда, сверкало вереницей дорогих автомобилей, спешащих к горным трассам. И это неудивительно. Там располагался самый благоустроенный в Европе лыжный центр, куда стремились миллионеры со своими семьями на уик-энд. Три тысячи триста метров над уровнем моря манили адреналином любителей острых ощущений.

Я ехал неторопливо, вдыхая божественный экстракт альпийской флоры. Словно пули, проносились мимо крутые «мерсы», «ауди» и другие изыски современного автостроения.

Когда я подъехал к стоянке отеля, у ворот вырос темнокожий охранник в элегантной форме. Увидев гостевую карту, негр заулыбался и поспешно открыл ворота. Машины Эльзы нигде не было видно. И это меня обеспокоило.

Я прошел в бар. Симпатичная австриячка с белозубой улыбкой уверенно протянула меню на русском языке, как будто на моем лбу увидела печать с эмблемой «СССР». Я заказал кофе. Потягивая горячий напиток из хрупкой фарфоровой чашки, с удивлением размышлял о прозорливости барменши. Вот так, наблюдая за кем-то и думая, что тебя никто не знает, вдруг сталкиваешься с обычной австриячкой, которая безошибочно определяет твое происхождение. Конечно же, официанты и бармены — хорошие физиономисты. Но если натолкнешься еще на одного подобного знатока, то игра с итальянцем может оказаться последней в твоей жизни.

Мои мрачные размышления прервал итальянец. Он вошел в фойе и направился к рецепшену.

— Добрый вечер, герр Клайн! — лебезила администратор.

— У меня к вам просьба, — проговорил итальянец, — подыщите, пожалуйста, комнату для моего друга.

— Сию минуту, герр Клайн. Блистая улыбкой, она протянула анкету. — Могу предложить комнату рядом с вашей. Номер двадцать два устроит?

— Вполне, — роняет итальянец.

Я вздрогнул — двадцать четвертый номер занимала Эльза.

В итальянце проскальзывало что-то колючее — то ли в крутом изломе бровей, то ли в удлинённом носе, вытянутом, словно птичий клюв, то ли в остром взгляде крупных черных глаз. От него несло холодком и силой, которая может смести все на своем пути.

Россиянин удобно расположился в кожаном кресле и неторопливо заполнял анкету. Невысокого роста, широкоплечий, с симпатичным лицом, на котором выделялся нос с чуть заметной горбинкой. В золоченой оправе очков он походил на профессора.

— Я покажу вам номер, — администратор грациозно поднялась и подошла к гостям. — Прошу следовать за мной, герр Клайн.

Они направились к лестнице, ведущей в апартаменты.

Я с тревогой ожидал Эльзу, погружаясь в область самых смутных догадок. Непонятным образом наши комнаты располагались рядом. Знал ли об этом итальянец?.. И куда же пропала Эльза?! А если ее разоблачили и... Нет, я тут же отогнал крамольную мысль. С ней, конечно же, все в порядке.

— Простите, — как тень появилась барменша. — Вы что-то хотели?

— Спасибо, — рассеянно отозвался я.

Она, пожалуй, готова была сказать еще что-то, но тут появилась Эльза с разноцветными пакетами в руках. Увидев меня, бросила в кресло ношу, подбежала ко мне и обняла.

— Наконец-то ты приехал! — нарочито громко говорила она на по-чешски, поглаживая мою руку. — Надолго?

Сценка встречи с любимым человеком получилась очень убедительной.

— На один день, дорогая, — подыгрывал я.

— Всего лишь на день? — капризно переспросила она. — Вот так всегда!

— Работа, дорогая, работа.

Так мы ворковали, поднимаясь в номер.

— Новости есть? — едва захлопнулась дверь, нетерпеливо спросил я.

— Никаких, — прошептала Эльза. — Я убедилась в том, что они едут в нужном направлении, завернула в маркет заpastись едой. Ужин здесь стоит сумасшедшие деньги, и мы поедем в номере. А пока — прогуляемся и полюбуемся вечерними Альпами.

Она вскинула глаза на потолок и показала на ухо.

Я все понял, кивнул в ответ, а про себя подумал, что слишком увязли мы в детективной истории и придумываем опасности, которых, возможно, не существует.

— Да, дорогая, — весело проговорил я, — полюбуемся заходящим солнцем, и чудотворный воздух нам не помешает.

Мы вышли на улицу. Пики гор утопали в охре, а снежная грудь ледника будто обагрилась кровью.

— Они странным образом расположились рядом, — заговорила Эльза, как бы отвечая на собственные смутные вопросы. — Подобное соседство таит неудобства. Вольно или невольно мы привлекаем к себе внимание. На нас начинают смотреть недоверчиво, за нами устанавливают наблюдение, наводят справки...

— Не кажется ли тебе, — я попытался ее успокоить, — что надо меньше смотреть остросюжетные детективные фильмы. Итальянец, скорее всего, вообще не знает о нашем соседстве.

Она пропустила мое замечание мимо ушей и продолжила развивать свою мысль:

— Несмотря на эти неудобства, близкое соседство дает нам кое-какие преимущества. Например, имея я нужную аппаратуру, смогла бы запросто следить за происходящим в соседнем номере.

— Хранить такую аппаратуру в номере было бы непростительной глупостью, — возразил я. — Надо быть слишком большим оптимистом, чтобы полагать, что номер не будут посещать и тщательно осматривать в твоё отсутствие.

Как мне казалось, коллега упрямо сгущала краски, не обращая внимания на мои реплики. Ее будто кто-то зомбирова. Я спешно провожу военный совет сам с собой — занятие довольно обычное и весьма полезное для меня, хотя иной психиатр определенно усмотрел бы в этом симптом шизофрении.

Ясно, что наша авантюра имеет непредсказуемые последствия. Незнание о том, что представляют собой

эти двое, усиливала тревогу. И ощущение беспокойства не покидало меня — беспокойства не за себя, а за нее.

В этот час августовских сумерек вокруг ни души. Темные нити подъемника расчерчивали багрово-графитовое небо. Я пытался найти окно нашего номера и вдруг замедлил шаг — на освещенной лоджии увидел два знакомых силуэта. Мужчины сидели за столиком, и в их пальцах искрились рюмки.

— Вон они, пируют, — коснулся я плеча Эльзы.

— Есть возможность, — глаза ее блеснули, — послушать, о чем они говорят. Пошли.

Мягкий ковер заглушал наши шаги в коридоре, и Эльза бесшумно справилась с замком. К счастью, окно наше было приоткрыто.

— Если американцы и русские, — раздался голос торговца оружием, — договорились между собой, то где гарантия, что я получу товар?

— Я гарантирую, — сухо ответил россиянин. — Мои люди держат сделку на контроле.

— И где же вы перехватите груз?

— Он пойдет морем. Там и перехватим. Вы примете груз в стране, о которой я сообщу позже... Аванс перечислите на этот счет в коммерческом банке Лихтенштейна...

Я посмотрел на Эльзу. Дуги ее бровей приподнялись, а цвет глаз за стеклами очков поменялся с голубого на темно-синий. Пухленькие губы приоткрылись, а указательный палец застыл в воздухе.

На балконе повисла тишина, в которую вплеся легкий шелест бумаги. Затем послышались шаги и хлопок двери. Голоса исчезли, будто их вспугнуло наше присутствие.

Теперь и я насторожился.

— Тут пахнет грандиозной аферой, — склонившись к моему уху, прошептала Эльза. — Не случайно меня прислали сюда.

Я сглотнул ком в горле и в знак согласия махнул головой.

— Ох, умираю с голода! — выкрикнула Эльза. — Где наши пакеты!

Она стала раскладывать на низком столике еду, самую прозаичную и существенную для командировочных: колбасу, ветчину, сыр, нарезанный хлеб и фрукты.

Когда еда заметно поубавилось, я пытаюсь заговорить, но моя коллега прикладывает палец к губам.

— Топай первым в ванную комнату, — и, заметив мое недоумение, добавляет. — Дорогой, я устала и хочу нырнуть в твои объятия.

Кровать оказалась широкой, и мы провели ночь, абсолютно не мешая друг другу.

Я проснулся первым, вышел на балкон, любуясь фантастическими альпийскими пейзажами. Они завораживали. Закинув назад головы с полуметровыми рогами, по скользкому изгибу неслось семейство горных баранов. На снежном фоне рыжим пятном маячила лиса.

— Готовься к завтраку, — услышал я голос Эльзы. — Клиентам отеля разрешено кормить своих гостей.

Нас ожидало несметное количество блюд. Постоялец с самым изысканным вкусом здесь находил любимую еду. А если нет — то его заказ быстро исполнялся.

После обильного завтрака мы поднялись в номер. Я вышел на балкон и увидел итальянца с партнером. Они стояли на склоне горы в эффектной лыжной форме и слушали наставление инструктора. Я подозвал Эльзу и, кивнув на соседей, предложил:

— Было бы логично покататься рядом с ними.

— Ты представляешь, в какую цену обойдется наш старт? Тут надо выходить в полном снаряжении, — пояснила она и склонилась над прејскурантом. — Прокат одной куртки — четыре тысячи шиллингов. Плюс жилетка, штаны, перчатки и лыжный комбинезон за десять тысяч! Лыжи, крепления — еще шесть тысяч. И страховка обойдется в ощутимую сумму. Сложи затраты и умножь на две персоны — получишь цифру, которая остудит твой слаломный порыв. Таковы цены на леднике Штубай.

— А я мечтал хоть один день прожить как настоящий миллионер, — кисло улыбнулся я.

— У тебя все впереди. Мой кошелек на подобные эксперименты не тянет. — Она посмотрела на меня с легкой усмешкой и добавила: — Я спущусь к администратору и попытаюсь выудить фамилию россиянина.

Мне ничего не оставалось, как наблюдать со стороны за снежным пиршеством богатых мира сего. Итальянец выглядел слабеньким слаломистом. Каждое его движение подстраховывал инструктор. Гость обходился без помощника и довольно прилично управлял лыжами.

Эльза вернулась в мрачном настроении.

— Никаких справок не дают, — выдохнула она.

В середине дня соседи с вещами направились к машине. Для нас это стало полной неожиданностью, ибо номер россиянина, как я успел заметить, был оплачен за двое суток.

Мы мгновенно собрались и заторопились к паркингу.

— Я еду первой, — инструктировала по дороге Эльза, — ты следуешь за ними. Главное, сфотографировать этих типов.

— Как раз удобный кадр, — стараясь сохранить спокойствие, посоветовал я. — Они что-то обсуждают, разложив на капоте машины карту.

— Отлично, — выпалила Эльза и, выхватив аппарат, побежала к своей машине.

Далее все закрутилось по законам детективного жанра. Эльза выехала первой. Итальянец медленно направлялся к главной трассе, а я следовал за ним на приличном расстоянии. Так проходила эта гонка по опасному серпантину: с одной стороны над трассой нависла скала, с другой — обрыв с глубоким ущельем. Особенно не нажимая на газ, я ехал по шоссе, поглядывая на размытый силуэт БМВ.

Минут через сорок неспешной езды, за поворотом, я различил что-то похожее на затор. Наверное, случилась авария. Машины искрились на солнце, а люди, снующие взад-вперед, смахивали на тараканов.

Я приблизился к колонне машин, притормозил, вышел из кабины и направился к месту катастрофы. И тут у меня ёкнуло сердце — впереди различил машину Эльзы. «Мерседес» — с обезображенным задом — стоял, уткнувшись в бордюр. До моего сознания доносились фразы очевидцев:

— Бусик, обгоняя, хотел прижать «Мерседес» к бровке...

— Но водитель «Мерседеса», похоже, не принял правило игры...

— Вы правы — виноват бусик. Вместо того чтобы посторониться, он с ходу врезался в «мерс»...

— Кто видел водителя бусика? — спрашивал полицейский.

— Видимо, скрылся, — предположила полная женщина в узкой юбке. И невозмутимо добавила: — А что ему остается делать?

— Так нахально протаранил! — возмущался панк лет семнадцати, поправляя прическу, напоминавшую хребет акулы.

— Уверю, — чавкал губами старец, — на наших глазах случилось преднамеренное убийство. Да-да, господин полицейский. Запишите меня в свидетели...

Место происшествия огородили красно-белой лентой. Полицейские пытались направить поток скопивших машин в объезд. Трасса ожила.

Я побежал к машине «скорой помощи»... Санитары уносили кого-то на носилках. Я расталкивал людей, лишь бы успеть взглянуть на пострадавшего... В глазах потемнело, санитары стали меняться местами, машины и водители превратились в темно-красные круги — на носилках лежала Эльза с залитым кровью лицом.

— Куда вы ее везете? — успел выкрикнуть я.

— В Инсбрук, — донесся до моих ушей голос водителя.

«Скорая» сорвалась с места. Я поспешил к своей машине, чтобы следовать за ней, но не успел.

Все происходило, как во сне. Автомобильный поток рассасывался медленно. Отрешенно, вцепившись в руль, я автоматически включал коробку передач, тормозил, опять включал и опять тормозил. Когда впереди мелькнул знакомый номер, я, словно проснулся, нажал на тормоз, схватил монтировку и дернулся к машине итальянца. В открытом боковом окне БМВ увидел, как оба мирно беседовали. Их лица были спокойными. Я замер, тряхнул головой, как бы отгоняя необдуманный порыв, и заковылял обратно к своей машине. В голове роились вопросы. Жива ли Эльза? Рассказать ли полиции о торговцах оружием — наверняка они устроили катастрофу? А если это роковой случай? Вдруг она сама виновата в происшедшем?..

Настойчивые гудки заставили меня машинально включить скорость. «Надо успокоиться и катить в Инсбрук, — решил я. — Там найду госпиталь, куда отвезли Эльзу, а уже потом что-то предприму».

Я мчался по извилистой трассе, а мысли то и дело устремлялись к девичьей фигуре, распростертой на носилках, с залитым кровью лицом.

Когда показалась окраина города, притормозил у первой телефонной кабинки и начал лихорадочно листать

справочник. Набирал номера разных больниц и называл фамилию Эльзы.

— Да, — наконец услышал в ответ. — Госпожу Вольф недавно доставили к нам.

— Как она? — кричу я, тщательно подбирая немецкие слова. — Жива ли!?

— Минуточку... Я вас переключу..

«Минуточка» длилась очень долго, я уже начал сомневаться, стоит ли держать трубку. Наконец раздался голос дежурного отделения, где находилась коллега.

— Можете не волноваться, ее жизнь вне опасности.

— А нельзя ли более конкретно? — хриплю я в трубку.

— С ней все в порядке. Сотрясение мозга и пара царапин на голове. Помогли воздушная подушка и страховочный ремень. Нет повода для беспокойства.

— Могу ли ее навестить?

— Пока нет.

Сообщение дежурного врача — как бальзам на душу. Облегченно вздохнув и тронув машину, стараюсь внимательно следить за дорогой. В Инсбруке загнал автомобиль на стоянку и расспросил охранника, как попасть в городскую больницу. Оказывается, она недалеко от паркинга.

Мучительные вопросы неотвязно преследовали меня и по дороге в клинику. Может, те, кто держал ее под наблюдением, решили по собственному усмотрению убрать излишне любопытную незнакомку? И как только она попала им на глаза, они тотчас пошли на таран, что совсем нетрудно на оживленной трассе. Эта версия мне представлялась крайне неприятной и, к счастью, маловероятной. Во всяком случае, инцидент на шоссе не в ее пользу. Окажись там опытные люди, исполненные решимости убрать ее — Эльзы уже не было бы в живых. Несколько выстрелов или удар гаечным ключом по темени, и дело с концом.

Мизансцена происшедшего подсказывала иную ситуацию — обычную автокатастрофу по вине водителя. Разумеется, я не мог знать, что именно произошло, поэтому строил лишь догадки.

Меня, конечно же, к ней не пустили. Я обошел больничный двор, обнесенный железным забором. На улице пусто, и я, перемахнув через ограду, оказался в больничном парке с множеством скамеек. С видом посети-

теля вошел в коридор и стал изучать список. Нашел фамилию коллеги и направился в седьмую палату. К счастью, уже начались приемные часы. Так что я легко смешался с посетителями.

Эльза выглядела ужасно — бинты скрыли почти все лицо, улавливались только нос и глаза, подмигивающие мне.

— Как ты? — шепчу я.

— Пока жива, — ответила она.

— Тебе повезло.

— Я вообще везучая. Слегка болит голова, есть пара незначительных порезов... Ничего страшного. Как моя машина?

— Ремонту подлежит, — успокоил я.

— И то хорошо. Она застрахована.

— Тебя хотели убрать? — в лоб спрашиваю я.

— Не думаю, — шепчет она. — Если честно, то я сама виновата в аварии.

— Я был уверен, что это дело рук итальянца.

— Всякое может быть, — вздохнула Эльза

Появилась медсестра и строго попросила меня не тревожить пациента. Я извинился и покинул палату.

Факт и комментарий

Хеннинг Витте, известный шведский юрист. Мы встретились у здания Арбитражного суда при Стокгольмской торговой палате и зашли в небольшое уютное кафе. Здесь и состоялась наша беседа.

— Вам не кажется странным, что паром держался на поверхности всего лишь сорок минут? — задал я вопрос, вспомнив мою беседу с корабельным конструктором.

— Я долгое время исследовал этот момент и пришел к выводу, что заключение парламентской комиссии ошибочно. Визирь тут ни при чем. Если бы вода заполнила автомобильную палубу, то судно быстро бы перевернулось, но при этом еще долго оставалось на поверхности. Об этом твердят многие специалисты, с кем мне пришлось консультироваться. Например, вспоротый айсбергом «Титаник» продержался на плаву более трех часов, а не минут, как «Эстония».

— Вы представляете интересы родных и близких жертв катастрофы и опрашивали многих спасенных пассажиров?

— Я-то опрашивал, — усмехнулся он, — а члены комиссии никакого интереса к ним не проявили. Меня как юриста этот момент просто шокирует. Почему вроде бы компетентная комиссия проявила такое невнимание к заявлению пострадавших!? Почему свидетельские показания не приобщили к делу? И, наконец, почему премьер-министр Швеции на первой же пресс-конференции торопливо заявил, что паром утонул по техническим причинам. Создается впечатление, что он обязан был это сказать под чью-то диктовку..

Продолжение следует

**Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов**

Стремясь к максимальному единению рассеянных по разным областям, регионам, республикам и даже государствам писателей, Исполком Международного сообщества писательских союзов открывает нынешней вкладкой в журнале «Молодая гвардия» свое постоянное «представительство», в задачу которого входит открытие новых литературных имен и продвижение к широкому читателю всего талантливого из того, что делается сегодня в отечественной литературе (а она у нас, несмотря на выход многих республик на путь самостоятельного развития, остается по-прежнему многонациональной и многоязыкой) и того, что оказалось в поле нашего зрения. Мы будем стараться предлагать читателям журнала наиболее яркие произведения современных литераторов, которые живут на просторах России, а также ближнего и даже дальнего зарубежья. Ни русская, ни национальная литература славянских народов не стали за последние два десятилетия беднее — появились новые авторы, новые художественные направления, и все это достойно того, чтобы быть прочитанным такими требовательными читателями, каких воспитал за долгие годы журнал «Молодая гвардия».

Исполком МСПС придает огромное значение тому, кто придет на смену сегодняшним мастерам слова, кто будет определять будущее нашей литературы, поэтому первым выпуском нашего «Писательского братства» мы хотим

заявить несколько новых имен молодых авторов из числа студентов единственного в мире Литературного института им. А.М. Горького, 75-летний юбилей которого состоялся в декабре 2008 года, а также Высших литературных курсов и творческого семинара А.П. Торопцева при Московской городской организации Союза писателей России. Кто-то найдет в них яркий юношеский максимализм и романтическую порывистость, кто-то увидит протест против жестокости нынешнего мироустройства, но главное, что у каждого из них уже сложилась своя система идейно-нравственных ценностей и своя твердая жизненная позиция. Чем они, собственно говоря, и интересны читателю.

Дмитрий ЩЕЛОКОВ

РАССКАЗЫ

ХОЗЯИН

Приближался циклон.

Озеро в чаше скал помрачнело. Громко ругаясь, сбилась в кучу недовольная утиная стая, мотаясь то вверх, то вниз на беспокойной воде. Затрепетали прибрежные кустарники. Ощетинились ели, со скрипом кланяясь северной земле.

Иссине-свинцовые тучи продолжали сползать, закрывая древние горы. От черных камней остался лишь слабый дымчатый силуэт в темнеющей стихии.

Между деревьев, у самого подножия скал, пробирались, с трудом удерживая капюшоны, два человека. Они что-то кричали друг другу, но ветер разрывал и душил их слова.

— Долго еще идти!?

— Чего?

— Сколько можно идти!? — кричал тот, что шел позади, прижимая к своей промокшей насквозь куртке удлиненный кейс.

— Дымом пахнет. Уже недалеко осталось.

— Чего говоришь? Не слышу?!

— Тю, елки двадцать, — засмеялся человек, — ну, тебя к матери, — добавил он, зная, что его не слышат. — Это тебе не город!

Там, на недосыгаемой высоте, что-то заскрежетало, словно огромные валуны сорвались в один миг и покатались вниз, то и дело толкая друг друга. Запахло жженой елью. Послышался свист. Потом — крик. Среди деревьев показалась небольшая изба.

Железная печь, раскалившись, подмигивала гостям сквозь неровные щели в искореженном металле. На столе, у небольшого окна, валялось несколько оплывших свечных огарков, очки, краюшка черного хлеба и какой-то мелкий мусор: ломаные спички, палочки, проволока. На топчане, отвернувшись лицом к стене и накрывшись оленьей шкурой, лежал человек.

— Тю, елки двадцать, дошли! — бросив на пол тяжелые баулы, в сердцах выругался проводник. — Эй, леший, подъем!

Человек поднялся, что-то пробубнил спросонок. Слова из-под густой черной и спутанной бороды, выходили какие-то непонятные, гудящие. Он широко зевнул, взял со стола очки и долго смотрел на пришедших. Глаза его то совсем становились маленькими прорезями, то открывались, а блики огня метались в стеклах очков, словно пытаясь выскочить.

— Э-эм, ух, — донеслось из-под бороды, в такт гудящему в горах ветру, — здорово мужики, здорово. — Казалось, что он еще до конца не может понять, сон ли это или действительно в дом вошли люди. Но когда дремотная пелена совсем сошла с его глаз, он разглядел гостей. — Курбыш, ты плащом-то своим не трясги, все тут промочишь.

— Вот, принимай клиента, — пропустил проводник вперед себя человека в наглухо завязанном капюшоне и прижимавшего к себе черный пластиковый кейс.

— Проходи, — смерив взглядом гостя, — пробубнил бородач и протянул руку. — Орфей.

— Леонид, — чуть замешкался гость и удивленно посмотрел на Курбыша.

— Ага, он у нас такой, елки двадцать, необычный!

— Долго вы, — не обращая на Курбыша внимание, сказал Орфей.

— Да ты, черт, посмотри, какая погода! На перевале

туман, ничего не видно. Долго?! Хорошо, что хоть дошли живые. Это ты тут как дома.

— Ладно, трепло, прикрой дверь посильнее, а то всю избу выстудишь!

— Тю, Орфей, — гаркнул Курбыш, хлопая дверью, — что ты все бубнишь, где чаек?! Замерзли мы как цуцики. Вот, Леня, и с ним тебе придется жить! Наверно, уж жалеешь, что на охоту приехал?

— Да нет, все вроде нормально, — придвигаясь ближе к печке, тихо ответил гость.

— А медведя тебе Орфей найдет! Этого добра у нас навалом, насчет этого не беспокойся, все будет в лучшем виде. Как говорится, вы платите — мы продаем, — и лицо его расплылось в улыбке, обнажая черноту беззубого рта.

На печке зашумел алюминиевый чайник, почерневший за многие годы, словно кочегар. Развешенные под потолком свитера и плащи уныло раскачивались, строя на стене кривые тени. Капли из промокшей ткани иногда падали на раскаленное железо и пошипев, исчезали, оставляя после себя пятна на ржавчине.

Угрюмый бородач, Орфей, снова лег на топчан, отвернулся ото всех и уснул, так и не сказав больше ни слова. А Курбыш и гость сидели возле печки, протягивая к жаркому металлу руки, и о чем-то молчали. А над их головами медленно, будто осматриваясь вокруг, вертелась пожелтевшая от времени птица счастья.

Наконец Курбыш не выдержал и, заерзав на топчане, откашлялся.

— Я завтра уйду пораньше, — сказал он и замолчал.

Гость сжал в ладонях алюминиевую кружку и отхлебнул шумно горячий чай.

— Ты осторожнее с ним, — чуть слышно проговорил Курбыш. — Ему-то все нипочем, он же круглый год в лесу живет, как зверь. А нормальные люди тут не выдерживают. Один тут, чудак, все возле него крутился, а потом его обглоданного через перевал пришлось переносить!

— Ничего страшного, я не ребенок. Да и у меня вот, — он постучал по черному пластику кейса. Ремингтон, между прочим, сильная игрушка!

— Ну-ну, не спорю! Но все же места тут для городского человека — гиблые.

И они снова замолчали.

Леонид щелкнул замками и показал Курбышу карабин, аккуратно уложенный на поролоновой подкладке. Потом провел по стволу пальцами, словно лаская холодный металл, и улыбнулся.

— Хороша штучка, — потянулся было к кейсу Курбыш.

Но Леонид захлопнул кейс так быстро, что Курбыш еле успел убрать руки.

— Извини, но не для чужих рук. Знаешь, можешь смеяться, но с ним мне как-то спокойно, чувствую в себе какую-то силу, что ли? Куда угодно пойду, где угодно жить буду!

Курбыш будто бы обиделся на мгновение, закурил недовольно, пустив в печку струю табачного дыма, но долго молчать не смог.

— Вот слушай, что мне дед рассказывал. Он как раз из самой первой партии горняков был. Мужик тогда тут один был, — подбросив полено в печь, неожиданно заговорил он, — тоже никого не слушал, думал, ружье есть, так и все, хозяин всей земли! Решил ловить рыбу на озере, на котором никто никогда не ловил. Там у лопарей место было, где они своих шаманов хоронили, ну или еще какая-то нечисть. Так он тоже, как ты, смелый вроде. Решил избу у озера поставить. Ну, а ему-то и лучше, что место плохое. Говорит, все это байки — пережитки и язычество сплошное, то есть не верил ни во что. Кичился, все ходил, мол, живых надо бояться, а не мертвых! Он ведь как посчитал что там народу не будет, значит, сети не скомуниздят, понимаешь?! Построил хороший домик, от души заложил, по бревнышку на лодке возил, по досочке, упрямый! Рыбы помногу приносил — и сиги, и кумжа, в общем, пошло у него дело. Народ наш тоже заволновался, мы тут на одном берегу бок о бок друг другу мешаем, а он в одиночку воду цедит! И только начали подумывать, как свои избы там же поставить, как пропал мужик тот. Долго не было, а как появился, сразу в комнате в общежитии у себя заперся и не показывается. Мужики потом, которые спрашивали его, говорили, что молчуном стал, а другие — вовсе онемел. Только посуди, если б он онемел, то как рассказал бы обо всем?

А дело, как дед покойник рассказывал, царство ему небесное, так обернулось. Мужик тот, Совел, порядки свои проверил, а сетей у него множество, жаден был. В общем, сети проверил, поел рыбки, покурил и вроде как спать лег. Но ночью проснулся и слышит, что кто-то в избу зашел. А про себя прикинул, крючок на двери, и давай дальше спать. И все же чувствует, что-то не так! Спички достал, свечку запалил и, говорит, чуть со страху не помер. В углу на камне старуха сидит, волосы седые, словно мятые все, а сама сухая такая, что рыба вяленая. И как ее огонь осветил, она на него посмотрела и говорит: «Что ж ты, Совел, на моем месте вежу состроил. Тут у меня и дочка гуляет. И как пошла она на него ругань старческую сыпать! Уж говорит, и ветру он дорогу своим домишком перекрыл. У Совела тогда-то язык, наверное, и окостенел. А утром проснулся, в угол сразу посмотрел, ни камня, ни старухи не было. Так и подумал, что чертовщина приснилась, да и дверь на крючок закрыта. А вот только хотел на улицу выйти, дверь толкнул, а она словно в стены вросла, не открывается, и как он ни пытался ее ногами и плечом — никак! Вот страх-то его сильный взял. Доски в крыше разломал, на свободу выбрался, а вежа-то его почти вся огромными валунами завалена. Так-то! — закончил Курбыш свой рассказ. — Вот и думай, угорел он там или все на самом деле было?!

Рассказчик поежился и огляделся, словно прислушиваясь к чему-то, потом встал и запалил керосинку. Огромная тень закрыла крыльями потолок, жучок забился в лампе, стучаясь о стекло подпаленным панцирем.

Гость, так и не шелохнувшись, смотрел на красные огоньки остывающих углей. А за стеклом было черно, будто огромный зверь прижался к домику густой шерстью и пытался заглянуть в окно своим красновато-желтым глазом.

Мужики долго сидели в тишине. Потрескивал фитиль, огонь доедал не сумевшего выбраться жука.

— Луна какая! Никогда не видел, чтоб луна красной отдавала, — первым нарушил молчание Леонид.

— К жару, — отмахнулся Курбыш.

— Ну, наверное. Орфей наверняка знает, — обернулся в сторону бородача гость. — А он что, саам?

— Ага, абориген, елки двадцать! Такой же саам, как и

я. В паспорте записано, сам показывал. Чудило! С острова своего ни зимой ни летом не съезжает. Так и живет. Ко мне бывает, заходит, но редко, я ему всякие газеты привожу. Я-то чаще в городе бываю, да и на работу мне надо. А ему что, живет с котом да с собакой, и не надо ему ничего!

Уже давно не горела лампа. Леонид забрался на верхний настил, а Курбыш остался внизу. Он все время ворочался, кашлял, потом сказал:

— Так-то брат, совсем беда! Совсем лопари жизни никакой не дают рабочему человеку со своей чертовщиной! А на перевале сколько сгинуло мужиков? Кто замерз, кого завалило! Тут ведь, если туман, то хоть глаз вырви, не видать ни тропинки, ничего. Бывает, заносит рыбнадзор, сети порвут, моторкой погудят и все. Что мне за дело до их путевок, я рыбу ловлю, денег-то не платят. А мне ж ради этой рыбы до двадцати километров в одну сторону. Он еще что-то ворчал вполголоса, а потом захрапел.

Сон не шел к Леониду. Он, прижимая к себе кейс с карабином, пялился в прокопченную черноту потолка и думал о предстоящей охоте. Он еще никогда не охотился на медведя, но признаваться в этом хозяевам не хотел, поскольку надеялся на благополучный исход и на силу мощного карабина, рядом с которым он чувствовал себя спокойно.

— Фольклор, — сказал он в черноту избы.

Курбыш перестал храпеть. Чуткий слух охотника уловил в тишине незнакомое слово.

— Что? — проямлил он спросонок.

— Да ничего, ничего, спи.

К вечеру Орфей привел Леонида к лабазу, все время, прислушиваясь к чему-то и оглядываясь.

— Ты тут не шуми особо. Сиди тихо. Не кури. Хотя, чего тебе говорить, сам все знаешь. — Он посмотрел на Леонида, который как-то несмело карабкался по скрипучей лестнице на лабаз. — Ну вот, — вздохнул он, — ни пуха, — и скрылся в лесу.

Потом снова вернулся.

— Эй! — крикнул он. — Я к себе, на остров! Медведь должен придти. Никуда он не денется. Ночью я тебя заберу.

Леонид сел на складной стульчик и стал присматриваться к лесу через небольшое окошко лабаза, больше

похожего на огромный скворечник. Он сидел и пытался уловить все лесные звуки, то и дело привставая. Деревянный настил скрипел при каждом его движении. Леонид напрягался в эти мгновения и обратно садился, ругая в душе старика Орфея за то, что он не обломал ветку березы, которая закрывала ему весь обзор. Но сломать сам ее не решался, боялся нарушить тишину и спугнуть медведя, который наверняка был где-то рядом.

Сквозь просветы в деревьях сочился яркой краснотой горизонт. Солнце стремительно спускалось за горы. Леонид так и не пошевелился. Ему очень хотелось закурить, но он только трогал в кармане пачку сигарет и терпел изо всех сил! От запаха тухлой рыбы, лежавшей на приваде, было как-то сладко в горле. Но это были необходимые неудобства. Именно это и должно было привлечь зверя.

Как только сумерки начали сгущаться, несметное количество комаров облепило охотника. Они живым ковром ползали по куртке, по москитной сетке, стараясь найти лаз к телу, и непрестанно гудели. Иногда Леонид хотел все бросить и бежать в теплую избу; казалось, что насекомые повсюду, что они у него в голове. Но, предвкушая приход медведя, он терпел, вжимал голову в плечи, пытаясь услышать сквозь комариный гуд хоть что-то.

Стало совсем темно. За черным силуэтом ели прятался красно-желтый глаз луны. Со стороны озера послышался плеск воды, а за ним крик какой-то птицы. Леонид вздрогнул. Только сейчас он понял, что лес затих. Слух его напрягся, а руки сильнее сжали лакированное дерево цевья. В какое-то мгновение ему показалось, что в лесу сломалась ветка. Он чуть привстал, ноздри его стали расширяться. Он уже не обращал внимания на комаров, они уже не существовали для него. Но больше звуков не было.

Он снова, подняв воротник куртки, уткнулся подбородком в грудь и затих.

— Эй, — послышалось снизу, — вылазь давай.

Леонид выглянул из лабаза и удивленно посмотрел на старика Орфея, залитого белым светом луны. Как тот подошел так близко, он совершенно не слышал.

— Не придет он сегодня.

Леонид тяжело вздохнул. Щелкнул затвором, и ему в руку упал холодный патрон.

— Завтра точно придет. Ничего страшного.

Орфей так же, как днем, петлял между деревьев. А Леонид, не отставая от него, прикуривал одну сигарету за другой.

— Много куришь, — обернулся к нему Орфей, когда они вышли на берег озера. Вода озера была совершенно спокойна и черна.

— Да у меня много еще, — отмахнулся Леонид, смотря на лунный след через всю бесконечную гладь.

Орфей зашумел в кустах и, скрипя прибрежным щебнем, столкнул в воду резиновую лодку.

— Давай, прыгай.

Леонид, стараясь не наступить в воду, широко шагнул в резиновое дно лодки и почувствовал, как в его ботинки просочилась обжигающая вода холодного озера.

— Осторожнее, — сказал Орфей, — там дыра.

Леонид сел на скамейку и посмотрел себе под ноги. Лодка по самые щиколотки набрала воды.

— Все никак починить не могу.

— Не утонем? — посмотрев сначала на черноту дыры, а потом на далекий остров, произнес Леонид.

— Лодка резиновая, — пробубнил себе под нос Орфей и, ударив веслами по воде, оттолкнулся от берега. — Дно тут ни при чем.

Казалось, что плыли они по этой черной бездне бесконечно. Остров никак не приближался. Орфей все время смотрел куда-то вдаль и сопел каждый раз, когда налегал на весла. А Леонид, не отрываясь, смотрел на зияющую дыру и крепче сжимал веревки, что были протянуты по бортам лодки.

Наконец черные очертания острова становились все яснее. Послышался звонкий собачий лай. Леонид обернулся. По берегу скакало белое пятно.

— Серый, — крикнул Орфей, и голос его ударился о прибрежный лес и эхом забился среди деревьев.

Собака заскулила и запрыгала еще сильнее.

Орфей спрыгнул в воду и затащил лодку на берег.

— Не бойся, не укусит, — обернувшись к Леониду, сказал он. — Серый у меня добряк.

Хлюпая водой в ботинках, Леонид сошел на берег небольшого островка.

— Вы тут живете?

— Тут.

— А вчера мы были в чьем доме?

— Ни в чем! Он общий. Кто захочет, тот и живет!

Орфей выбросил из лодки мокрые сети и поплелся в глубь острова.

— Пойдем, чего встал.

Дом чернел между двух сосен и почти не был виден из-за облепившего его кустарника. Орфей откинул подпорку. Ржавые петли скрипнули. Орфей шагнул через порог и чем-то загремел внутри. Вскоре окна и дверной проем засветились желтым светом, и в то же мгновение с крыши что-то упало. На приступки прыгнул совершенно черный кот. Он облизал бок и застыл в лучах керосиновой лампы.

— Пришел, бродяга, — крикнул Орфей и бросил коту рыбью голову. — Сейчас костер зажжем, согреемся, — говорил он.

— Хорошо бы, а то у меня зуб на зуб не попадает.

— Видно, непривычный вы человек.

— Да нет, просто с одеждой немного не рассчитал.

Орфей показался в дверях и протянул гостю ватник.

— В этом будет лучше. — И потрогал тоненькую куртку Леонида. — Хлам какой-то.

В одно мгновение, наломав сухого лапника, Орфей запалил костер и уселся чистить рыбу.

— Сейчас ухи сварим. Подкрепимся.

— Было бы неплохо.

Они сидели напротив друг друга. Разговор не шел. Кот, словно моторчик, тархтел возле ног старика и не отводил взгляда от рыбьих кишок, которые тот вытаскивал из огромного сига.

— На же вот, зараза, — размахнувшись и бросив рыбье нутро подальше, как-то резко воскликнул Орфей. Кот убежал.

— Вот с ними и живу, — наконец сказал он, посмотрев на Леонида, который разлегся почти у самого костра на густом еловом лапнике. Глаза его уже слипались, но он боролся со сном, то и дело моргая.

— Хорошо как! — широко зевая, сказал он. — А в городе сейчас суматоха. — Он прислушался к шумящему где-то неподалеку ручью. Может, остаться у вас подольше?

Орфей вздрогнул и поднял глаза.

— Все так говорят. Надоест!

— Разве это может надоест, — глубоко вдохнул гость

остывающий ночной воздух. На лице его от жара костра выступила краснота,

Орфей не ответил.

Костер уже почти не горел, только угли томили подвешенный котелок с ухой, которая, густо булькая, стекала, шипя по шершавым стенкам, в золу.

— Ну вот и готово, — шумно отхлебнув с ложки рыбий навар, выдохнул Орфей и посмотрел на гостя. Тот, раскинув руки, лежал, выпятив нижнюю губу.

Весь следующий день Леонид не находил себе места, он обошел кругом, как оказалось, небольшой остров, густо заросший высоким папоротником, пока Орфей расставлял сети. Потом несколько раз принимался чистить ружье. Но время тянулось очень медленно. Час охоты был еще очень далеким.

Когда же солнце начало угасать, он первый вышел к лодке, и стал нервно поглядывать на медлительного Орфея, который как-то вяло собирался.

— Ну, ты все помнишь? — отходя от лабаза, спросил Орфей. — Медведь вчера был, но к приваде не решился подойти. Сегодня не выдержит, попомни мое слово. Все будет!

Снова потянулись нескончаемые часы ожидания. Снова несметные полчища комарья поднялись в воздух.

Леонид прижал к груди ружье и, закрыв глаза, слушал лес. Когда стало совсем темно, он было уже собирался спуститься вниз, не дожидаясь Орфея. Но тут в стороне что-то забулькало. Леонид выглянул в маленькое оконце и возле кучи тухлой рыбы увидел черное пятно, отбрасывающее длинную в лунном свете тень. Пятно захрустело рыбьими головами.

По спине у охотника прошла мелкая дрожь. Леонид вскинул ружье и присмотрелся. Никак не мог в прицел найти зверя. Он потер глаза и затаил дыхание.

Шурша травой, на поляну вышел медведь. Обошел кругом приваду и лег спиной к охотнику, придвинув лапами размякшую падаль. Теперь, в лунном свете, он был лучшей мишенью.

Леонид непослушными пальцами нащупал холодный металл курка, и плавно нажал на него. Приклад сильно ударил в плечо, в глазах пошли светлые круги, а в воздухе запахло горелым порохом.

Медведь заревел, изогнулся как-то неестественно и стал кусать свой бок. Леонид тут же передернул затвор и

хотел еще раз выстрелить, но медведь, громко рыча, скрылся в лесу.

Леонид знал, что спускаться с лабаза, когда рядом раненый медведь нельзя, верная смерть. Достав сигарету, глубоко затянулся, закрыл глаза и растянулся на деревянном полу.

Оставалось только дожидаться Орфея. Но тот не шел. Леонид посмотрел на светящийся зеленый циферблат часов. Было два часа ночи!

— Где же он? — кутаясь теплее в ватник, сказал в темноту Леонид.

В этот миг в лесу раздался страшный рев. Казалось, он был повсюду. Голос зверя был каким-то неестественным. Послышались тупые удары, звуки ломающихся кустов и визг. Леонид проверил патрон и прилип к окну, пытаясь понять, откуда доносятся звуки. Но вскоре все стихло.

— Вот так дела! — поежился в волнении охотник.

Орфей в эту ночь так и не пришел. Леонид сидел в скворечнике лабаза и проклинал старика, но сам спуститься так и не решился. Он долго не мог уснуть. Забившись в угол и дрожа от ночной свежести, он чутко слышал все звуки ожившего вдруг вокруг него леса. Кто-то маленький все время скакал рядом, шуршал и щелкал в деревьях, пронзительно вскрикивал в лесной глуши.

— Вставай, — тяжело дыша, склонился над ним Орфей.

Солнце пробивалось сквозь доски лабаза и больно слепило глаза.

— Ты чего не пришел?

— Да проспал я, извини уж! Вот же, нечистая! Ждал, ждал и все!

— Эх, ты! У меня подранок ушел. Медведь здоровый.

— Да, я видел кровь. Вставай!

Внизу звонко залаял Серый, встав передними лапами на лестницу. Он не мог забраться за хозяином и поэтому сердился и торопил людей, чтоб они быстрее спускались вниз. Только ноги Орфея ступили на землю, Серый тут же подбежал к куче тухлой рыбы, потом отскочил в сторону и, уткнув нос в землю, скрылся среди деревьев, оглашая лес громким лаем.

— Серый найдет, он у меня хорошо работает.

Про свою ночную злость Леонид забыл, он, стараясь не отставать от старика, пробирался сквозь цепкие кус-

ты. На какое-то время останавливался, пытаясь справиться с одышкой, и снова прибавлял ходу.

— Стой! — скомандовал Орфей, выйдя на прогалину. Собака бегала кругами, обнюхивая каждый куст, и, остановившись возле песчаной кучи, рыча и ошестинившись, стала рыть землю.

— Вот так дела? — огляделся кругом Орфей.

Вся поляна была вытоптана. Некоторые маленькие деревья были вырваны с корнем.

— Что ж тут было? — распахивая ватник и пытаясь прийти в себя после пробежки, присвистнул Леонид.

— Вот бы лопату сейчас, — разгребая руками кучу песка, причитал Орфей. Леонид нехотя откидывал ногой сырые комья.

Из земли показался черный нос.

— Что такое? — пробурчал Орфей и яростнее стал копать землю. Показалась медвежья голова.

— Что-то я ничего не пойму. — Орфей поднялся. Лицо его побледнело.

— Да что, черт возьми, происходит?! — не выдержал Леонид. — Может, объяснишь?

— Сейчас выкопаем и узнаем точно.

В нетерпении Леонид стал помогать копать, постепенно скидывая сначала ватник, а потом и свитер. Выбившись из сил, сел на насыпь и стал смотреть в яму.

— Кто ж его так?

— Это твой медведь, — сказал Орфей, шаря по шкуре медведя, — вот и дырка от пули. А вот и еще одна в голове.

— Я стрелял один раз. Я только в бок попал.

— В том-то и штука! Это не пуля — пробито когтем. Какая силища!!! Пробило насквозь.

Леониду снова стало холодно, и он натянул свитер и ватник.

— Он же такой здоровый, кто же это его?!

— Пойдем, покажу, — Орфей потянул за рукав Леонида к тропе. — Видишь след?

— Какого же он размера?! — притронулся Леонид к огромному отпечатку с прорезями от длинных когтей.

— Здоровый!! Своего сожрал, — словно не слыша вопроса, говорил Орфей.

— Он же у него все кишки выел?!

Орфей покачал головой.

— Я должен его добыть.

Орфей, удивленно посмотрел на Леонида.

— Уговор был на одного медведя.

— Нет, Орфей, у меня две путевки, я должен добыть и этого.

— И слушать не хочу!

— Орфей, но от этого-то ничего не осталось. Лохмотья одни.

— Был выстрел. Вот медведь. Ничего не знаю!

— А сперва простаком притворялся, — скривил лицо Леонид.

Орфей махнул рукой и пошел к лодке.

— Извини, — догнал его Леонид, — я не то хотел сказать.

Он всю дорогу, пока они плыли на остров, пытался уговорить Орфея, обещал отдать ему свою новую резиновую лодку, которую с таким трудом, матерясь, тащил Курбыш через перевал и которую так и не распаковал.

— Она не протекает, и у нее есть удобный насос. Будешь плавать и горя не знать.

Не говоря ни слова, Орфей развернул лодку и поплыл обратно.

— Спасибо, — заулыбался Леонид. Ему, как и Серому, который стоял на носу лодки, не терпелось сбежать на берег.

Кое-как медведя удалось вытащить из ямы, и, обвязав его веревками, перенести на место привады.

— А он точно придет?

— Обычно возвращаются, — недовольно, в бороду сказал Орфей, — а этот — не знаю. Я тут десять лет уже живу, а такого не видел!

Но медведь не пришел за своей добычей. Он не появился и на следующий день. Целую неделю просидел Леонид на лабазе, но так никого и не дождался. Только крикливые росомахи начали драть и без того растерзанную тушу, ничуть не стесняясь человека. Но стрелять в них он не хотел, испытывая какую-то брезгливую неприязнь к злобным животным. Он кидал в сторону привады камни, припасенные заранее. Росомахи замолкали, но потом начинали свою грызню снова.

— Что же делать-то? — лежа возле костра, обратился Леонид к Орфею. — Видать мишка-то неладное заподозрил. Чем же его привлечь?

— Рыбой можно. Только у меня ее нет. Сети второй день пустые.

— Значит, будем ловить рыбу другим способом, — вскочил с места Леонид и принес из избы спиннинг.

Орфей недоверчиво посмотрел на Леонида.

— Этим обрубком? Хотя есть тут одно местечко. Завтра я тебя отведу.

Леонид весь вечер копался со спиннингом. Наматывал на катушку леску, перебирал блесны. А старик пытался починить треснувший приклад старого ружья. В итоге он снова обмотал его изолентой и отставил в сторону.

— Ты правда десять лет тут? — пошевелив палкой угли, спросил Леонид.

— Правда.

— А где ж ты до этого жил?

— А где я только не жил... — стряхнул он стружку с коленей, и потянулся. — В Ленинграде жил, в Москве немного, в Нижнем. Поездил по стране, а потом вот как-то сюда попал и остался. Не сразу конечно. Еще долго пытался работать в разных местах, я ведь и в плотницком деле разбираюсь, и каменщик неплохой, а потом вернулся.

— На что ж ты живешь-то? Нельзя же все время одной рыбой питаться?

— Почему же одной рыбой. Я вот ловлю и через перевал ношу, а там Курбыш в шахте работает. Он рыбу продает. Вот и заработок. Бывало, я у него в гараже зимовал, пока дом свой не поставил, сначала вроде тоскливо, а потом, как на вас посмотрю, и не жалею, что здесь поселился. Курбыш и охоту организовывать придумал, сам объявление в газету дал. На такие дела он мастак, шустрый, а работать не любит.

— Эх, может, и мне с тобой остаться!

— Оставайся, я тебя не гоню. Да вот только сам сбежишь. У каждого ведь свое место. А ты, я вижу, нездешний.

— А что тут, Курбыш рассказывал, погиб кто-то? — Леонид прижал к себе ружье и посмотрел, шурясь на Орфея.

— Курбыш? — откашлялся тот. — Много он знает, твой Курбыш. Жил тут один. В той избе и жил, куда вы сразу пришли. Вы же, городские, словно дети, приходите как на прогулку, какие-то сказки рассказываете, а чуть что, и конец вам. А мужичок хороший был. Привез какой-то приборчик, штучки. Все в бинокль по горам смотрел. Да тебе Курбыш эти сказки лучше расскажет, чем я.

— Ладно тебе, говори!

— Снежного человека искал, — как-то робко сказал Орфей, и казалось, что под густой бородой его лицо покраснело. — Чудак! У нас снежного человека Афоней называют. Мелют всякое. Я вот десять лет живу, ничего не видел. А чудик тот, понимаешь, два дня пробыл и говорит, что видел. Рассказывал, как Афоня по камням прыгал. Потом клочок шерсти какой-то приволок. Хороший был этот мужик, — вздохнул Орфей. — Пропал потом, а когда я нашел его, он как твой медведь без нутра и без лица, за него уж и мыши принялись. Обожрало его зверье здорово! А ты говоришь, останусь. В какие-то сказки верил, а с лесом совладать не смог. Вы ж там, в городе, думаете, что хлеб на деревьях растет! Совсем жизни не знаете!

Орфей не любил города, которые так и не приняли его, и городских не любил. Но всегда с интересом слушал рассказы приезжающих. Много он видел народу всякого в лесу. То мальцы гурьбой, увешанные рюкзаками, выйдут к избе. Всю ночь пропойт, набросают жестяных банок вокруг и уходят, одарив хозяина бутылкой водки за гостеприимство, то придут уже совсем взрослые, тоже ищущие чего-то в нетронутой глуши, расскажут какие-то небылицы, а потом бегут на станцию, когда иссякнут в их ярких рюкзаках припасы пищи. Пропадает у городских скитальцев желание покорять природу на голодный желудок, пугает их что-то. Рассказывают они вполголоса, сидя у костра, разные небылицы, слушает их Орфей и удивляется. Столько лет, и ничего не видел?! Мерещилось, конечно, и ему всякое, но редко и больше от угара, когда дыма много из печки натянет. Да и некогда пугаться-то, работать надо, к зиме готовиться. За день-то так намаешься, что до дома еле доходишь.

— Нет, Леша, не совладаешь ты, не приживешься, — нечаянно вслух сказал Орфей.

— Я совладаю, — неуверенно проговорил Леонид.

В эту ночь он лег спать, положив рядом карабин. Потом ночью, стараясь не шуметь, прошлепал к двери и запер ее на щеколду.

— Ты чего? — прохрипел спросонок Орфей.

— Ничего, до ветру бегал.

Утром Орфей с гостем поднялись на гору, у подножия которой раскинулась заболоченная заводь.

— Вот и Щучье озеро. Щуки здесь полно. Для еды, конечно, рыба поганая, а на приваду будет самый раз.

— А ты куда? — схватил за рукав собравшегося уходить Орфея, занервничал Леонид. — Я один, что ль, буду?

— У меня дела еще, сети надо проверять. Да тут спокойно, — улыбнулся он. — Я недалеко буду.

— Да я просто спросил. — И, не оборачиваясь, пошел вниз, прыгая с камня на камень.

Подход к небольшому озеру перекрывала трясина. Как только Леонид ступил на нее, она тут же задрожала и покатила волнами. Маленькими шажками он пробирался все ближе и ближе к воде. Желания закидывать спиннинг у него заметно поубавилось. Но и возвращаться побежденным не хотелось.

Наконец, приняв прибрежную осоку, он размотал катушку, и со всего размаха запустил блесну в рябившую воду. Блесну на солнце, приманка ушла в воду. Леонид быстро закрутил катушку обратно. В какое-то мгновение леска натянулась и тут же ослабла.

«Зацеп», — подумал он, и, прикусив губу, еще раз взмахнул удилищем.

Чуть в стороне в небольшом затоне показалась тень. Резко поддернув леску, Леонид потянул блесну к себе. Но та, переливаясь и искрясь на солнце, подошла к берегу ни с чем. И только он стал вытаскивать ее из воды, как почти у самого берега, сделав большой круг, показалась темно-зеленая спина метровой щуки. От неожиданности Леонид отпрыгнул в сторону, уронив удочку, и по колено провалился в трясину. Щука, сделав круг, снова ушла в глубину. Кое-как выбравшись, он снова и снова начал метать блесну, но щука больше не появлялась. Долго бы еще рассекал он удилищем воздух, но неожиданно леска со звоном напряглась. Леонид потянул ее на себя, но блесну что-то крепко держало в воде. А потом удилище резко выпрямилось, и леска вылетела из воды паутинкой, развеваясь по ветру.

— Вот тварь! — зашипел Леонид и что есть силы стал хлестать по воде удилищем.

Со стороны гор подул ветер, пригнув прибрежную осоку к самой земле. Кроны деревьев зашумели. Погода начинала портиться. Он, в сердцах, отбросив удилище в сторону, не обращая уже внимания на трясину, большими шагами, побрел к лесу. — Какая чушь, — говорил он, — оборачиваясь в сторону озера.

— Что с тобой? — привстал с топчана Орфей, увидев, как Леонид нервно сбрасывал с себя мокрую одежду.

— Ничего, — сквозь зубы процедил тот.

Переодевшись, он долго сидел на улице и часто курил. Потом зашел в дом и, шумно дыша, посмотрел на Орфея.

— Я пойду, сети твои проверю.

— Почто?

— Нипочто. Долго еще привады ждать?

— Ну, иди. Там поплавки видать. Не ошибешься.

Леонид, оттолкнувшись от берега, часто заработал веслами. Маленькая легкая лодка шла очень послушно.

— Посмотрим, — со злостью говорил он. — И сильнее загребал воду, так, что резиновые уключины начинали громко, словно крякая, скрипеть.

Подплыв к первому поплавку, он потянул за него, и затащил край сети в лодку. На глубине блеснула серебристая чешуя.

— Я же сказал, что будет рыба, — громко и неестественно засмеялся он, и, схватив небольшого сига за жабры, бросил его на дно лодки. Рыба забилась в ногах, оставляя повсюду чешую. Леонид придавил до хруста рыбью голову и, улыбнувшись, закурил. — Мы еще посмотрим! — снова сказал он и дальше потянул из воды сеть.

Рыбы действительно было много. Он так увлекся, вытаскивая ее, что не заметил, как небо над ним помрачнело, а волны все чаще стали перехлестывать через борта лодки. Когда порядки были проверены, Леонид разогнулся, подставив лицо ветру, и поплыл к острову, чувствуя, как с непривычки заболели плечи, заныла поясница. Он отпустил весла и осмотрелся. Дальний берег, словно растворился в серой дымке. Вода ошетичилась и, ударяясь в резиновую корму, вконец вымочила одежду. Казалось, волны становились все больше. Каждый взмах веслами толкал Леонида вперед, а налетающие порывы ветра тараном откатывали лодку все дальше от острова. Долгая борьба прибила его к противоположному берегу. Насквозь мокрый, он выпрыгнул на траву, затащил лодку и, кусая ноздь, смотрел на исчезающий в тумане остров. Хотел закурить, но сигареты вымокли и развалились. Он ходил по берегу из стороны в сторону, не зная, как поступить. То ли отсидеться, то ли продолжать плыть. На миг в шуме гудящего в деревьях ветра он

услышал звук ломающихся веток. Не оборачиваясь, Леонид бросился к лодке, быстро оттолкнулся от берега, стараясь рассмотреть, кто же ходит в лесу, но у воды так никто и не появился.

Он вновь что есть силы начал толкать лодку вперед. На ладонях выскочили пузыри, нажимать на весла становилось нестерпимо больно. Он выгреб из карманов всю мелочь и бросил в воду, так, как делал Орфей, мол, чтобы задобрить воду, но та не добрела, а все сильнее мотала лодку. Шторм не становился тише. Вода на дне все поднималась и поднималась. В каком-то истерическом припадке Леонид пригляделся к витиеватым буквам на резиновом борту. Черной краской было выведено «Нырок». Он отвернулся от надписи и старался на нее больше не смотреть и думать, кто мог придумать для лодки такое отвратительное название.

Вскоре показались очертания острова, длинным серпом уходящим вдаль. Леонид втянул полные легкие мокрого и тяжелого воздуха и закричал. В ответ с берега послышался лай, который прибавил ему сил, позволил на мгновение забыть о страхе. Он уже четко различал, как по берегу из стороны в сторону метался Серый и надрывно голосил. Потом неожиданно скрылся среди деревьев и оттуда уже выбежал с хозяином.

Затащив лодку на берег, Леонид уткнулся коленями в прибрежную гальку и тяжело дышал. Он почувствовал, как к горлу подступает тошнота. В ушах свистело.

Через час небо стало сизо-черное, ветер ревел и гнул к земле вековые деревья. Леонид сидел, укутавшись в одеяло, не отрываясь, смотрел в раскрытую дверку печи. Он не стал есть, отказался от чая. Просто сидел и глубоко вздыхал.

— Много хоть рыбы было?

Леонид кивнул головой.

— Что ж ты, не видел, что погода портится? — вздохнул Орфей.

Леонид не ответил. Он еще раз тяжело вздохнул и отвернулся к стенке.

Ночью Орфей проснулся от неистового крика. Спросонком, не найдя спичек, он обшарил весь стол. А когда запалил лампу, то увидел Леонида, забившегося в дальний угол, лицо его было мокрым от пота.

— Что случилось?

— Меня душил кто-то, вот так, — он положил руки себе на шею и испуганно посмотрел на Орфея.

— Э-эх, — пробубнил в бороду Орфей и открыл настежь дверь. — Угорел ты, видать, братец!

— Вот так, — прикладывая к шее руки, повторил Леонид, — я не обманываю!

— Сейчас проветрим, и все будет в порядке. Печку надо пробить. Дымит сильно. — Орфей толкнул дверь, и порыв ветра с силой ударил ее о стену дома. — Ого! Чуть с петель не сорвало.

— Не гаси пока лампу, — попросил Леонид, когда увидел, что Орфей собирается ложиться спать.

Орфей накрылся с головой оленьей шкурой и засопел.

Весь следующий день лил дождь. Леонид не пророчил ни слова, не шевелился. Орфей то и дело выбегал на улицу, приносил дрова и, охая, стряхивал с плаща воду.

— Ну и погодка, так ее перетак!

Объятые пламенем, затрещали в печи мокрые поленья. Орфей прикрыл заслонку и подошел к окну.

— Первое время в этом доме поживем, а потом новый поставим, — косился он на Леонида. — Если ты, конечно, не передумал. Тут хорошо. — И, не дождавшись ответа, сел на стул и стал строгать палку, соря мелкой стружкой. Он и сам не понял, как привязался к этому городскому чудаку. Он уже отвык, что можно с кем-то делить свою избу.

Лайка под топчаном заерзала и заскулила во сне.

— Тихо тебе, нечистый, — топнул ногой Орфей.

А Леонид спал каким-то беспокойным, чутким сном. Он весь взмок. Ему снилась изба, пустая и темная, в углах которой мерещилось то старуха, то что-то неразборчивое. А он все чиркал спичками, которые не зажигались. Наконец дверь отворилась, и в дверном проеме показалась оленья голова. Рога мешали оленю войти в избу, он долго смотрел с улицы в темноту избы, не отводя глаз от топчана, на котором лежал Леонид, словно пытаясь внимательнее присмотреться к нему.

— Заболел ты, что ль? — спросил олень. — Спишь все и спишь.

Леонид вздрогнул и открыл глаза. Трогая лоб рукой, над ним склонился Орфей. Леонид оттолкнул его и отодвинулся подальше, к стене, нащупывая рукой карабин.

— Что ты все с ружьем-то спишь? Никуда оно не денется!

— Не твое дело, — утерев мокрое лицо, посмотрел он на дверь. — Дашь завтра собаку?

— На кой ляд?

— Пойду медведя искать. Он должен быть рядом, я знаю.

— Ты и про рыбу знал!

— Дай, очень надо!

— Загубишь мне пса.

— Не загублю, дай!

— Бог с тобой, бери.

Как только на улице посветлело, Леонид, нацепив на Серого ошейник, пошел в лес. Пес все время оглядывался на хозяина, а тот отмахивался от него рукой — иди.

Целыми днями рыскал Леонид по лесу. Серый привык к этим прогулкам и уже сам с охотцей бежал впереди. Спугивая то куропаток, то лая на белок. Но медведя они так и не находили. Две недели прошли, а Леонид все не бросал своей затеи. Казалось, что с каждым днем он становился все настырнее. Приходил поздно в дом, жадно ел и до утра заваливался спать.

Когда уже приблизилась осень и деревья подернулись желтым, он, обросший редкой рыжей спутанной бородой, пробираясь через стланик, увидел на снежнике черную точку. Пригнувшись к земле, стал присматриваться. Далеко, вверх карабкался по снежнику огромный медведь, с трудом передвигая жирное тело. Он то останавливался, принохиваясь, то снова продолжал подниматься.

Леонид побежал, задыхаясь, что есть силы, не обращая внимания на хлеставшие по лицу ветки. Возле самого подножия он увидел следы. Это были те же, с большими когтями.

Медведь дошел до середины снежника, что-то раскопал и долго лежал на снегу. Потом, снова закопав яму, перевалился на спину и покатился вниз.

Леонид сильнее сжал в руках ружье и оттолкнул от себя Серого, который утробно рычал, ошетилив шерсть. —

— Бери, — прошипел Леонид. Серый комок быстро помчался вверх.

Медведь, увидев пса, перевернулся на лапы и бросился в другую сторону, стараясь быстрее добраться до леса.

— Бери, Серый! — вопил Леонид, и, спотыкаясь, бежал к медведю. Потом он остановился и приложил ружье к плечу. До медведя было метров триста. Щелкнув затвором, Леонид выстрелил. Медведь кувыркнулся и

покатился вниз, потом вновь встал на ноги и, оборачиваясь на приближающуюся собаку, побежал еще быстрее. Леониду казалось, что он уже видит, как перекатывается под шкурой зверя жир. Добыча была близка. Наконец медведь скрылся за холмом. Серый тоже исчез, сделав большой прыжок. Послышался рев и визг собаки. Леонид, тяжело дыша, выбежал на поляну и увидел Серого, который лежал на траве с выпущенными кишками и вздрагивал. В стороне у самого ручья заревел медведь. Передернув затвор, Леонид прыгнул на большой круглый валун. Камень зашатался и выскочил из-под ног охотника. Разодрав в кровь руки и ноги, Леонид свалился в обрыв. Карабин из рук он не выпустил. Не обращая внимания на боль, охотник выстрелил в приближающегося зверя. Медведь словно вырос в размерах. Он поднялся на задние лапы, и что-то в его груди забулькало, заклокотало. Леонид еще раз выстрелил, но со страху не попал. Только когда раздался выстрел сзади, медведь как-то неестественно вскинул голову и завалился в ручей, не проронив ни звука.

— Охотник, — крича на Леонида, переваливаясь, бежал к нему Орфей. — Это ж надо!!

— Серый там, — кивнув вверх, и утирая окровавленное лицо, сказал Леонид. — Извини.

— Извини, — повторил Орфей и кинул ему в ноги нож. — Снимай шкуру, охотник. — А сам пошел к собаке.

Леонид долго крутился возле медведя, словно боясь воткнуть нож в медвежью шкуру. Орфей не выдержал, отобрал нож, расправил густую шерсть, воткнул нож и выпустил наружу желтый с красным звериный жир.

— Тяни за шкуру, — недовольно бубнил он, поглядывая на Леонида, который старался не смотреть в сторону своего трофея. — Что ж ты нос воротишь, охотник? Я же говорил, угробишь пса, — шмыгая носом, ворчал Орфей.

— Возмещу! — глядя на оскал медвежьего черепа у порога дома, ответил Леонид. Он первый раз разделывал медведя. — Как он похож на человека. Руки, пальцы... — говорил куда-то в пустоту Леонид, а Орфей все всхлипывал и ворчал, тряся бородой.

Весь следующий день Орфей соскребал с медвежьего черепа жилы и просаливал тяжелую шкуру, а Леонид сидел в стороне и скучал. В какое-то мгновение ему по-

казалось, что все здесь страшно ему надоело: шаркающие ноги старика, бесконечные дожди, беспрестанно бурлящий ручей. Он лежал на лапнике и ничего не делал. Сигареты давно вышли, а окурки, которые он щедро разбрасывал вокруг избы и на тропах в лесу, им были подобраны, высушены на печке и искирены до самого фильтра.

— Может, хватит хлюпать? — однажды сорвался он на старика, пьющего чай. — Как в свиарнике, честное слово!

Орфей обиделся и вышел на улицу. Ответить грубостью он не мог, поскольку боялся упустить человека, к которому так привязался за это время.

— Смотри, какой у тебя теперь трофей? Такого медведя тут никто не добывал, насколько я помню.

— Добывал. Кто его добыл?! — заорал неожиданно Леонид, вытаращив глаза. — Я его добыл, а? Ходит он тут из угла в угол.

Затянуло все туманом к вечеру, да так сильно, что в метре от избы ничего видно не было. Бросил Орфей промокшие сети у порога, толкнул дверь и вошел в темную сырость нетопленной с утра избы.

— Что ж это? — поднимал он с пола разбросанные вещи.

Снова вышел на улицу. Не слышать ничего в мокром тяжелом воздухе, только бьется о камни ручей в зарослях папоротника.

Посмотрел Орфей на брошенные вещи гостя, на приставленную к стене резиновую лодку, схватил свою избитую о горные камни палку и пошаркал торопливо в сторону перевала, чутко прислушиваясь по пути к каждому звуку, но никто не звал его, не окликивал. Иногда он останавливался, присматривался к примятой траве, к взрытой у корней деревьев земле, но не человеческие это были следы — звериные.

— Леня! — закричал он как можно сильнее.

Эхо забилося среди деревьев и смолкло. На мгновение Орфею показалось, что ему кто-то ответил. Какой-то далекий, еле слышный голос, который больше не повторялся. Мало ли что в лесу может померещиться.

Сел Орфей на мокрый камень, отложил палку в сторону и осмотрелся. Что-то пропало в лесу без гостя, а что, он так понять и не мог. К чему-то тянуло, но к чему? Знать бы.

— Останусь, — с досадой сам себе пожаловался Орфей.

Снова Орфею послышалось эхо. Поднялся он, при-смотрелся. Но возникший будто бы голос опять пропал в шуме сыплющихся с вершины камней.

— Леня! — снова закричал он, выдохнув жар своего нутра в остывающий воздух, и торопливо зашагал выше, втыкая смоляную палку меж камней.

Впереди, под вывернутой елкой, у самых корней, Орфей увидел костровище, маленькое и несуразное, мокрые дрова плохо горели. Притронулся он к размытой дождем черноте золы — холодная она, давно забывшая об огне.

— Ох, же, дурак! — покачал головой Орфей, — зачем же в такой туман?..

Еще сильнее заторопился старик, выстукивая палкой сыпучую горную каменку, все меньше давая себе отдыху и совсем не обращая внимания на одышку.

— Что же ты, — то и дело повторял он. — Леня! — Кричал он вперед, но густая белая пелена глотала его слова. Вот уже и макушки елей пропали внизу, в чаше между гор. Вот он уже поднялся выше белой, словно тесто, густоты, где ветер чуть проредил ее.

Орфей остановился, тяжело дыша. В горле стоял вкус крови. Чуть в стороне, у самого обрыва, что-то привлекло его внимание. Мелкими шажками он стал подходить к краю.

Сначала ему показалось, что это кусок тряпки или иссушенной на ветру деревяшки. Но, подойдя совсем близко, увидел два темных пятна пустых глазниц и выбеленную кость медвежьего лба.

Покричал Орфей в густую пустоту расщелины, послушал. Поднял тяжелый медвежий череп и пошел дальше, а когда увидел связанную веревкой неподъемную медвежью шкуру, Орфей прокричал: «Ле-ня!» — и уже не ожидая ответа, поплелся обратно, волоча за собой оставленную тяжелую ношу.

СРОЧНО ЕДЕМ НА АЛТАЙ

Вертолет на мгновение завис над поляной, срывая и закручивая ослабевшую желтую листву, чуть подался вперед и скрылся за кронами деревьев.

Юрий Смоленцов сидел на рюкзаках и мешках со снаряжением и с тоской смотрел на сына, который прислу-

шивался к звукам улетающего вертолета, словно в надежде, что тот вернется. В его планы не входило тратить последние летние дни, а тем более последнюю неделю отпуска на охоту. Но отец был настойчив, а противиться ему было совершенно невозможно.

— Я, Максим, здешнюю тайгу как свои пять пальцев знаю! Мы тут с твоим дедом каждый кустик в свое время облазали.

Сын поднялся, выбрал самый тяжелый мешок и потащил в охотничью избушку.

— Неужели поохотиться нельзя было где-нибудь поближе?

— Ничего. Это же моя родина, я вырос тут.

— Вырос, — повторил сын. — Хоть бы заранее предупредил, а то же за день собрались, как угорелые.

Отец, переполошив всю семью, заявил, что он с сыном срочно едет на Алтай. Проснувшись еще затемно, он стал выворачивать все ящики, перебирать вещи.

— Ты посмотри, — приговаривал он, — вот же удача, эти ботинки я купил даже уж и не помню когда, а посмотри, сидят как! Только раз и надевал.

Он находил какие-то давно забытые вещи, вертел их в руках и укладывал в рюкзак.

— Давно я дома не был, — потирал он ладони.

— Так дома-то уж нет давно, — недоумевая, говорил ему сын.

— А для меня там везде дом, там все мое: тайга, горы, там отец и мать похоронены... давай собирайся уже, чего сидишь.

Бросив мешок на пол, сын осмотрел полутемную избушку с маленьким пыльным оконцем. Тут сильно пахло сыростью и старыми оленьими шкурами, которыми были застелены нары.

— Благодать, — вздохнул отец и начал выкладывать на стол кружки и пакеты с припасами.

Но и расположившись в доме, он не успокоился — перекусив наскоро колбасой, собрал ружье и ушел в лес.

— Ты посиди пока, а я пойду, осмотрюсь.

— Смотри, стемнеет уж скоро, куда поперся-то?

— Я быстро.

Отец появился, когда на улице было уже совсем темно.

— Спишь, что ль? Ты погляди, небо какое. Иди, иди, погляди! Звезд-то, — он тяжело дышал, губы его чуть потемнели.

Сын смотрел на отца, на его блестящие в свете керо-синовой лампы глаза и никак не мог понять, что с ним, да и как спросить-то не знал, чтоб отец не отшутился.

— Ну, куда ты все бегаешь-то? Посмотри, чуть живой. День-то и без того тяжелый.

— Ты поучи, я тебя еще пересилю.

— Тебе врач вообще запретил нагрузки.

— Да это разве нагрузки, это самое полезное дело.

— Давай, бать, ложись лучше, завтра вставать рано.

— Ничего, выспимся.

Когда сына сморил сон, Смоленцов тихонько поднялся, развел в кружке спирт, плеснул немного в угол.

— Пей, хозяин, — прошептал и залпом выпил остатки, усевшись на осиновый комель. Он просидел почти всю ночь у небольшой каменки, подбрасывая изредка дрова и поглядывая искоса на спящего сына. А под утро, когда еще на небе не до конца растаяли звезды, и месяц бледным призраком висел над сосной, он растолкал его.

— Все, Максим, пора.

Сын пил чай, крепко сжимая железную кружку, и жался от утреннего холода ближе к печке, а отец все крутился рядом, безмолвно поторапливая. Он, то заходил, то выходил из избы, то снова начинал перепроверять снаряжение.

— Как скипидаром намазанный, — пробурчал сын и, не допив чай, вышел на улицу.

— Пойдем к тем сопкам, — указал куда-то очень далеко в сторону краснеющего зарева отец.

Весь день они шли и все время молчали. Отец оглядывался по сторонам, прислушивался, словно вспоминая что-то, и радовался тихо своим воспоминаниям, родным местам, где он впервые с отцом, не выпуская из рук старой «ижевки», охотился, всеми силами стараясь запомнить все, чему учил его родитель.

— Бать, да пойдем быстрее, еле тащишься!

Даже во время коротких остановок сын не успокаивался, то и дело поторапливал отца.

— Раз приехали на охоту, давай охотиться, а не гулять.

— Чего разбубнился! Кажется, где-то в той стороне ревел, — улыбаясь, ответил ему отец. — Не бойся, возьмем марала, как пить дать возьмем.

Под вечер, пробравшись через густоту колючего стланика, вышли на пологий склон, сплошь покрытый мо-

лодым березняком. Сопки, казалось, стали еще дальше, чем были. Сын растянулся на траве и закурил.

— Вот так походили. И ведь ни одной живой души.

— Терпение! Зато посмотри, какой вид отсюда! Лучше некуда.

Он достал из рюкзака бинокль и уселся на кочку, вытянув ноги.

— Сегодня, так уж и быть, остановимся. Давай палатку ставить.

Долго горел костер на поляне, отец все что-то рассказывал, вспоминал прошлые охоты, а сын лежал на коврик, и голос отца становился для него все менее различимым, слова сливались во что-то единое и бубнящее.

— Мы когда с отцом ходили, — подложив под голову руки и уставившись в небо, говорил отец, — знаешь, как мне пострелять хотелось. А он мне только два патрона даст, да еще за каждый выстрел, за каждый промах спросит.

Сын не отвечал.

— Охотник еще тот был. Оно ведь и правильно, чего попросту палить, шум наводить да подранков делать.

Он снова помолчал.

— Я сегодня вроде осину видел старую, по которой в детстве выстрелил. Искал следы от дроби, да видать затянулись, а может, и осина не та. Знаешь, каких люлей мне отец тогда вставил за этот выстрел.

Сын закашлялся, поднялся с земли.

— Все, батя, кажись, дождь начал накрапывать, полезли в палатку.

— Маловата, — забираясь в спальный мешок, кряхтел отец.

Снова наступила тишина. Только редкие капли дождя падали на тент, словно пшено сыпалось с неба, да сын начинал посапывать.

— Ты вещи-то накрыл клеенкой? — прошептал отец.

— Да убрал, убрал, — недовольно отмахнулся сын и перевернулся на бок.

— Вот здоровяк ты у меня вырос, переворачиваешься так, что вся палатка ходуном ходит. Можно я закурю?

— Да кури ты уже! Только не сожги нас.

— Это правильно, и комары поуспокоятся в дыму.

Он делал маленькие затяжки и выпускал дым в свод палатки, который то и дело трясло порывами налетавшего ветра. Из-за непогоды и удобного спальника, че-

рез толщину которого он чувствовал тепло плеча сына, в палатке казалось еще уютнее.

— Я вот знаешь чего, — он еще раз затянулся и сипло выдохнул, — ты, маленький когда был, месяцев, что ль, семь тебе было, зубы у тебя тогда резались. Как же ты орал по ночам, как бешеный. Все жилы вытянул. Мы с матерью и не знали, что делать. Тебя только укачаешь, ты вроде успокоишься, а через минуту снова орать, аж с хрипом. Я тогда и психанул. Целую неделю ведь без сна. На руках я тебя держал, и как заору, мол, сейчас как шмякну тебя об пол, и сам же испугался, аж холодно стало. Мать-то перепугалась, подбежала, тебя выхватила, а ты еще пуще орать.

Сын перестал сопеть.

— Ну не шмякнул же, — спросонок сказал он. — Спи давай. Часа три осталось.

— Я ж до этого дня ту ночь помню, как подумаю, так страшно становится. А ты говоришь, спи.

Он затушил окурок в консервной банке и тяжело вздохнул.

— А теперь видно и внуков не понянчу. В наказание мне, что ль? Чего ты все не женишься никак?

Сын вновь перевернулся на спину и уставился в черный свод палатки и тоже закурил.

— Ты чего это?

Отец молчал.

— Ты, бать, как начнешь, честное слово, весь сон перебил.

— Я, Максим, помру скоро, — сказал он как-то спокойно, будто и не о себе.

Сын перестал курить.

— Сдурел, что ль?

— Сдурел?! Как с отцом-то говоришь?!

— Рановато собрался, — попытался пошутить сын.

— Я как собака, Максим. Вот неделю назад почувствовал... Спать страшно стало. Сердце у меня как-то бывает ночью так, трух-трух, как-то невпопад работать начинает, да и отец тут снился.

— Ты сам себя, бать, пугаешь... нагнетаешь. — Не докурив, он заплел в банке уголек и с головой накрылся спальником. — Все, я сплю.

Но сон уже не шел к нему. Он, не шевелясь, лежал и слышал, как прекратился дождь, как где-то под палат-

кой возиласьмышь. Он старался не думать о словах отца, старался отгородиться от них стеной других, приятных, воспоминаний, но ничего не получалось. Ночью ему снились дурные и бессвязные сны, отчего он проснулся весь взмокший и, трясясь от холода, вылез на мокрую траву, по которой еще стелился густой утренний туман.

Когда вершины елей залило краснотой, охотники покинули стоянку. Еще долго их длинные тени тащились за ними по искрившейся траве, словно не в силах проснуться.

— Чего-то легко больно идется, — удивлялся отец, — ты у меня из рюкзака, что ли, чего-то убрал?

— Да так, мелочи, просто разложил по уму.

— Ты мне смотри, я ж тебе не больной какой.

— Кто вчера помирать собрался?

Отцу вспомнилась вчерашняя ночь, и он замолчал. Как-то неловко ему стало.

— Ну и собрался, что в этом такого.

— Ты мне тут смотри, — остановился сын, — не дури. Где ты помирать-то будешь? В лесу, что ль!

— Ну, все уж, хватит. Сказал лишнего.

— Тихо, — зашипел сын и упал в кусты, — смотри, — указал он в сторону далекого красного кустарника, за которым темными пятнами паслись олени.

Отец тоже пригнулся.

— Я же тебе говорил! Но до них метров пятьсот, не меньше. Нужно ближе подойти.

— Да чего подходить, давай попробуем, — занервничал сын, — дай я выстрелю.

— Я тебе сейчас выстрелю, шустрый! А если не попадешь! Сколько нам потом их искать. А завтра уже вертолет, — сказал он неуверенно и посмотрел на недовольного сына. — Ладно, стреляй уже, — неожиданно согласился отец и достал бинокль.

Максим ловко вскинул карабин, шелкнул затвором и, уложив ствол на ветку молодой березки, стал высматривать оленя в оптику.

— Ты, главное не торопись, не спеши, — шептал отец. — Нет, далеко все же, — смотрел он в бинокль.

Хлопнул выстрел, березка колыхнулась, уронив несколько желтых листьев.

— Попал кажись! — воскликнул сын.

— Нет, в метре прошла, я видел.

Марал с четырьмя оленухами вздрогнул и бросился в низину, через мгновение совсем исчезнув из вида.

— Я же тебе говорил!

— Не надо под руку бубнить.

— Да что ты расстраиваешься, пойдем дальше, еще время есть. Нам все равно на ту сопку нужно иди, вертолет туда прилетит.

Переход до сопки оказался не таким легким, как казалось сначала.

Пришлось перейти еще через две размытые низины, которые сначала и видны-то не были. Но охотники темпов не сбавляли. Хотя было видно, что отец все сильнее устает, все чаще останавливается, оглядываясь назад.

— Давай ружье-то, — не надеясь на согласие, подошел к нему сын. — Все легче будет.

— Иди уж, тоже мне, мать Тереза. — Когда сын отвернулся, он незаметно достал из кармана баночку с лекарствами и, запив коньяком из маленькой железной фляжки, проглотил несколько разноцветных капсул.

Так они и шли до самого вечера. Сын совсем расстроился, все ему стало не по душе и не доставляло никакого удовольствия.

Но неожиданно в темнеющем лесу заревел марал.

— А ты плакал, — заулыбался отец.

За холмом, возле маленькой каменистой речушки паслось все то же стадо из пяти оленей. Старый марал, пережевывая жвачку, посматривал куда-то вдаль. Он словно что-то чувствовал, но никак не мог понять, что.

— Давай, батя, теперь твоя очередь.

Отец спрятался за кустом и, уткнувшись в оптику, все чего-то медлил.

— Ты чего. Давай же, стреляй.

Марал перестал пережевывать и застыл. Что-то в его оленьей душе зашевелилось. Он словно на мгновение окаменел. Отец провел точкой прицела по его голове, по шее, перешел на тело, потом снова вернулся к голове и нажал на спусковой крючок. Пуля, взвизгнув, зарылась в прибрежный каменистый песок, совсем рядом с оленем.

— Вот же невезуха, — хлопнул по коленям сын, наблюдая, как стадо вновь убегает, — второй раз!

— А вроде бы хорошо приложился, — улыбнувшись, сказал отец.

— Не везет так не везет.

Сын весь вечер сидел возле костра и ждал, когда где-то поблизости послышится олений клич, он даже ночью спал необыкновенно чутко. Может, поэтому он и слышал, как ворочается отец.

— Бать, ты как?

— Нормально.

Снова лежали.

— А хорошая охота была.

— Да чего уж тут, ничего ж не добыли.

— А он ведь чувствовал. Я, Максим, посмотрел на него и понял, чувствует, сволочь.

— Ты о чем?

Отец поерзал и расстегнул «молнию» на спальном мешке.

— Не хочу я в Москву возвращаться, — немного помолчав, сказал он.

— Начинается.

— Помру я сегодня. Ты меня похорони тогда на кладбище, где родители.

— Ты, бать, прекрати, честное, слово. Это уже даже не смешно.

— А ты и не смейся. Похоронишь вот меня, да хоть изредка будешь сюда возвращаться. Мест не забудешь.

Сын вылез из спального мешка и сел, уперевшись головой в марлевый свод палатки. Он начал лазать по карманам, но спички так найти и не смог. Ему стало не по себе от разговоров отца. Он вылез из палатки. Перерыл рюкзак и достал фонарь.

— Бать, ты чего молчишь-то? — осветил он его лицо.

— Да выключи, — закрылся от слепящего света отец. — Без глаз же оставишь.

Сын сел возле палатки и опустил голову.

— Испугал ты меня. Умру, умру, и замолчал, нельзя же так.

Ему очень захотелось обнять отца, но он знал, что тот не поймет этой сентиментальности. Только сейчас, впервые за всю жизнь ему стало не хватать его. Оттого, что может случиться то должное, что рано или поздно произойдет со всеми, в душе разрасталась какая-то темная тягучая пустота.

— Пугливый больно, — проворчал из палатки отец.

Так и просидел сын возле костра всю ночь, дыша влажным таежным воздухом и слушая, как прерывисто храпит отец. И храп, который он раньше ненавидел, когда жил с ним в одном доме, сейчас казался ему чем-то незаменимым и очень нужным.

Возвращаясь обратно, в вертолете он, уткнувшись в иллюминатор, смотрел на тайгу, огромную и непонятную, такую же, как и отец, и сильная необъяснимая тоска становилась все навязчивей.

Вертолет иногда вздрагивал. Сын всякий раз поглядывал на отца, а тот кивал ему в ответ и подмигивал.

Перелет был долгим, и казалось, что бесконечная гуша зелени, подернутая желтым и красным, не кончится никогда.

Пилот выглядывал из кабины и старался перекричать шум двигател:

— Это жалко, что вы ничего не добыли. Ребята там на мясо надеялись, — и смеялся, снова уставившись в синий горизонт.

Отец, так и не чихнув ни разу, выпрыгнул на поселковую вертолетную площадку, перетаскал с сыном вещи в небольшой гостиничный номер, хотя сын все сопротивлялся и рвался все сделать самостоятельно.

— Ну что ты со мной как с барышней все, честное слово, — ругался отец.

Вечером он устроил в столовой разносольную гулянку пилотам, сам повеселился, то и дело выкладывая из карманов деньги и заказывая у поварихи водку.

— Пускай народ погуляет, не жадничай, — говорил он. — На кровях не удалось выпить, так приезд домой хоть отметим.

А утром сын его не добудился. Отец лежал, чуть повернув лицо в сторону его кровати, подложив под голову руки, и казалось, что он просто спит, крепко сжав губы.

Евгения ТИДЕМАН

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

НА ИСХОДЕ ЛЕТА

Не пройти проселком,
В дар не пронести
Мятликов метелки,
Ягоды в горсти.

Только и осталось —
В росном поле стыть,
Глядя, как под старость
Зеленеет сныть.

Кротки дни и кратки,
И проходит, жаль,
Жизнь в одной оглядке:
Дом, дорога, даль...

Не пройти проселком,
В дар не пронести
Лето — как цыпленка
Желтого — в горсти.

ПАПЕ

Смотрю на реку —
нет печали,
покой в покинутости рек.
Стволы и травы одичали,
как выпал снег.

Пустует отмель.
Зябнет птица.
Протоки стягивает лед.
Зиме уже не отступиться,
ее черед.

Наверное,
ты видишь это,
оставив тяжкий труд и быт,
где мы, сухие люди лета,
молчим навзрыд.

* * *

Прости,
простору вопреки
просты
прозрачных крон повадки —
ронять кленовые крылатки
на прелый снег, на край реки.

Найдешь ли,
влага, внятный звук
на дрожь
древесных междометий? —
Вода не думает ответить,
лишь длит падение из рук...

* * *

Проходит жизнь, как день неповторимый,
и неостановимо, и бездонно,
над мартовским сияющим разливом —
открыта. Ослепительна. Огромна.

Проносит жизнь, как облако, над кручей
теней и озарений трепетанье
пронзительнее, праздничнее, жгучей,
мне вся она — смятенье и рыданье.

Мне вся она — рыданье и расплата,
что до сих пор душа не тем болела.
И тающим в разливе снегопадом
уходит жизнь направо и налево.

* * *

Гроза прольется...
В этот год
она еще не проливалась,
и ничего не начиналось,
но все еще произойдет.

Я перейду полей прибой
и дно лесного океана,
и сверху солнечно и пряно
сочиться будет летний зной.

И будет добрая земля
мне целовать босые ноги
на нескончаемой дороге,
где все овраги да поля...

Но что сумею я сказать,
когда надвинется немая

громада тучи кочевая,
и хлынет в травы благодать...

Когда в возвышенной страде
зашевелится глухо небо,
когда земля мольбою хлебной
запричитает о дожде...

Гроза прольется...
В этот год
она еще не проливалась,
и ничего не начиналось,
но все еще произойдет.

МОРДОВИЯ

Рано сумерки приходят.
Снег скрипучий. Жестяной
звон ведерной дужки. Бродит
зимний вечер надо мной.
Я стою на дне оврага,
где родник бормочет сны.
Словно чистая бумага,
скатерть снежная зимы.
Как нечаянная строчка
в первозданной белизне,
спит следов моих цепочка
на морозной простыне...
И белеет долгой ночью
лист нетронутый, немой.
И ведро мерцает молча
родниковую водой.

* * *

Раскрылся день
нежданным снегопадом,
и лес застыл
в дремотной тишине.
След беляка
за сломанной оградой
еще вчера
был ясно виден мне...

Раскрылся день.
От края и до края
укрыта жизнь
барханами зимы.
Лишь, сонному
безлюдью возражая,
клубятся в небе
сытые дымы.
Раскрылся день.
И ничего не надо.
Лишь только б
появлялись невпопад —
след беляка
за сломанной оградой,
застывший лес,
нежданный снегопад.

Анна КАНАТЬЕВА

ГОРОДСКИЕ СТИХИ

РАЗГОВОР С ПЛЮШЕВЫМ ЗАЙЦЕМ

Плюшевый заяц — розовые уши,
Висящий на лобовом стекле в машине,
Скажи, ты когда-нибудь пробовал суши
Или сашими?

Плюшевый заяц, я очень тебя понимаю,
Хоть и непросто — проникнуть в мышление зайца,
Сшитого в цехе на фабрике где-то в Китае
Быстрой привычною швейной машинкой китайца.

Новая жизнь у тебя, ты в смятенье, наверно,
Плюшевый заяц, а может быть, ностальгия?
«Новые люди» — ведь это по сути неверно,
Люди старые, это ты их встречаешь впервые.

Я заберу тебя в дом, будешь жить на рояле,
Хочешь, сыграю банальный романс про любовь?

Плюшевый заяц, не плачь, мы же в самом начале.
Вот тебе плюшевая морковь.

* * *

Становишься примерной и обязательной.
Встаешь по будильнику в шесть ноль-ноль.
Говоришь: вы такой внимательный —
Охраннику на проходной.

Становишься неприхотливой, словоохотливой.
С кофейной чашкой подходишь к чайнику.
Говоришь: вы такой заботливый —
Главному начальнику.

Становишься сентиментальной и впечатлительной.
Делаешь сэндвичи с авокадо.
Говоришь по мобильному со своим сожителем.
И останавливаешься, провожая взглядом,

Как, возвращаясь из подмосковной Истры
После рыбалки или охоты,
Едут по Красной площади министры
В утренний час поминальной субботы.

* * *

Туристы фотографируются у Мавзолея —
«Сейчас вылетит птичка: вуаля!»
У туристов загорелые лица, шеи.
Их ожидает экскурсия «Соборы Кремля».

А после они вернутся к себе в Корею.
А ты уедешь летом с семьей на дачу.
Помнишь, как это там: не жалею.
Не зову. Не плачу.

* * *

Температура тела тридцать восемь —
Пройдет. Тогда я буду думать так:
Ну, здравствуй-здравствуй, золотая осень.
Ты был не символ, ты дорожный знак.

И, чувствуя вселенскую тоску,
Весь день слоняться по кольцу бульваров.

Я не дойду, конечно, до Баку —
Зато до улицы Бакинских комиссаров.

Да здоровствует проклятая рефлексия,
Про то, что я не буду молодой.
Проедет мимо, скажем, Daewoo Nexia,
На скорости. Обрызгает водой.

Елена ДЕВЯТОВА

ДЖОАННА

Летний отпуск я обычно проводил у своей двоюродной тетушки на Алтае, и это лето не было исключением. Ее дом стоял в горах с видом на белки. Во дворе был аил, служащий летней кухней, тетушка позволяла мне здесь ночевать. Аил поставили ко дню ее свадьбы: в алтайских деревнях по тому, сколько аилов во дворе, легко узнать число семей. В доме когда-то жила семья ее мужа, но все умерли, отправились к Эрлику, как говорила тетушка, верящая в подземный мир. Тетушку звали Торко-Чачак, что значило Шелковая Кисточка, а мужа ее Айтурган — или Луна Стояла. Был он шаманом, и хотя вел хозяйство, ему приходилось принимать просителей, все больше с болезнями, и поэтому я бы назвал его скорее знахарем, в отличие от его отца, темного человека, у которого шаманское одеяние и бубен хранились в деревянных ящиках на чердаке. У дяди Айтургана облачения не было, его роль заключалась в проповедовании и наставлении, ему открывались все тайные прегрешения, и при истинном раскаянии он их отпускал. Отца же его почитали как настоящего шамана, он видел богов, разговаривал с ними, приносил от них вести.

Помню, когда я был маленьким, я любил ловить бабочек, и как-то случайно забежал за одной в аил. И тут я остановился как вкопанный, забыв все на свете. В полумраке аула, окутанный костровой дымкой, звенел в бубен дедушка. Его баранья шуба раскачивалась с каждым взмахом руки, ленточки вились перед глазами, бренчали на поясе металлические подвески. Голова его под

тяжестью шапки клонилась назад. Шапка была на рысьем меху, ее макушка венчалась роскошными перьями филина. Горностаевые шкурки от тяжелых шагов плясали как живые. Дедушка вдруг заревел страшным горловым голосом. Я громко закричал и выбежал во двор. Забился дома под кровать и сидел там, пока не пришел дедушка в обычной своей одежде и не вывел меня во двор. Он вложил в мою руку конко — маленький колокольчик для богослужений, и я заиграл. Привлеченный его переливами, на ограду нашего аила сел крупный орлан. Он уставился одним глазом на меня и смотрел так долго, пока конко не замер в моей руке. Тогда он с громким шорохом взмахнул крыльями и, тяжело опираясь на воздух, поднялся в небо.

Еще у дедушки был свисток из зуба кабана, но его он всегда держал при себе, через него дедушка разговаривал с душами умерших. А где-то в сундуках он прятал кандан, мне нельзя было даже краем глаза взглянуть на него, и до сих я ничего о нем не знаю, кроме того, что изготовлялся он из бедренной кости девственницы.

Торко-Чачак рассказывала про свекра, что учился он в тувинском монастыре, у ламы. И когда умер, по тувинским обычаям его тело обернули в войлок и отвезли на конях в горную тайгу, где уложили на крону лиственницы. Следуя описаниям Торко-Чачак, я все пытался отыскать эту лиственницу, но она убегала от меня как от нечистого.

Сын умер через пять лет после смерти отца, и Торко-Чачак уже давно жила уединенно. Каково же было мое удивление, когда, войдя в избу, я увидел за столом склоненную над книгами светловолосую девушку с деревянной диадемой в волосах. Она подняла голову:

— Добрый, добрый день! Проходите же, не стойте! — ее английское происхождение выдавало урчащее «р» и короткие раздумья над фразой.

— Добрый, а где же Торко-Чачак?

— Она уехала к сыну, в город. Да вы проходите. Я Джанна. А вы, наверное, племянник?

Она легко вышла из-за стола — и комната наполнилась музыкой. Синее атласное платье, мягко повторяющее очертания ее тела, было играющим. Я узнал на нем те маленькие колокольчики конко, которыми забавлял-

ся в детстве. Подвески из раковин каури добавляли к звону костяной звук.

Рядом на столе лежала высокая как корона шапка — такие шапки шьются не один год. Прилаженные друг к другу лисьи лапки хорохорились от тесноты, по низу их сковывала беличья опушка. Тулья была из черного богатого бархата, а с макушки ее свисала кисть желтых и зеленых шелковых крученых ниток, символизирующих связь с небом. Я посмотрел в раскрытую книгу и сразу узнал алтайские сказки. Уже протянул к ним руку, как за спиной услышал шаги. Легко ступая по полу чешками из бараньей кожи, она вернулась с тарелкой талкана — ячменя, поджаренного до коричнево-золотистого цвета, и чашкой зеленого чая.

Джоанна пригласила сесть и приступила к рассказу.

Она приехала на Алтай пять лет назад, и все это время бродила по нему в поисках благодати. Осенью она нашла Торко-Чачак и остановилась у нее. За жилье не платила, но помогала по хозяйству, а работать ездила в соседнюю деревню, в школу, где преподавала английский язык. Вечера она проводила на чердаке, разбирая пыльные дядюшкины побрякушки.

— Я закончила экономический факультет Оксфорда, где и выучила русский, потом успела два года просидеть в косметической фирме, и тут случайно мне в руки попался старый журнал, где я прочитала статью об алтайской принцессе. — Она заглянула в ящики стола, и из кипы бумаг выудила один глянцевого журнала. Протянула его мне. — Здесь вы узнаете о татуированной мумии. Эта женщина была европеоидной расы, и мне даже кажется, она чем-то походила на меня. Только не смейтесь так! Ее похоронили в богатом облачении и с домашней утварью. О ней много спорили и, представляете, до сих пор не знают, насколько эти древние люди близки нашим алтайцам. Торко-Чачак на ушко прошептала мне, что где-то высоко в горах живут алтайские племена: они укрылись там от завоевателей, и поэтому остались голубоглазыми и светловолосыми. Вы бы знали, как я хочу увидеть этот дикий народ!

Прочитав статью, Джоанна принялась усердно изучать алтайцев, их обычаи и историю. Однажды после ссоры с родителями (которые вот уже год как подбирали ей женихов, и вечерами, приходя с работы, она зас-

тавала дома гостя — очередного друга семьи) она купила билет в Россию.

— Родители меня отговаривали: «Что ты будешь есть в этой России? Ты же забудешь, что такое культура!» — «У моего народа маленькая душа, алтайская душа вмещает миллион таких», — отвечала я и шла упаковывать вещи в чемодан. Им пришлось смириться. К тому же я приезжаю к ним раз в полгода продлевать визу.

В доме Джоанна занимала небольшую комнатку. Пол здесь был устлан войлочными коврами, и когда мягкими, неслышными шагами я входил в комнату, то мог подолгу, оставаясь незамеченным, наблюдать, как она пришивала на рыжую беличью шкурку красные атласные полоски. Эту белку она повесила на стену:

— Мой оберег. В новолуние я буду кормить ее талканом вот из этой ложки. — Она вынула из шкафа деревянную ложку. Непонятно зачем в ней было вырезано девять углублений. Когда я спросил ее: «Для чего это?» Она ответила: «Так нужно».

Обычно я заходил днем, а раз, заглянув к ней вечером, я с удивлением обнаружил, что вместо настольной лампы у нее горит каменный светильник. «Искусственный свет портит зрение, — ответила она на мой удивленный взгляд, — а жир, который я заливаю в светильник, к тому же смягчает воздух...»

Ее речь за эти пять проведенных здесь лет очень изменилась, месяцы она называла по-алтайски, у нее это звучало естественно, и можно было подумать, что она тут и родилась. Январь был Белым месяцем; день тогда прибывал по крупнице, и поэтому иногда она говорила о нем как о времени закипания чая и уверяла, что слышала в лесу, как медведица переворачивается в своей берлоге на другой бок, проверяя, на месте ли детеныши. Октябрь — месяц Сокращения света, когда пожилой человек не успевает повязать свой пояс, а день уже на исходе. Ноябрь — месяц Гудящих ветров. Май — месяц Кукушки: закуковала кукушка, небо растаяло, проснулось, и в первой майской грозе слышен по всей земле его голос. Апрель — лесной Лилии, — и так весь год...

Она рассказывала, как в марте выходила кататься с гор на шкурах животных. И вслед за алтайцами уверяла, что так она ускоряет таяние снега и приближает весну. В марте просыпаются семь слепых, живущих в земле, и я

должен был непременно угадать, что это за слепые. После третьей неудачной попытки она говорила, что я не умею разгадывать загадки, и значит я — никудышный жених.

Она так сжилась с бытом и поверьями алтайцев, что даже боялась ходить за водой до восхода и после заката. Мыла волосы сывороткой, а подстригала их только по весне, когда дни становились длиннее, и обязательно по нарастающему месяцу, а в косы заплетала шелковые нитки с пуговицами и медными бляшками.

У нее совсем не было друзей, кроме одного, но очень примечательного собеседника — единственного, про кого Джоанна говорила, что он умеет дышать Алтаем, — фотографа, маленького сухонького старичка, которому вся деревня на семидесятилетие собрала денег и купила цифровой фотоаппарат, и с ним он не расставался даже ночью, мечтая однажды запечатлеть Эрлика или, в крайнем случае, духа. По деревне даже ходила легенда, что он фотографирует сны, а цветные карточки с ними хранит в старом валенке на чердаке. Его легко было увидеть на крыше дома, или лежащим плашмя в канаве, или висящим на электрическом столбе, непонятно как туда забравшимся. Для него ничего не стоило на полном ходу велосипеда прыгнуть с него, кубарем покатиться по земле, схватывая самый удачный ракурс петушиного боя.

Этот чудаक исполнял все ее просьбы и желания. Она отправляла его в горы за можжевельником, потому как женщинам не разрешалось ломать это священное растение, которым на праздники обкуривался дом, а также одежда, стойло, хлев и животные. Однажды он принес ей с гор череп коня, он нашел его на дорожной развилке в кроне лиственницы. Алтайцы никогда не ели лошадиных голов, они закапывали их или относили далеко в лес и вешали на дерево. Она положила череп на стол.

В самой середине лета Джоанна позвала меня на арджан, семейный источник Торко-Чачак. Из теста, замешанного на воде и муке, она испекла алтайские лепешки, прихватила две плитки зеленого чая и крынку молока, сложила все в торбочку и прикрепила к седлу. «Ночью на моем коне по дорогам мироздания ездил дух, утром на нем была пена, как после долгой скачки! — радовалась она, глядя на жеребца Боочи, имя которого в переводе значило «гора». — Вот, посмотри, эти белые лен-

точки не должны быть шире пальца человеческой руки, иначе хозяин Алтая будет недоволен и сочтет тебя более богатым, чем он сам. Я подвяжу ими ветки, склонившиеся над арджаном».

Из всей поклажи мне достался казан и плоский камень размером с суповую тарелку.

Мы ехали вдоль толстых пяток черных гор, цветы под копытами разворачивались в своем полуденном томлении, и воздух был таким до предела широким, как растянутые мехи аккордеона, что тело казалось одним большим легким.

На первом перевале мы остановились у каменной горки. Они возводились веками в благодарность хозяину Алтая за безопасный перевал. Само же место называлось обоо, и в слове этом жили все горные ветры. Джоанна спешила, попросила у меня камень и возложила его на холм, образовавшийся под башенкой. Она встала лицом на восток и медленно, глубоко, откуда-то со дна самой себя, запела горам:

Пусть сторона обоо ваша будет,
Пусть сторона радость моя будет,
Имеющим лопатки не позволяй меня свалить,
Имеющим щеки не позволяй меня оскорбить!
С численностью жилища головы создавшая,
С численностью жилища камни создавшая,
Полный загон скота создавшая,
Грохочущие камни создавшая.
С косичками мужчин создавшая.
С хвостами коней создавшая,
С крутыми склонами, с двумя вершинами,
С лесистыми склонами, с шестью вершинами,
Пуповины наши обрезавшая,
Ресницы наши создавшая,
Эхом перекликавшиеся три вершины,
Огнями вспыхивающие десять вершин!

Клекот источника мы услышали еще будучи в километре от него. Когда мы прибыли на место, я увидел белые берега — это развевались ленточки. Валуны, из которых пробивался источник, тоже были белыми и шевелились с легким шорохом и шептанием — это бабочки прилетели на водное пиршество.

Мы спешились. Она попросила меня разжечь костер, сама же склонилась над водой, трижды зачерпнула ее ладонью и трижды отпила. Когда чай был готов, она угостила им из чашки огонь, поклонилась ему три раза, затем окропила источник, и только после этого с молитвами привязала к веткам белые ленты.

После нашей трапезы она открыла крынку молока и проделала с ним то же, что с чаем.

Мы почти не разговаривали, кони паслись рядом, она все шептала молитвы, и так было до вечера.

Перед отъездом она положила в источник пуговицы и монетки и поклонилась ему в землю. Напоследок обмакнула в воде плитку чая — теперь он целебный, и им можно лечить.

Возвращались поздно, и было непонятно, что вокруг: туман или дыхание коней. Джоанна показала на небо: «Посмотрите, созвездия Плеяд не видно. Из-за сильной жары оно опустилось на дно родника... Видите, даже звездам летом жарко». Она предвещала, что следующий год будет холодным, потому что он — год обезьяны, и учила меня: «Надо быть хитрым и ловким, как обезьяна. Однажды поспорили конь с коровой: кому из них следует ее убить, чтобы не было холодно. Каждый хотел это сделать своим копытом. Первой выпало — корове. Но копыто ее раздвоено — обезьяна успела проскочить между раздвоенностью и ушла на небо».

«Я умею заставить луну играть на своих волосах, а что ты умеешь?» — спрашивала она меня. «Я счастлива, потому что я умею глотать лунный свет, а где твое счастье?» Оставайся, звала она, в твоём городе нет истины, а я не знал, что сказать, смотрел на нее и понимал, что никогда не увижу мир ее глазами, и если окажусь рядом с этим священным родником, то буду бессловесной белой ленточкой, крохотной частью той любви, в которой признаются богу.

Когда я приехал на следующее лето, меня встретила мрачная Торко-Чачак. На ней была черная одежда. «Что случилось?» — спросил я.

— Джоанну забрали духи гор. Она ушла за можжевельником и не вернулась.

— Почему это не сделал фотограф?

— Он больше не ходил за ним, он сказал, что тебе нельзя было ездить на семейный источник.

— Почему же?

— Там бывают только те, кто верит в наших богов.

— Но это же условности!

— Это не условность. Ты ей понравился, и она взяла тебя. Хотя не стоило. Мне кажется, что ты так и не понял Алтая.

Сколько я ни пытался узнать о ней, Торко-Чачак ничего не добавила к сказанному. Она оставила на месте ее вещи, сказав, что будет ждать, пока не получит знака о ее смерти. Я все лето чувствовал на себе вину в том, в чем не считал себя виноватым. Пытался найти фотографа, но он странным образом тоже куда-то пропал. Но скоро само собой сложилось так, что на Алтай я больше не вернулся. Не знаю, жива ли Джоанна, но мне кажется, что подняться в тайгу — было ее мечтой.

ЗАГАДКА СКИФОВ

Мильоны — вас. Нас — тьмы и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, — азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

*А. Блок**

Вопрос о том, кто такие скифы, до чрезвычайности запутан, хотя наука скифология держится, по сути, на одном человеке — «отце истории» Геродоте. Держится на нем по той причине, что в его «Истории» содержится самое древнее из дошедших до нас развернутое сказание о скифах. Как будто не было на свете других историков, а значит, и других историй скифов до и после Геродота.

К тому же, Геродот — личность сама по себе довольно загадочная. Нам не известно доподлинно, кто он такой и насколько соответствует истине его скупая официальная биография. Нам непонятно, почему именно ему одному дано, так сказать, эксклюзивное право представлять дохристианскую историю скифов?

Есть и другие упрямые вопросы, к примеру: насколько правдива «История» Ге-

* В стихотворении отразилось неверное представление Блока о внешнем облике скифов, основанное на ошибочной теории их монгольского происхождения. Лицо самого поэта, относившего себя к скифам, отнюдь не монголоидное, а вполне европейское.

родота? Насколько правомерно считать его «отцом истории» и выстраивать под него мировую историческую науку? Насколько справедливо называть его «древнегреческим» историком, если никаких греков в дохристианскую эру не было, а были эльины (эллины), обозванные Христианской церковью «греками» тысячу лет спустя после Геродота? Если Геродот являлся певцом не греков, а их врагов персов, персидским историком? Почему современные историки читают и трактуют его по-разному, как кому заблагорассудится?

Первое, что сразу же бросается в глаза при знакомстве с геродотовской историей скифов, — это полное отсутствие документальной базы, ссылок на какие-либо достоверные источники информации. По собственному признанию Геродота, история скифов написана им так, как «передавали мне некоторые персы», «понаслышке». Это означает, что она у него является, фактически, анонимной и ненаучной, а посему относиться к ней следует весьма и весьма осторожно и критически, как это делал, к примеру, Плутарх, обозвавший Геродота «злонравным».

Если верить Геродоту, прародиной скифов является Северное Причерноморье, то есть там, где они попали впервые, скажем так, на карандаш европейских историков. Случилось это в 720 году до н.э. Под этой датой греческие (пусть будет так) летописцы зафиксировали их военное столкновение с проживавшими там некими киммерийцами, победой над которыми скифы отметили свой первый выход на европейскую политическую арену. С этой даты и начинают историки вести отсчет их бытия, не затрудняя почему-то себя решением проблемы их предшествующей истории.

Если верить Геродоту, скифы произошли, в одном случае, от Зевса и дочери реки Борисфен (так он называет реку Днепр). В другом случае, от Геракла и женщины-змеи. Легенды эти научной ценности не представляют, а вот его сообщение о том, что кочевые племена скифов обитали сначала в Азии, затем перешли через Аракс и прибыли в Северное Причерноморье, заслуживает самого пристального внимания. Оно, кстати, сразу же и опровергает севернопричерноморское происхождение скифов и указывает на Ближний Восток, являвшийся прародиной Человечества.

На него же указывают и другие многочисленные факты. К примеру, в Большой Советской Энциклопедии сказано, что скифы, представлявшие собою объединение, союз нескольких крупных родственных племен, принадлежали к иранской языковой группе, а на скифском — именно скифском языке говорили от берегов Дуная до берегов Сырдарьи. При этом, помимо языка, их объединяла общая переднеазиатская культура.

Из дошедших до нас самых древних работ наших отечественных скифологов — «История Скифская» мелкопоместного дворянина Андрея Ивановича Лызлова (1655—1697). Так он назвал историю нашего Отечества. Понимаете, — не «История Руси», не «История Славянская», а именно «История Скифская», что прямо указывает на преемственность исторического развития нашей Родины от скифов и Скифии.

Не менее любопытен другой факт: одним из основных источников информации, которым пользовался Лызлов, была книга итальянца на польской военной службе, коменданта крепости Витебск Александра Гваньини (1538—1614) под названием «Описание Сарматии Европейской». Любопытство же заключается в том, что под Скифией и Сарматией у обоих авторов подразумевается одна и та же страна, именуемая сегодня Восточной Европой. То есть термины «Скифия» и «Сарматия» у них являются словами-синонимами.

Лызлов прямо так и пишет: «Славяне, прародители наши... их же древняя историки для общих границ одинако и обще скифами и сарматами называли». Так, синонимический ряд наш расширился: русские—славяне—скифы—сарматы.

В начале XIX века Н.М. Карамзин, ссылаясь на Геродота, о существовании которого мы узнаем от него впервые, приписал почему-то ему то, чего у того нет. Он поместил прародину скифов в «восточные окрестности моря Каспийского», назвал их «сколотами», заставил их переходить не Аракс, а Волгу, и мигрировать не с юга на север, а с севера на юг.

«Киммеряне... за 100 лет до времени Кировых были изгнаны из своего отечества скифами, или сколотами, которые жили прежде в восточных окрестностях моря Каспийского, но, вытесненные оттуда массагетами, перешли за Волгу, разорили после великую часть Южной

Азии и, наконец, утвердились между Истрой и Танаисом (Дунаем и Доном), где сильный царь персидский, Дарий, напрасно хотел отмстить им за опустошение Мидии».

Таким образом, наш синонимический ряд пополнился еще некими сколотами. Между прочим, персидский царь Дарий I вторгся в 514 году до н.э. в Северное Причерноморье, преследуя отступивших туда из Передней Азии через пролив Босфор скифов, мстя им не за опустошение Мидии — Мидия тут совсем ни при чем, а за то, что оказавшиеся волею судьбы под властью персов скифы подняли против них восстание.

В середине XIX века английский ученый Роберт-Гордон Латам выдвинул версию о тюркском происхождении скифов. В результате, проблема была поставлена, что называется, вверх ногами, потому что этническая общность под названием «тюрки» вышла на историческую арену тысячелетием позднее этнической общности под названием «скифы» и была рождена как раз в недрах последней. Тем не менее данная версия нашла себе поддержку и в России.

Узнав от Геродота, что, в отличие от греков, персы прозвали скифов «саками», президент Московской этнографической школы Московского археологического общества востоковед В.Ф. Миллер решил, что «скифы» и «саки» — это одно и то же слово, и попытался подвести под эту гипотезу научную лингвистическую базу. Кроме того, он посчитал, что скифы — это не прозвище, данное греками, а самоназвание народа, а потому писал в 1886 году в своем «Экскурсе»:

«Конечно, нельзя допустить, что имя Скифы, которое греки давали и европейским, и азиатским скифам, было изобретено греками. Оно должно было быть действительно народным, туземным названием и притом широко распространенным».

Мнение Миллера поддержал безоговорочно в начале XX века академик Н.Я. Марр. По его примеру, он попытался в своей работе «Термин «скиф» идентифицировать слово «скифы» со словом «сколоты». По мнению Марра, скифы — исконный кавказский народ, а термин «скифы» яфетического происхождения, и существовал он в «яфетических странах» испокон веков:

«Он давно неразрывно врос в пережиточный слой географической номенклатуры Кавказского края, — писал

академик в упомянутой работе. — Более того, у кавказских яфетидов и полуяфетидов основа термина отложилась в речи в качестве названия золота, со скифами в их представлении связывалось добывание золота, золотых дел мастерство в широком смысле слова, вообще золото, и так как полная основа этого племенного названия *skol* есть лишь разновидность основы *kol* племенного названия *kol-q*, то путем лингвистической палеонтологии мы добираемся до глубоко лежащих слоев народного мифотворчества, давших основание возрасти сказанию о походе за колхидским золотом».

И всё бы хорошо, да Марр невнимательно прочел Геродота, у которого на этот счет сказано следующее:

«Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата — племени катиаров и траспиев, а от младшего из братьев — царя — племени паралатов. Все племена вместе называются сколотами, т.е. царскими. Эллины же зовут их скифами».

Как видим, у Геродота слово «сколоты» не является этническим термином, не служит названием племени, а обозначает качество: «царские», в смысле высокородные. И при чем тут золото?

Не лучше обстояли у нас дела в скифологии и в Советское время. Вот что писал в начале XX века будущий первый советский академик истории М.Н. Покровский в своем «Очерке истории русской культуры»:

«О скифах мы знаем доподлинно, что они по языку принадлежали к иранской группе, — значит, никакого отношения к русской культуре не имеют».

В середине XX века свое веское слово сказала Академия наук СССР в изданной ею первой отечественной «Всемирной истории» (гл. редактор Е.М. Жуков, отв. редактор первого тома Ю.П. Францев). В ней автор раздела «Киммерийцы и скифы» И.М. Дьяконов, не предупреждая о том читателя, встал на позицию Н.М. Карамзина, выдавая ее за свою собственную. Абсолютно ничем не мотивируя свою точку зрения, он поместил прародину скифов в абстрактную географическую точку, обозначив ее как «к востоку от нижнего течения Волги». Откуда там взялся у скифов собственный этнический котел — и богу не известно. Не то скифы выросли прямо из земли, не то с неба свалились, не то аист принес...

Короче говоря, история «дьяконовских» скифов не имеет главного — начала. Другая их особенность состоит в том, что, в отличие от геродотовских скифов, они представляют собою не союз крупных родственных племен, что с полной очевидностью вытекает из всей истории скифов, а отдельное, самостоятельное племя.

Как и Карамзин, Дьяконов переправляет своих скифов с восточного на западный берег Волги и проводит их на Северный Кавказ. С Северного Кавказа они устремляются у него через Дербентский проход на территорию нынешнего Азербайджана.

«Здесь, — продолжает Дьяконов, — они обосновались и, включив, вероятно, в свой состав значительные группы местного скотоводческого населения, совершали походы в различные части Передней Азии. Восточные памятники называют... их область «царством». Вероятно, оно было расположено в низменной части междуречья Куры и Аракса, хотя некоторые исследователи склонны считать, что это царство находилось на территории Маны, в районе Урмийского озера».

Как видим, «дьяконовские» скифы движутся не с юга на север, как это было на самом деле, а с севера на юг. При этом историк совершенно несправедливо замалчивает общеизвестный факт пребывания скифов в Северном Причерноморье в 720 году до н.э., ибо он не вписывается в его концепцию. К тому же, непонятно, как это небольшое царство, расположенное на юго-западном побережье Каспийского моря, могло совершать походы «в различные части Передней Азии», не победив предварительно Ассирию или Урарту, или Ассирию и Урарту вместе взятые? Не дает Дьяконов ответа и на вопрос, каким образом одно племя могло освоить и владеть территорией от Гималайских гор до Дуная.

Так что «академическая» версия истории скифов, отраженная в нашей отечественной «Всемирной истории», как говорится, ни в одни ворота не лезет. Тем не менее она была растиражирована в вышедшем в конце XX века в Минске «справочном» издании «Всемирной истории».

Попытку вернуть русским скифские корни предпринял академик Б.А. Рыбаков — автор «Геродотовой Скифии», изданной в 1979 году издательством «Наука». Он

отнесся к творчеству Геродота как к непреложной истине, а следовательно, утверждал, что скифский этнический котел заварился на бескрайних просторах Северного Причерноморья и прилегающих к нему Южнорусских степей.

Спору нет — скифы, наряду с киммерийцами, были в Северном Причерноморье и Южнорусских степях аборигенами, автохтонами. Однако не по тому, что они имели тут собственный этнический котел, а только по тому, что они первыми прибыли в эти края и первыми их осваивали. Собственного же этнического котла на данной территории в принципе быть не могло по той простой причине, что здесь отсутствуют для этого надлежащие климатические условия — холодновато здесь.

ИУДА И МАЗЕПА КАК СИМВОЛЫ САМОСОЗНАНИЯ «УКРАИНЦЕВ»

Из Саксонии шведская армия начала движение в Польшу, и уже ни для кого не было тайной, что ближайшей целью Карла XII будет поход на Москву. Местом сосредоточения своих войск король выбрал Литву, где к концу 1707 г. сосредоточилось более 40 тысяч человек. Предполагалось, что летом к этой главной армии подойдет корпус генерала Левенгаупта, стоявший в Курляндии, численностью 15—20 тыс. человек. Они должны были служить охраной громадного обоза, который Левенгаупту поручено было доставить в основную армию перед ее вторжением в Россию.

28 января 1708 г. Карл XII вошел в Гродно, а оттуда через Лиду и Ольшаны прошел в Сморгонь. Здесь он простоял около пяти недель, а 17 марта двинулся дальше и на следующий день был уже в Радашковичах. Здесь он снова задерживается, но теперь на три месяца. Из Радашковичей путь шведской армии шел через Минск (начало июня), Березину, Головчин (3 июля 1708), Могилев. Из Могилева (все время имея в виду дорогу Смоленск—Можайск—Москва) Карл XII прошел через Чериков в Стариши (5—10 сентября) и

Окончание. Начало в №4 за 2009 г.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

здесь, совершенно неожиданно круто повернул на юг и двинулся в Малороссию, так и не дождавшись Левенгаупта. Пройдя через Кричев, шведская армия вступила в Северскую землю.

Надо сказать, что до самого последнего момента русское командование считало такой вариант развития событий наименее вероятным. Еще в июле, узнав, что шведы движутся к Могилеву, в ставке Русской армии, принимая решение воспрепятствовать переправе неприятеля через Днепр, по-прежнему находились в неведении относительно дальнейшего его движения. Поэтому и было принято решение придерживаться выжидательной тактики: «смотреть на неприятельские обороты и, куды обратится — к Смоленску или Украине, трудиться его упреждать». Упредить не удалось: шведы вторглись в Малороссию. Что же побудило Карла XII резко изменить маршрут своей армии и отказаться от непосредственного движения к Москве?

Ответ на этот вопрос для нас важен по двум причинам. Во-первых, для более точного понимания истинных намерений героя нашего повествования — гетмана Мазепы. А во-вторых, для опровержения лживых инсинуаций самостийников о характере самой войны. В трудах украинских историков, как прошлого, так и настоящего, посвященных описываемым событиям, общим местом стали рассуждения о том, что Малороссия в очередной раз оказалась жертвой чужой для нее войны, став разменной монетой в захватнических устремлениях Швеции и России. Превращенная на длительное время в поле боя, подвергшись страшному и опустошительному разорению, она не только ничего не выиграла от победоносной для России войны, но впала в еще большую от нее зависимость, потеряв последние остатки своей автономии. В этой надуманной схеме населению Малороссии отводится малопочетная роль пассивного наблюдателя, совершенно выключенного из происходящего, но силою обстоятельств обреченного нести бессмысленные жертвы. Конечно, подобный подход совершенно искажает реальный ход событий, вот почему для нас исключительно важно установить подлинные причины, побудившие шведского короля изменить маршрут своей армии и перенести последующие боевые действия на малорусскую территорию.

Решение о движении в Малороссию было принято на военном совете, проходившем в селе Стариши между 11 и 13 сентября. Впрочем, еще раньше, в августе, когда шведы вступили в Могилев, к Карлу XII снова явился тайный посланец Мазепы, лишенный сана болгарский архиерей. Через него гетман торопил короля спешить в Малороссию, иначе, если шведы замедлят, казаки начнут приставать к царским войскам. В тот момент Карл никак не отреагировал на это предложение, но через месяц вспомнил о нем и заговорил о Малороссии. Побуждала его к этому острая нехватка продовольствия, которая стала ощущаться в шведской армии, едва она вступила на белорусские земли. На всем пути неприятельского движения население не только покидало свои жилища, укрываясь в лесах и среди непроходимых топей, но и заранее прятало в укромных, малодоступных местах зерно, скот, сено, а то, что не удавалось спрятать, безжалостно сжигало. По вечерам и в течение ночи в шведском лагере были видны зарницы дальних пожаров, и, наблюдая их, король и его окружение знали, что это горят склады, амбары, сено, овес, хлеба Мозырского повета, Смоленщины, прилегающих к ним территорий, горит тот самый провиант, без которого невозможно было следовать дальше в избранном направлении. Между тем от Левенгаупта не было никаких известий, а без его огромного обоза даже к Смоленску нельзя было пройти, не говоря уже о Можайске и Москве. Это и заставило короля вспомнить о Мазепе.

Уже знакомый нам пастор Нордберг так описывает совещание в Стариши. Все согласилось с тем, что ввиду острой нехватки продовольствия оставаться на месте нельзя. В армии были полки, которые уже три недели не получали хлеба. Голодали и лошади. Начали распространяться массовые заболевания. Следовало немедленно отвести войска в места, где можно было бы наладить нормальное их снабжение. Но куда двинуться? Мнения разделились. Королевский министр граф Пипер предлагал отступить обратно к Днепру и во что бы то ни стало дожидаться Левенгаупта. Его оппонент фельдмаршал Реншильд настаивал на немедленном движении к югу, к Новгород-Северскому. Примечательны соображения, которыми фельдмаршал аргументировал свое мнение. В Малороссии их ждет гетман Мазепа с 20 тыс. казаков,

а эти люди, прекрасно знающие свой край, окажут ценную помощь шведской армии в ее походе. Кроме того, казаков можно будет пустить в ход, чтобы помешать Русским истреблять припасы. А когда король выиграет первое сражение, то «казаки покажут чудеса при преследовании неприятеля и истребят русских всех, целиком». Малороссия притом очень плодородная страна и «оттуда легко и проникнуть в Московию, и сообщаться с Польшей». Что касается Левенгаупта, то он сумеет рано или поздно соединиться с главной армией: это генерал хорошей репутации и у него такое прекрасное войско, что враги «подумают дважды перед тем, как осмелиться напасть на него». Доводы Реншильда выглядели убедительно, и его точка зрения восторжествовала. Карл XII отдал приказ сниматься и двигаться на юг. 14 сентября шведский авангард под начальством генерала Лагеркроны, а за ним и король со всей армией начали движение в направлении Стародуба.

Очевидно, что вся аргументация фельдмаршала Реншильда была построена на тех заманчивых перспективах, которыми манил шведского и польского королей Мазепа еще в 1707 году. Таким образом, именно малороссийскому гетману принадлежит главная роль в изменении шведских планов, повлекших неприятельское вторжение в Малороссию и ее последующее разорение. Так что нынешним самостийникам во всех несчастьях, обрушившихся на малороссов, следует винить прежде всего своего кумира, а не проливать крокодиловых слез по поводу «имперских амбиций Москвы».

То, что именно Мазепа спровоцировал движение неприятеля в Малороссию, подтверждает и резидент Станислава Лещинского при шведской армии граф Понятовский. В своих воспоминаниях он так рассказывает о планах Карла XII. Выходя «из немецких стран» (т.е. из Саксонии), шведский король имел намерение идти на Москву, а исполнив его, собирался затем вернуться в Германию и оказать помощь Франции (очевидно, против Австрии). Но идя в Россию через Польшу и Литву, Карл узнал по дороге, что Русские все сжигают и разоряют на своем пути. Тогда король решил, что невозможно идти «голодным и разоренным краем», и пошел в Малороссию, имея в виду соглашение с Мазепой и «казачий бунт».

Между прочим, для современников событий было совершенно очевидно, *кто конкретно* повинен в неприятельском вторжении в Малороссию. Феофан Прокопович в проповеди, произнесенной в Софийском соборе Киева две недели спустя после Полтавской победы (15 июля 1709), однозначно утверждал: «Что же речем, егда коварным наущением и тайным руководством от проклятого изменника введен есть (шведский король. — С.Р.) внутрь самые Малые России? Ибо сам собою не мог бы никогда же и не дерзнул бы внити».

А между тем, все посулы Мазепы представляли собой заурядный блеф. В тот момент, когда он в октябре 1707 года обещал «устроить мосты» для наступающей шведской армии и истребить семь тысяч русского войска, расположенного в Малороссии, в его замыслы было посвящено всего пять (!) человек: писарь Пилип Орлик, генеральный обозный Ломиковский и три полковника — миргородский Апостол, лубенский Зеленский, прилуцкий Горленко. Да и этих назвать «единомышленниками» можно было с большой долей условности. Писарь Орлик, к примеру, в своих воспоминаниях откровенно признает, что имел твердое намерение «сдать» Мазепу и раскрыть его изменнический замысел, но гетман сумел искусно запугать его и заведомо предостерег от подобного шага: «Смотри, Орлик, додержи мне верность; знаешь ты, в какой я милости у царя, не променяют там меня на тебя; я богат, а ты беден, а Москва гроши любит; мне ничего не будет, а ты погибнешь». Угроза подействовала — Орлик молчал. Верность остальных была того же рода. Примечательно, что миргородский полковник Апостол после присоединения Мазепы к шведам уже через месяц вместе с другими старшинами бежал из неприятельского лагеря. Приехав в свою маетность Сорочинцы, он сразу же написал новому гетману Скоропадскому, прося у него заступничества перед Царем и смягчения его гнева. В оправдание же ссылался на то, что был завлечен Мазепой по собственному незнанию и должен был поневоле повиноваться изменнику, пока не предстал случай освободиться.

Действительно, помимо страха парализующее действие на сообщников Мазепы оказывало полное незнание ими его истинных намерений. А когда они все-таки решились (в октябре 1708 г., когда Карл XII был уже у

Новгород-Северского!) выяснить, на каких, собственно, условиях осуществляется переход на сторону шведов и поляков, то Мазепа дал им весьма характерный ответ: «Для чего вам о том прежде времени ведать? Спуститесь на мою совесть и на мое подлое разумишко, на котором вы не заведетесь; болши я, по милости Божией, имею разум един, нежели вы все». И, обратившись к Ломиковскому, добавил: «Ты уже свой разум выстарил, у того, — указал на Орлика, — еще разум молодой, детский». Впрочем, в конце решил слегка подсластить свою отповедь и, достав из шкатулки универсал Станислава Лещинского, велел Орлику прочесть его вслух.

Иезуит Заленский привез этот универсал еще в январе 1708 г. Его содержание отличалось голословностью и отсутствием всякой конкретики: король расхваливал мужество, храбрость и отвагу Войска Запорожского, обнадеживал расширением и умножением прав и вольностей, обещал свои отеческие попечения всему малороссийскому народу, возбуждал всех малороссов прибегать к нему, как к своему наследственному государю, и вместе с предостойнейшим вождем своим Мазепой стараться о низвержении с своих шей московского ига при скорой помощи непобедимых войск шведских и польских. За цветистыми красивыми фразами универсала не могла укрыться его полная бессодержательность. Подобного рода польских *обещаний* за последние полсотни лет старшина наслушалась предостаточно, и все они так и остались на бумаге. Внимая им в очередной раз, старшины вряд ли поверили, что теперь будет иначе, но никто не посмел возразить и все как будто остались довольны, предпочитая и далее находиться в полном неведении относительно гетманских замыслов.

А каковы на самом деле были условия, на которых гетман переходил на сторону неприятеля? Об этом мы имеем единственное верное свидетельство. Его приводит в своей монографии о Мазепе Н.И. Костомаров. Принадлежит оно камергеру Карла XII Густаву Адлерфельду. Он всегда был при короле, а со времени раны, полученной Карлом XII накануне Полтавской битвы, можно сказать, не отходил от него. Заметки свои он заносил ежедневно на бумагу вплоть до 26 июня, когда написал последние строки. 27 июня, в день самого сражения, он был убит наповал русским ядром, когда находился близ носилок

короля, разбитых почти в тот же момент другим русским ядром. После гибели Адлерфельда его записки продолжил его племянник, а по окончании Северной войны они впервые были изданы в 1740 г. в Амстердаме на французском языке. Затем они неоднократно переиздавались в ряде европейских стран.

Адлерфельд достаточно подробно описал переход Мазепы на сторону шведов. Пишет он и о тех тайных договоренностях, которые заключил Мазепа с Карлом XII и Станиславом Лещинским. С первым условия были временные и касались только военных действий. Мазепа просил вступить шведского короля со своим победоносным войском в Малороссию и освободить казаков от московской тирании. В этих видах он обязывался передать шведам для зимних квартир укрепленные места в Северщине: Стародуб, Мглин, Новгород-Северский и другие города. Гетман обязывался доставлять провиант для расположенных в Малороссии шведских войск. Кроме того, обещал склонить на сторону Карла XII донских казаков, недовольных правлением Петра, и калмыцкого хана Аюку со всеми подчиненными ему ордами. Со Станиславом были заключены такие условия. Вся Украина с Северским княжеством, Черниговом, Киевом, Смоленском и прилегающими к ним землями присоединялись к польской Речи Посполитой, а Мазепе в вознаграждение за такую услугу давался княжеский титул и особое удельное княжество наподобие Курляндии, вырванное из земель Витебского и Полоцкого воеводств.

Понятно, что в эти *подлинные условия* перехода на сторону шведов гетман не посвятил даже ближайших своих сообщников, поэтому и позднейшие их ссылки на незнание истинных намерений Мазепы были вполне искренними. Для них они так и остались тайной за семью печатями...

Таков был уровень посвященности в замыслы «вождя» в кругу самих заговорщиков, к тому же состоявшем всего из нескольких человек. А что же говорить о тех, кто оставался за пределами этого узкого круга. Ни другие старшины, ни казаки, ни даже гетманские наемные полки не подозревали о намерениях Мазепы, и тому оставалось только гадать, как они их воспримут. Впрочем, в глубине души он, конечно, догадывался, **как** воспримут, но так и не нашел в себе мужества откровенно в этом признаться, хотя бы самому себе. Вот почему до после-

днего момента скрывал свои планы. Даже тогда, когда спешно двинулся на соединение с Карлом XII (24 октября 1708), продолжал таиться, и сопровождавшие его несколько тысяч казаков искренне были убеждены, что гетман ведет их сражаться со шведами. А когда узнали правду, тут же стали разбегаться. Вместо обещанных двадцати Мазепа привел к неприятелю не более полутора тысяч. И Петр с торжеством писал В.В.Долгорукому, что в Малороссии, несмотря на измену гетмана, все осталось по-прежнему, а у Мазепы и пяти человек единомысленных нет. Что даже старшину, за ним пошедшую, изменник взял обманом, уверив, будто ведет их сражаться против шведов: «И когда перешел реку Десну, то, подойдя к войску шведскому, поставил войско при нем будущее, в строй к баталии и потом объявил старшине злое свое намерение, что пришел не бится со оными, но под протекцию его королевскую, когда уже то войско, по его соглашению, от шведа окружено было». Те., фактически, взято в плен. Ни о каком добровольном переходе на сторону неприятеля в данном случае не может быть и речи. Потому впоследствии и бежали от Мазепы казаки при малейшей для этого возможности.

На что же тогда он рассчитывал? Какими средствами и чьими силами собирался реализовать те щедрые посулы, которыми завлекал неприятеля в Малороссию, когда не имел для этого ни людей, ни заранее организованных сил?.. А никак. Хвастливое заявление о том, что он один имеет больше разума, чем все остальные, являлось обычным самообольщением. Свои замыслы изменник строил на зыбкой основе гадательных предположений, роковым образом вводя в заблуждение не только себя, но и своих коронованных патронов, что сыграло злую шутку со всеми участниками этой на первый взгляд столь удачливой интриги.

Конечно, Карл XII жестоко ошибся, доверившись Мазепе, сумевшему убедить его в том, что представляет собой некую силу. И эта ошибка дорого стоила шведскому королю. Но столь же жестоко ошибся и Мазепа, поставив на Карла XII, и уж ему-то точно не на кого было пенять. Его «ошибка» закономерно вытекала из тех устремлений, которые он вынашивал на протяжении многих лет. А кроме того, предопределялась и той конкретной ситуацией, которая сложилась вокруг Мазепы к

моменту, когда шведская армия приблизилась к русским границам. Гетман потому и торопил ее вступление в Малороссию, что прекрасно понимал: разоблачение его предательства неизбежно. Долгие годы удавалось ему скрывать свои подлинные мысли и чувства, и множество людей, пытавшихся разоблачить его изменнические замыслы, загубил он за это время. Пока счастье неизменно сопутствовало ему, но он знал, что это везение не может длиться вечно, и чем ближе подходили шведы к рубежам Малороссии, тем сильнее возрастал страх в его иудиной душе. А происходящие события доводили этот страх до высшей степени напряжения.

В январе 1708 г. снова явился доносчик, изобличавший Мазепу в измене. Это был рейтар Мирон, освободившийся из турецкого плена. Прибыв в Киев, он сообщил, что в Яссах виделся с проживающим там Василием Дрозденко, сыном брацлавского полковника Дрозда, расстрелянного Дорошенко. Этот Василий говорил Мирону: «Прошлого года находился я в Польше при короле Станиславе, именно тогда, когда прислан был туда бусурманский посланец. В это время явился к королю Станиславу какой-то чернец с письмом от гетмана Мазепы. Письмо это было читано при бусурманском посланце; говорили, что оно заключало такое обещание, что казачьи войска, вместе с польскими и крымскими, будут воевать против царских войск». Доносителя из Киева отправили в Посольский приказ, где Мирон показал, что Дрозденко велел ему довести это до сведения Царя ради единой православной веры и памятуя, что отец его был под державою московского государя брацлавским полковником. Но и эта информация не вызвала никакой реакции в Москве, хотя мы видим, что в ней нашел отражение совершенно точный факт прибытия к Лещинскому посланца от Мазепы (в октябре 1707) с обязательством гетмана уничтожить русские войска, находящиеся в Малороссии, и оказать помощь шведской армии при ее вступлении на территорию края. Мазепа получил очередную успокоительную грамоту от имени Царя с высокой оценкой проявляемой им «верности».

В очередной раз выйдя сухим из воды, он, тем не менее, встревожился не на шутку. Выходило, что секретные переговоры, которые он вел с польским королем, не такая уж и «тайна», если о них осведомлен даже рядо-

вой казачий полковник. Угроза неминуемого разоблачения и соответствующей расправы замаячили перед ним. Гибельная перспектива стала еще более зримой, когда в следующем месяце на него снова поступил донос. На этот раз от ненавистного Кочубея. 8 февраля к ахтырскому полковнику Федору Осипову тайно приехал полтавский священник Иван Святайло с настоятельной просьбой от бывшего полтавского полковника Ивана Искры о незамедлительной встрече. Осипов съехался с Искрой в своей пасеке у речки Коломак. Искра под клятвой от имени генерального писаря Кочубея заявил, что гетман Мазепа, сговорившись с королем Лещинским и Вишневецким, умышляет измену великому государю. С этой целью всячески провоцирует недовольство мало-российского населения центральной властью: «Во всех полках regimentу своего, будто по именному государеву указу, велел брать поборы великие с казаков, чего никогда не бывало, с каждого казака от коня по талеру, а от вола по копе, и то делает от злохитрия своего, как бы народ отягчить и возмутить, а особо с мещан взял на жалованье сердюкам. Да и такое в народе возмущение разгласил, будто царское величество велел казаков писать в солдаты, и уже голода готова втайне и на шатость ждет его повеления». Но этим изменник не ограничился: «Войско Запорожское, тайно подсылая, прельщает и страшает, будто царское величество, не любя их, велит разорить и место их опустошить, а запорожцы, испуганные, готовы к войне».

Казалось бы, подобный размах подрывной работы высшего должностного лица края невозможно было скрыть от его ближайшего окружения, но никаких сигналов от старшины не поступало. Искра объяснил и эту странность: «Старшина генеральная и полковники, хотя подозревают и ведают про его (Мазепы) злое намерение, однако известить великому государю не смеют, одни — по верности к гетману, другие — из страха, третьи — видя к нему милость государя, что не поверит». Как оно и было на самом деле: вспомнить только совсем свежую попытку рейтара Мирона разоблачить мазепинское предательство, — она так и завершилась ничем. Изменник получил очередную порцию комплиментов за свою «преданность» и полный карт-бланш в дальнейших своих действиях. Что получил рейтар Мирон, неизвестно.

Но было и еще одно обстоятельство, парализовавшее волю всякого, кто вознамерился бы разоблачить гетмана-иуду: наличие у Мазепы высокопоставленных осведомителей в ближайшем окружении самого Царя. Хватало там и прикормленных покровителей. Поэтому Кочубей и Искра настоятельно просили, чтобы их доношение было строжайше засекречено, так как «некто из ближних секретарей государевых и князя Александра Даниловича ему (Мазепе) о всем царственном поведении доносят» и, если уведают о Кочубеевом доносе, «тотчас ему дадут знать».

Складывался замкнутый круг: для подтверждения верности доноса требовались дополнительные свидетельства, а как их заполучить, если сам донос надо было хранить в строгом секрете? Положение, впрочем, было не совсем безнадежно. Существовал человек, который знал о замыслах гетмана все или почти все. И доносители поспешили указать на него: «А лучше всех про то знает ближний его секретарь, генеральный писарь Орлик, через которого всякие тайны и пересылки отправляются».

И Искра, и Кочубей отдавали себе полный отчет в том, какому смертельному риску подвергаются. Поэтому генеральный судья, притворившись больным, жил в своем имении Диканьке, не выезжал из Полтавы и Искра.

Факты, сообщенные новыми доносчиками, полностью соответствовали истине. Сомнение могла вызвать разве что информация о том, что Мазепа «умышляет на здравие великого государя, как бы его в свои руки ухватить или смерти предать». Искра излагал и конкретный план осуществления этого умысла, но, зная Мазепу, трудно поверить в то, чтобы он мог решиться на столь рискованное мероприятие, хотя слухи об этом и могли ходить в кругу лиц, близких к окружению гетмана. Во всем остальном Искра и Кочубей нисколько не грешили против истины, но пробить ее в Москве им, как и их многочисленным предшественникам, не удалось. Напрасно, Кочубей умолял прислать к нему кого-нибудь из особо доверенных лиц, его тешили обещаниями, что пришлют, но никого не слали. А между тем Петр, находясь в полном убеждении, что против верного ему гетмана существует заговор, ставящий целью вызвать в Малороссии очередную смуту, да еще и в условиях близящегося неприятельского вторжения, — 10 марта дает

распоряжение о немедленном аресте Кочубея, Искры и... Апостола! Причем, исполнение этого поручения возлагалось на Мазепу!

Казалось бы, изменник мог торжествовать, а он пришел в неописуемый ужас. Ведь Царь требовал присылки арестованных в распоряжение правительства для проведения надлежащего расследования, а кто мог гарантировать, что в ходе него не выявятся подлинные факты гетманской измены? Но самое главное в списке тех, кого следовало арестовать, фигурировал и Апостол, один из той пятерки заговорщиков, которые были в курсе всего. Этого никак нельзя было допустить! Мазепа разворачивает лихорадочную деятельность, чтобы воспрепятствовать высылке арестованных за пределы Малороссии. Засыпает письмами графа Головкина и барона Шафиров, давних своих покровителей, убеждая, что доносителей следует передать непосредственно ему в руки, а не отсылать в Москву. При этом искусно шантажирует опасностью возникновения смуты, «чтоб не учинилось от полковников (которые им мало не все свойственные) в войске возмущение, которых подлинно тою посылкою может он, гетман, подвигнуть к себе на вражду и ненависть... как и наперед сего было на него многое нареkanie, когда и не такую знатнейшую особу, но пьяницу Палея, не объявляя его вины, без всякого войскового суда, отослал к Москве, понеже и без того московским его духом называют». В Москве все принимают за чистую монету и, конечно, идут навстречу пожеланиям гетмана. Ему удастся отстоять от ареста Апостола, правда, протягивая время, он не успевает схватить Кочубея и Искру, но, как показал дальнейший ход дела, это несколько ему не навредило.

Кочубей и Искра, понимая, насколько опасно оставаться в Малороссии, сами решили отдаться в руки правительства, надеясь обрести таким образом не только защиту от мести Мазепы, но и возможность вывести его, наконец, на чистую воду. 6 апреля граф Головкин извещал Царя, что доносчики, узнав о приближении посланных от гетмана для их взятия людей, ушли вначале под защиту ахтырского полковника Осипова, а затем направились к Смоленску, рассчитывая на непосредственную встречу с Царем, находившимся при армии. Головкин спрашивал: куда их отправить для проведения розыска —

в Смоленск или Киев? Петр отвечал (14 апреля): в Смоленск, «а в Киев ныне посылать опасно, понеже не знаем, куды неприятельские будут обороты, и ежели на Украину, тогда оных там держать сам знаешь какво». Впрочем, никакого «розыска» на самом деле не предусматривалось. В том же письме Головкин сообщал Петру: «И мы к гетману о всем том дали знать и обнадежили его вашей милостию и что будут они по приезде в Смоленск окованы, и чтоб он нимало не сомневался о том, чтоб их **наветам** какая подана была вера»...

Судьба Кочубея и Искры была предрешена. Розыск еще не начался, а они уже находились в положении обвиняемых, потому что ближний министр и верховный президент государственных посольских дел до всякого знакомства с существом дела, априори присваивал ему статус навета, т.е. клеветы и возведения ложных обвинений. Оставалось только изобразить хотя бы внешнюю видимость «правосудия». Но и в соблюдении формальностей особо не усердствовали...

18 апреля Кочубей, Искра и сопровождавшие их лица приблизились к Витебску и были остановлены в миле от города на пустом панском дворе. На следующий день Головкин и Шафиров занялись расспросом прибывших. Когда дошла очередь до Кочубея, он подал донос из 24 пунктов:

«1) В 1706 году говорил гетман мне в Минске наедине, что обещала и уверила его княгиня Дольская, мать Вишневецких, сделать его князем черниговским и Войску Запорожскому выпросить желаемые вольности у короля Станислава, ее близкого родственника.

...4) В 1707 году, когда получено было известие, что в Пропойске и других городах белорусских литовские люди, бывшие под начальством Синицкого, вышедши из Быхова, перерезали русские отряды, то гетман начал этому смеяться и немерною радостью веселиться, много пил и нас поил...

...6) Когда я пришел просить позволения сделать торжественное обручение дочери моей с Чуйкевичем, то он мне сказал, чтоб я пышного обручения не делал и людей немного сбирал и свадьбою не спешил: как будем с ляхами в единстве, сказал он, то найдется для твоей дочери между ними жених, знатный какой-нибудь шляхтич, который твоей фортуне доброю будет подпорою,

ибо хотя бы мы ляхам по доброй воле и не поддались, то они нас завоюют и непременно будем под ними...

...10) Будучи в Киево-Печерском монастыре, Мазепа запирался с полковниками и читал условия Гадяцкой комиссии, бывшей с ляхами при Выговском в измену его. И если б теперь не было намерения изменить, то зачем читать гадяцкие условия, заключенные с ляхами?

11) В декабре 1707 года пронеслась весть, что господин Кикин едет в Батурин, а вслед за ним сам государь с тем, чтоб гетмана взять в Москву; тогда Мазепа собрал 390 человек сердюков и устроил их при себе под начальством полковника Чечела, намереваясь обороняться и отстреливаться от великого государя, а сначала хотел уехать в Гадяч для защиты. Это верно, потому что преданные слуги гетманские сказывали на другой день, что они прошлую ночь провели с оружием наготове.

12) Ксендз Заленский приезжал на праздник Рождества Христова в Батурин, и пан Орлик, тайно один его встретивши, тайно же проводил в гетманский хутор под селом Бахмачем, откуда ночью порою приезжал ксендз к гетману на Гончаровку..

...14) Пируя у меня и подвеселившись, когда начали пить его здоровье, сказал со вздохом: «Благодарствую за приязнь, но что мне за утеха, когда я живу, не имея никогда совершенной надежды своей целости, безо всякого обеспечения, ожидая, как вол обуха». Тут же говорил жене моей, хвалил гетманов изменивших, Выговского и Брюховецкого: «Хорошо начали Выговский и Брюховецкий, что хотели из неволи выбиться, но злые люди им в том помешали. И мы хотели бы о своей будущей целости и вольности войсковой промыслить, да не имеем еще теперь способу, особенно же потому, что не все наши в одномыслии находятся: вот и твоему мужу я несколько раз намекал о таких мыслях, как бы нам обеспечить целость нашу на будущее время как для себя, так для потомства, но он ни одним словом мне не поможет, ни от кого не имею помощи, ни на кого не могу положиться. А другая трудность та, что орды не за нас: хан велел отвечать мне, что турецкий султан приказал ему держать орду крепко и ни к кому на помощь не посылать»...

15) Говорил полковникам: на турок и татар нет нам никакой надежды, так надобно из другой бочки дело

свое начинать, а уговоривши и постановивши на мере, надобно вдруг и за сабли приниматься.

16) Держит при себе слуг породы ляхской и употребляет их для всяких посылок, каких ему не позволено без именного указа великого государя...

17) Не исполняет царского указа, которым запрещено пропускать людей на ту сторону Днепра; переселенцев не велел задерживать, а мать его, игуменья, людьми с этой стороны населила великие слободы на той стороне; города и села этой стороны потерпели сильный ущерб в населении, а остальные, уменьшенные в своем числе люди с великим отягчением кормят охотничье войско, и от такой тяжести и последние хотят уходить на западную сторону.

18) На Коломацкой раде положено, чтоб малороссийские люди с великороссийскими женились между собой, но гетман не только жениться, запрещает малороссиянам и звать к себе в гости великороссиян.

...20) Запорожцам грозит и остерегает их, что великий государь велит их истребить.

...23) Русинович, мещанин львовский, рассказывал в Батурине, что он от Сенявского, Тарла, Хоментовского и Потоцкого письма привозил к гетману; рассказывал, что гетман коронный Сенявский говорил ему: «И предложи самому Мазепе, чтоб был с нами, и пусть казаки будут к нам доброжелательны, если хотят, чтоб им было хорошо, ибо мы наверное знаем, что государь шведов не выдержит и казаки, если при нем останутся, погибнут, а будучи за нами, остались бы в целости и при своих вольностях». Когда я, говорил Русинович, доносил об этом Мазепе, то он отвечал мне: «Бог свидетель, что я панам полякам доброжелателен; не был бы я шляхтичем, не был бы сыном коронным, если б всего добра Короне Польской не желал»...

24) Скарб войсковой арендованный без надлежащего надзора находится; это больше гетманский скарб, чем войсковой, как хочет гетман, так его и употребляет, отчего денег запасных в том скарбу нет, только что платят полкам охотничьим да содержат приезжих посланников. Индукта, т.е. сбор мыта, изначала всегда индуктою войсковою называется, а потом отдана была в казну монаршую; я хорошо знаю, что когда в Киеве был на воеводстве боярин Петр Васильевич Шереметев, то у него

индукторы откупали индукту и откупные деньги отдавали ему на ратных государских людей, а теперь один гетман 50 000 золотых в год собирает на себя и, только что будет сверх 50 тысяч, из того старшине по несколько сот золотых уделает. Но для чего этим великим скарбом гетману обогащаться, а не отдать его в казну монаршую на жалованье ратным людям, находящимся в Малороссии? Хотя бы в этом обнаружилась власть великого государя над Малороссиею! И не сыщется ни один человек в войске и в народе, который бы по этой индукте стал скорбеть и тужить, потому что никто бы от этого ничего не потерял, а гетману довольно было бы десяти городов полка Гадяцкого, с которых собирает всякие подати, довольно было бы пяти волостей и значительных сел, приписанных к гетманскому уряду.. Не малый доход гетману с порукавичных арендовых, которые теперь умножились, и чрез это умножение аренда стала тяжка простому народу, потому что арендарь, давши большую сумму денег за аренду, дороже продает горелку».

Опрошен был и Искра, который объявил следующее: про то, будто великий государь повелит казаков писать в солдаты, слышал он сам от гетмана в Киеве и при том были полковники миргородский, прилуцкий, черниговский. О прельщении Войска Запорожского и возмущении их сказывали ему запорожцы, которые часто у него бывают, а иногда и зимуют: сказывали они, что посылал гетман с теми речами трижды хорунжего киевского и велел им будто для опасения от великого государя крепить свой город и никуда не разъезжаться и быть в сборе до указа его...

При наличии желания выявить истину пункты Кочубея и показания Искры, несомненно, привели бы к полному разоблачению предателя. В них, конечно, не было ни текстов договоров, заключенных уже к тому времени Мазепой с поляками и шведами, ни чего-либо еще, могущего служить неопровержимыми доказательствами гетманской измены, но они содержали фамилии людей, которые непосредственно были в нее вовлечены, а кроме того, живо рисовали подлинный облик Мазепы, истинного поляка и убежденного русофоба. Информация, предоставленная Кочубеем и Искрой, содержала большое количество подлинных фактов, которые просто нужно было проверить. Ухватившись за первую попав-

шуюся ниточку, следствие очень скоро вышло бы на реальных участников заговора, а для полного его разоблачения хватило бы и ареста одного только Орлика. Но и граф Головкин, и барон Шафиров стремились совсем к другому: любой ценой оправдать Мазепу, поэтому даже те пункты, где речь шла об очевидных финансовых злоупотреблениях гетмана, открыто обогащавшегося за счет государственной казны, причем в момент, когда, ссылаясь на острый дефицит средств, правительство пускало на переплавку церковные колокола, даже эти пункты не вызвали никакого интереса. Интересовало другое.

21 апреля была устроена очная ставка Кочубея и Искры, в ходе которой их уличили в некоторых противоречиях относительно пункта о злоумышлении Мазепы на жизнь государя. После этого обоих доносителей сразу же взяли под караул и развели по разным избам, а письма и прочее отобрали и переписали. В тот же день Искру подвергли пытке, и сам характер поставленных перед ним вопросов отчетливо обнаруживал цель, преследуемую организаторами «розыска»: *на гетмана он доносит по чьему наущению? и не по подсылке ль о том какой от неприятеля на извержение гетманское такое зло взвели?* Не мазепинской изменой озабочены были следователи, а тем, как бы уличить в «измене» самих доносчиков. Те и сами уже поняли, что **обречены**, соответственно изменилось не только их настроение, но и линия поведения: теперь Кочубей и Искра не обличали, а только «сознавались» в собственных «преступлениях». Искра после десяти ударов, отрицая «подсылку от неприятеля», признал, что «за гетманом никакой измены не видал», а подучил его Кочубей «тому уже с два года». Подвергнутый пытке Кочубей тоже сразу «признался»: «что за два года я на гетмана говорил про измену, и то делал по семейной своей злобе».

Необходимый результат, таким образом, был достигнут, однако «розыск» не прекратился. Искре в присутствии Кочубея дали еще 8 ударов, но ничего нового он уже не смог добавить, лишь подтвердил Кочубеево «признание». Снова взялись за Кочубея. Тот, стремясь избежать пытки, поспешил объявить, что донос затеял лишь по злобе на гетмана. Но это его не спасло. Ему все равно дали пять ударов, при этом наседая: *не по подсылке ль от неприятеля и по факциям его он затеял это на гетмана,*

дабы его низвергнуть и выбрать другого, к тому их злomu начинанию склонного? И кто в том с ним был единомышленники, и нет ли присланных от неприятеля к нему или к другим для такого возмущения на Украину? Кочубей твердил одно: никаких подсылок от неприятеля к нему не было, и за гетманом не ведает никакой неверности, все затеял ложно, чая, что поверят ему в том без дальнего розыску.

Следствие успешно было завершено полным признанием доносителей в ложном извете на гетмана. 24 апреля Головкин писал Царю: «Понеже Кочубей зело стар и дряхл безмерно, того ради мы его более пытатъ опасались, чтоб прежде времени не издох. А более в гетманском деле розыскивать нечего, и для того и в Киев их не посылаем, потому что во всем они винились, кроме факции или наущения от неприятеля». Ближний министр советовал отправить доносителей в Киев для показательной казни с целью укрепления авторитета гетмана и нейтрализации его тайных врагов. Но Петр не согласился на завершение дела таким образом и потребовал дальнейшего «розыска». 23 мая Кочубея и Искру отправили в Смоленск.

Мазепа, между тем, не находил себе места от страха. Его, конечно, подробно информировали о совершенно благоприятном для него ходе дела, но изменник не мог чувствовать себя спокойно, не заполучив доносчиков в свои руки. Ему надо было выяснить, кто еще из старшины причастен к попытке разоблачить его тайные планы, чтобы, если таковые найдутся, уничтожить сразу и их. А кроме того, он нутром чувствовал, что разоблачение его может наступить в любую минуту: слишком далеко зашло его дело и слишком много людей знали о нем. В добавление ко всему польские доброжелатели сообщили ему, что в Польше уже открыто говорят о его переходе на сторону короля Станислава. Рано или поздно эта информация должна была обратить на себя внимание Царя, и тогда ничто уже не спасло бы изменника.

Мазепа с еще большей настойчивостью добивается присылки к нему Кочубея и Искры. Головкин сообщает Петру: «Пишет к нам многократно, прилежно прося о прислании оных к нему в войско, а не в Киев для обличения их воровства». При этом Мазепа ловко шантажирует своих высокопоставленных покровителей якобы

назревающей в Малороссии смутой, подкидывая им и «факты» собственного сочинения: «Ныне обозного генерального челядника, в Киев едущего, в местечке Оленовце за то только, что просил подводы, старшина тамошняя была с таковыми выговорами: полно уже вашего, гетманчики, панства, приедет на вашу всех погибель Кочубей». Верили всей этой лжи и Петр, и его ближайшие советники. Царь распорядился снова привести несчастных узников в Витебск. 30 мая снова их пытали, насколько это было возможно по Кочубевой дряхлости и Искриной болезни: не было ли от иных народов к ним посылки для возмущения? Узники стояли на прежнем: не было никакой, «все он, Кочубей, затеял по собственной злобе». Наконец отправили их в Киев, а оттуда в местечко Борщаговку, в 8 милях от Белой Церкви, где стоял Мазепа обозом. Здесь снова подвергли пытке. Но теперь искали не «сообщников», уже ясно было, что таковых не имелось, — требовали рассказать, где обвиняемые укрыли принадлежащие им золото, драгоценности, деньги. Имущество их и так подлежало конфискации, однако шло в государственную казну, а тайные сбережения палачи могли спокойно присвоить себе. Чем завершился «розыск» в этом направлении, неизвестно, но 15 июля здесь же в Борщаговке «изменникам» отрубили головы...

Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы родственникам и похоронены в Киево-Печерской лавре. Над их могилой впоследствии была установлена плита со следующей надписью:

*«Кто еси мимо грядый о нас неведущий,
Елицы zde естесмо положены суци,
Понеже нам страсть и смерть повеле молчати,
Сей камень возопиет о нас ти вещати,
И за правду и верность к Монарсе нашу
Страдания и смерти испиймо чашу,
Злуданьем Мазены, о Всеведче правый,
Посечены зоставше топором во главы;
Почиваем в сем месте Матери Владычне,
Подающия всем своим рабом живот вечный.*

Року 1708, месяца июля 15 дня, посечены средь Обозу войскового, за Белою Церковью на Борщаговце и Кошевом, благородный Василий Кочубей, судья генеральный; Иоанн

Искра, полковник полтавский. Привезены же тела их июля 17 в Киев и того же дня в обители святой Печерской на сем месте погребены».

Так свершилось это неслыханное злодеяние, повлекшее за собой не только гибель честных, преданных родине людей, но и еще большее торжество иуды, развязавшее ему руки и давшее возможность и дальше готовить неприятельское вторжение в страну. В то же время в этом деле со всей очевидностью проявилась поразительная слепота и неумение разобраться даже в столь простой ситуации тех, кто в силу своего положения призван был зорко блюсти интересы государства, что, в свою очередь, способствовало возникновению новых трудноразрешимых проблем как раз в момент решающего столкновения с опаснейшим внешним врагом. И ответственность за этот груз дополнительных проблем ложится прежде всего на Царя.

С.М. Соловьев делает неуклюжую попытку оправдать Петра за допущенную им роковую ошибку. При этом ссылается на его отвращение «к малороссийскому безнарядью, к недостойному поведению старшины и полковников, к дрязгам, доносам, которыми они постоянно тревожили правительство». Отвращение к «безнарядникам» естественно приводило к тому, что «в каждом движении, направленном против гетмана», Царь видел лишь «движение, враждебное для государства, факцию неприятельскую». И этого своего предубеждения он не смог преодолеть даже в тот момент, когда в нескончаемом потоке доносов и интриг, проскочила правдивая информация...

Вряд ли подобные доводы можно признать убедительными. Прежде всего потому, что все доносы, поступившие на Мазепу, изначально содержали абсолютно **справедливые обвинения** против него, но в течение двадцати (!) лет никто ни разу не удосужился проверить их истинность. При чем здесь «отвращение»; налицо непростительная для такого уровня власти безответственность, а также элементарное неумение разбираться в людях. Мазепа не единственная для Петра «ошибка» подобного рода: он частенько ошибался в выборе людей, поручая важнейшие дела заведомым прохвостам. Особенно если это были иностранцы. Но есть и другая сторона проблемы. Тот же Алексей Михайлович полу-

чал ложных доносов на порядок больше, чем его сын, испытывал к ним не меньшее отвращение и точно так же им не доверял, но потому именно и не спешил принимать рокового для человека решения! Не спешил предавать смерти, если оставались хотя бы малейшие сомнения в его виновности. Так же действовали и приближенные Царя. Иное дело Петр: при его самонадеянности ему и в голову не могло прийти, что старый прожженный интриган столько лет водил его за нос, дурача, как мальчишку. Эта-то самонадеянность и предопределила трагический конец Кочубея и Искры!.. Хотя тот же Петр не казнил ведь Палея, тоже оболганного и оклеветанного Мазепой. И в случае с Кочубеем можно было выждать, не спешить казнить, сослав доносителей подальше от Малороссии. Но нет, Царь оказался марионеткой в руках своего якобы верного «слуги» и все сделал именно так, как тому и нужно было. В сущности, во все время следствия изменник умело манипулировал Петром, направляя ход дознания в нужном для себя направлении, а ложной информацией о резонансе этого дела в Малороссии понуждал завершить его в спешке и без настоящего разбирательства. С еще большей легкостью манипулировал он Головкиным и Шафировым. Соловьев отмечает предположение о том, что последние были подкуплены Мазепой: нет в сохранившихся источниках никаких указаний на это... Но в даче им взятки в ходе самого следствия не было никакой необходимости: они были подкуплены изменником задолго до этого. В течение всего своего гетманства Мазепа, сколотивший огромное состояние нещадной эксплуатацией края, не скупился на роскошные подарки и подношения всем приближенным Царя, покупая таким образом их расположение и покровительство, делать это еще и во время следствия не было никакой нужды. А кроме того, было бы и глупо, ибо могло навести на мысль, что гетман боится, а значит, донос верен. Министры и без того подыгрывали Мазепе, зная совершенную доверенность к нему Царя. Дальнейший ход событий лишь подтвердил, насколько поверхностно судили о ситуации, сложившейся в Малороссии накануне неприятельского вторжения, Петр и его министры...

Несмотря на казнь Кочубея и Искры, Мазепа уже не мог превозмочь охватившей его паники. Липкий, пара-

лизующий страх не оставлял ни на минуту, кошмар грядущего разоблачения преследовал во сне и наяву, во всяком движении, предписанном гетманским войскам Царской ставкой, он усматривал стремление коварно заманить его в засаду и схватить. Воображение рисовало жуткие картины того, что за этим последует; он буквально ощущал невыносимую боль своей терзаемой пытками плоти, — и цепенел от ужаса. Поэтому и застыл на месте, никуда не двигаясь, не зная, на что решиться, а для прикрытия своего бездействия придумал «болезнь», якобы его поразившую. В ответ на письмо Царя, предписывающее ему со всем своим войском немедленно выдвинуться за Днепр для промысла над неприятелем, Мазепа отвечает (18 июля), что не может этого сделать по причине своей «педокгричной и хирокгричной болезни», из-за которой не в состоянии даже сесть на коня. Тогда Петр просит его препоручить руководство войском кому-либо другому. На это снова следует отписка: нет в Малороссии никого, кому можно это доверить, «я у здешних не токмо мало, но и никого так верного не имею и усмотреть такого коммендиера не могу, который бы сердцем и душою, верне и радетьельне вашему царскому величеству под сей случай служил, на подсылки неприятельские и на прелести его недремательне смотрел, остерегал и всячески пресекал».

Царь и его окружение с полным доверием воспринимают все эти выдумки и засыпают изменника пожеланиями скорейшего «выздоровления». Между тем время идет, шведы уже у границ Малороссии, а малороссийский гетман со своими войсками по-прежнему не двигается с места. И это несмотря на самую настоятельную потребность в них! В течение почти двух месяцев идет интенсивная переписка без каких-либо практических результатов. Мазепа по-прежнему сидит в Батурине, никуда не двигаясь. В дополнение к «подакгрической болезни» предатель усиленно муссирует тему ненадежности малорусского населения, якобы в любую минуту готового перевернуться на сторону неприятеля, что также лишает возможности «верного гетмана» присоединиться к действующей Русской армии: «Если я особою моею гетманскою, оставя Украйну, удалюсь, то вельми опасуюсь, дабы под сие время внутреннее между здешним непостоянным и малодушным народом не про-

изошло возмущение, наипаче когда неприятель, исполняя враждебное свое намерение, похочет тайным яким-нибудь образом прелестные свои листы в города подсылать». И эта несусветная ложь проходит!

Минует июль, август, наступает сентябрь — гетман не двигается с места, и никому в голову не приходит проверить, насколько соответствуют действительности даваемые им объяснения. Уже шведы вторглись в Малороссию, Головкин шлет изменнику письмо за письмом, требуя, чтобы тот выступил со своими полками к Стародубу, а он, по-прежнему не двигаясь с места, прикрывает свой саботаж очередными порциями лжи, на этот раз о будто бы вспыхнувших повсюду в крае бунтах. «Тут, в Украине, внутренний огонь бунтовничий от гультаев пьяниц и мужиков во всех полках начал разгораться», — пишет он 8 октября Меншикову. А затем, приводя многочисленные «факты» якобы свершенных «убийств» и «грабежей», многозначительно вопрошает: «Рассуди, ваша княжая светлость, своим высоким благоразумием, какая в том польза будет интересам монаршим, если я пойду в Стародубовщину оного только полку оборонять, а тут всю Украину в таких трудностях, опасностях и в начинающемся бунтовничьем пожаре на крайнее разорение оставляю».

Он и сам не верил, что столько времени сможет водить за нос своих высокопоставленных корреспондентов, и с каждым новым своим донесением ждал неминуемого разоблачения. А ему верили, невзирая на все странности его поведения в течение последних четырех месяцев. Меншиков, пересылая письмо гетмана Петру, пишет: «Мне кажется, до Стародуба его ради тех противностей заволакивать не для чего, что отдаю в ваше высококздравое рассуждение». И Петр соглашается, что гетмана «отволакивать ненадобно, понеже бóльшая польза его в удержании своих, нежели в войне»... Просто поразительная беспечность! Еще 1 октября в походную канцелярию Русской армии, находившуюся в то время в Почепе, прислан схваченный ранее польский шляхтич Якуб Улашин. При нем находят письмо к Мазепе польского резидента при Карле XII графа Понятовского. Письмо как будто безобидное: Понятовский просит гетмана отпустить на свободу его пленного брата, в воспоминание доброго приема, оказанного когда-то Мазепе в Луцке. Но сам посла-

нец вызвал подозрение. И не случайно! Подвергнутый пытке огнем, он, не выдержав мучений, объявил, что Мазепа предал Царя, и Понятовский послал к нему передать словесно, чтобы, как шведы войдут в Украину, он отписал бы к Понятовскому и при помощи Божией со всем Войском Запорожским пристава к шведской армии. И надо же, даже такого рода показаниям не придают никакого значения! В знак полного доверия копию с них отправили к Мазепе. Можно представить ужас, который охватил изменника, еще раз убедившегося, что жизнь его висит буквально на волоске. Понятно, что хитрая его «болезнь» обострилась еще больше...

Время шло, боевые действия в Малороссии разгорались со все большей силой, и Меншиков приглашает гетмана к себе для необходимых совещаний. Изменник в панике, видит в этом приглашении явную попытку прибрать его к рукам, возобновив «дело Кочубея», поэтому вместо себя направляет к князю племянника Войнаровского, который должен объявить о тяжелой, теперь уже «предсмертной» болезни гетмана и его отъезде из Батурина в Борзну для соборования маслом от киевского архиерея. Сам же «умирающий» тем временем шлет своего доверенного шляхтича Быстрицкого к Карлу XII. Во врученной посланцу без подписи и печати инструкции Мазепа высказывал великую радость по случаю пришествия королевского величества в Малороссию и уведомлял, что он, гетман, находится в большой опасности, почему и просит о скорой присылке войска на оборону, для которого обещает приготовить паромы на Десне у пристани Макошинской.

Между тем Меншиков 19 октября прибывает в Горск Черниговского полка, откуда пишет Царю, что ждал к себе Мазепу, но вместо него прибыл Войнаровский с известием, что гетман «при кончине своей жизни обретается». И с неподдельным огорчением добавляет: «И сия об нем ведомость зело меня опечалила, первое тем, что не получил его видеть, который зело мне был здесь нужен; другое, что жаль такова доброго человека, ежели от болезни его Бог не облегчит».

Тем временем в Борзну к Мазепе возвратился Быстрицкий с устным донесением, что сам Карл обещал быть у Макошинской пристани 22 октября. Но в этот день шведы не явились у Десны. Зато 23 числа прискакал

Войнаровский с известием, что завтра к обеду придет в Борзну Меншиков для свидания с «умирающим» гетманом. Войнаровский так торопился предупредить дядю, что бросил свои возы и слуг, умчавшись в полночь, ни с кем не попрощавшись. Нервы у заговорщиков были до того напряжены, что грядущий визит Меншикова они истолковали однозначно: гетмана и его сообщников ждет неминуемый арест. Перепуганный Мазепа «сорвался как вихрь» и в тот же день поздно вечером поскакал в Батурин, забрать богатейшую казну и сделать последние распоряжения, а на другой день рано выехал и, переправившись через Сейм, вечером приехал в Короп, где переночевал. На другой день, 24 числа, рано переправился за Десну и ночью достиг первого шведского драгунского полка. Отсюда отправил Ломиковского и Орлика к королю, а сам поехал за ними с отрядом, состоявшим всего из двух тысяч человек.

Между тем ничего не подозревавший Меншиков ехал в Борзну для свидания с гетманом, но на дороге встретил его полковник Анненков, который, по передаче гетманских извинений за поступок Войнаровского, сказал, что Мазепа из Борзны поехал в Батурин. Меншиков туда: нет гетмана. И здесь поразило его то, что встретил его один полк Анненкова, а все сердюки и батуринские жители перебрались в замок и засели в нем, мост был разведен, по стенам стояли вооруженные люди в строю с знаменами и пушками. Меншиков послал к ним полковника Анненкова спросить: для чего поступают по-неприятельски? Анненкова в замок не пустили и дали ответ со стены, что поступают по указу. Меншиков помчался в Короп, думая там застать, наконец, гетмана и получить от него объяснения, но, отъехав полторы мили от Батурина, узнал, что Мазепа уже за Десной. Меншиков отправился к Десне и из Макошина 26 октября уведомил Царя о своих разъездах за гетманом: «И чрез сие злохитрое его поведение за истинно мы признаваем, что конечно он изменил и поехал до короля шведского». А, зная, сколь безгранично доверял Петр Мазепе, присовокупил: «И тако об нем иначе рассуждать не извольте, только что совершенно изменил». Прозрение, запоздавшее минимум на двадцать лет, все же наступило...

Надо отдать должное Петру и его приближенным: застигнутые врасплох совершенно неожиданным для них

бегством и изменою Мазепы, они не потеряли головы, действовали быстро и решительно, не позволив противнику извлечь никаких выгод из возникшей ситуации. Уже 27 октября, получив письмо от Меншикова, Царь поручает ему созвать полковников и старшин для выборов нового гетмана. А на следующий день издает универсал к народу, в котором разоблачает подлинные цели и стремления изменника: «Известно нам, великому государю, учинилось, что гетман Мазепа, забыв страх Божий и свое крестное к нам целованье, изменил и переехал к неприятелю нашему королю шведскому, по договору с ним и Лещинским, от шведа выбранным на королевство Польское, дабы с общего согласия с ним малороссийскую землю поработить по-прежнему под владение польское и церкви Божии и святые монастыри отдать в унию». Изложив замыслы предателя, Петр также объявлял об отмене произвольных поборов с населения края: «Известно нам учинилось, что бывший гетман хитростию своею без нашего указа аренды и многие другие поборы наложил на малороссийский народ, будто на плату войску, а в самом деле ради обогащения своего, и сии тягости повелеваем мы ныне с малороссийского народа оставить».

30 октября в Погребках, где находился Царь, состоялся военный совет, на котором было решено немедленно отправить Меншикова для овладения Батурином, прежде чем туда войдут шведы с Мазепою. Неприятель, ведомый изменником, также спешил к этому городу, в котором Мазепа заблаговременно сосредоточил огромные запасы продовольствия, военных припасов и многочисленную артиллерию. 31 октября Петр писал Меншикову: «Сего момента получил я от Флюка [ведомость], что неприятель, пришед, стал у реки [Десны] на батуринском тракте, и для того изволь не мешкать». Меншиков успел в срок. 31 октября он подошел к Батурину, где его уже дожидался князь Дм. Мих. Голицын, безуспешно пытавшийся склонить к сдаче гарнизон, над которым начальствовали сердюцкий полковник Чечел и немец Кенигсен. Меншиков привел свой отряд к реке и хотел по мостам пройти в город, но из замка вывезли шесть пушек и направили их на мосты. Тогда Меншиков велел своим солдатам отойти ниже по реке, и когда они построились на берегу, из замка выехали пять человек и

кричали с другого берега, чтоб не ходили, а пойдут силою, то станут бить. Меншиков велел говорить им, чтобы прислали к нему человек двух или трех для разговора: отказали с бранью и уехали прочь. Тогда Меншиков велел переправить на лодках пятьдесят человек гренадер. Увидев это, стоявшие у пушек сердюки сразу побежали в замок. Таким образом, мосты были очищены и войска беспрепятственно стали перебираться через реку. «Сея ночи, — писал Меншиков, — совсем переберемся, а завтра с Божией помощью будем чинить промысл, ибо никакой склонности к добру в них не является и так говорят, что хотят до последнего человека держаться». Впрочем, ночью осажденные прислали Меншикову посланцев с письмом, в котором объявляли о своей верности Царскому величеству и готовности впустить его войска в замок, но при этом требовали, чтобы им было дано три дня сроку для свободного выхода. Меншиков понял, что осажденные лишь тянут время в надежде, что на выручку к ним успеют явиться шведы. «Довольно с вас времени намыслиться одной ночи до утра» — ответил он присланным. А утром из замка, хотя войска Меншикова ничего не предпринимали, их начали обстреливать из пушек и зажгли посад кругом города. Меншиков послал осажденным письмо, чтобы выходили свободно, ничего не боясь. Те снова ответили, что умрут, но замок не сдадут. День прошел в приготовлениях к приступу. 2 ноября Меншиков докладывал Петру: «Доношу вашей милости, что мы сего числа о шти [шести] часах пополудни здешнюю фортецию с двух сторон штурмовали и по двучасовому огню оную взяли». Петр, поблагодарив победителя, дальнейшую участь Батурина отдавал на его усмотрение: «Что ж принадлежит о городе, и то полагаю на вашу волю: ежели возможно от шведов в нем сидеть, то извольте поправить и посадить в гарнизон хотя драгун в прибавку к стрельцам... Бude же (как я от присланного слышал) оной не крепок, то зело лучше такую великую артиллерию вывезть в Глухов (которое там зело ныне нужно), а строенье сжечь, понеже когда в таком слабом городе такую артиллерию оставить, то шведы также легко могут взять, как мы взяли, и для того не изволь время терять, ибо сего дня шведы перешли реку и чаю завтра конечно пойдут к Батурину». Меншиков рассудил, что лучше город сжечь. Но истреб-

лению подлежало лишь «строенье» и то из припасов, что невозможно было вывезти ввиду быстрого приближения неприятельской армии. Никакого поголовного истребления жителей Батурина, включая «младенцев», о чем так любят плакаться «украинцы», разумеется, не было. Напротив, как мы видим, существовало стремление отстоять город, и только сложившаяся на тот момент военная обстановка не позволила это сделать. А после окончания боевых действий в Малороссии разбежавшиеся жители Батурина снова вернулись обратно и восстановили город. Примечательно, что в июне 1726 года указом Императрицы Екатерины I Меншикову был дан во владение Батурина с 1300 дворов...

Шведская армия прибыла к Батурину, когда его развалины еще дымилась. Эти свежие руины произвели на всех самое тягостное впечатление. Допрошенный несколько дней спустя сотник Корней Савин рассказал, как «король и Мазепа пришли к Батурину и стали над Сеймом и ночевали по разным хатам. И Мазепа, видя, что Батурин разорен, зело плакал». Взятие и истребление Батурина стало для изменника, конечно, страшным ударом. Сгнули богатейшие припасы; люди, на деле доказавшие свою верность к нему, побиты или взяты в плен, да и сам факт сожжения гетманской столицы Русской армией почти в виду непобедимых шведов являл дурное предзнаменование. «Злые и несчастливые наши початки! — горестно воскликнул Мазепа, созерцая обломки бывшей своей резиденции. И, словно предчувствуя грядущую катастрофу, присовокупил: — Знатно, что Бог не благословит моего намерения...» То, что с самого начала всем было ясно, наконец стало открываться и ему. Его измена единодушно была отвергнута народом, а имя предано вечному проклятию и позору.

6 ноября в Глухове состоялись выборы нового гетмана, *«где все, как одними устами, выбрали Скоропадского, полковника стародубского: и тако проклятый Мазепа, кроме себя, худа никому не принес, ибо народом и имени его слышать не хотят, и сим изрядным делом вам поздравляю»*, — писал 7 ноября довольный Петр. В этот же день приехавшие в Глухов митрополит Киевский с двумя другими архиереями, Черниговским и Переяславским, в особой церемонии предали вечному проклятию Мазепу и его сторонников. Затем на площадь вынесли набитое

чучело изменника. Был зачитан приговор о преступлении и казни его, разорваны князем Меншиковым и графом Головкиным жалованные ему грамоты на гетманский уряд, чин действительного статского советника и орден святого апостола Андрея Первозванного и снята с чучела орденская лента. После чего бросили палачу это изображение изменника, все попирали его ногами, а палач тащил чучело на веревке по улицам и площадям городским до места казни, где и повесил. На другой день были казнены полковник Чечель и еще несколько старшин, возглавлявших оборону Батурина. Тогда же была восстановлена справедливость в отношении родственников казненных Кочубея и Искры, которые все это время скрывались от Мазепы в разных местах, в основном в Слободской Украине. Тотчас после бегства изменника Меншиков отправил старшему сыну Кочубея Василию письмо: «Господин Кочубей! Кой час сие писмо получишь, той час поезжай до царского величества в Глухов и возьми матку свою и жену Искрину и детей, понеже великая милость государева на вас обращается». Оба семейства сумели добраться до Царской ставки, когда та находилась уже в Лебедине. Здесь и узнали, что по Царскому повелению гетман Скоропадский издал универсал, которым возвращались вдове Кочубея с детьми и ее сестре, вдове Искры, оставшейся бездетною, все маестности покойных мужей с некоторою прибавкою новых. В это же время был возвращен из ссылки оклеветанный Мазепою полковник Палей.

А 12 ноября проклятие Мазепе было провозглашено в Москве. В Успенский собор съехались архиереи, бояре, приехал царевич Алексей Петрович, и протодиакон на амвоне начал читать письмо от великого государя к царевичу, что бывший гетман Мазепа, забыв страх Божий и крестное целование, ему, великому государю, изменил и отъехал к шведскому королю. Потом отслужили молебен о победе над неприятелем, и митрополит Стефан Яворский стал читать к народу поучение про изменника Мазепу. Окончивши поучение, Стефан обратился к другим архиереям и сказал: «Мы собраны во имя Господа Иисуса Христа, и нам дано от самого Бога вязать и решить; аще кого свяжем на земли, связан будет и на небеси», — и возгласил трижды: «Изменник Мазепа за крестопреступление и за измену великому государю

буди анафема!». Прочие архиереи пропели трижды: «Буди проклят!». Затем певчие на клиросах пропели многолетие великому государю и новоизбранному гетману Скоропадскому.

В то же время в Малороссии читали по всем храмам и прибывали к церковным дверям воззвание малороссийских архиереев: «Благочестивейшему монарсе нашему бывший гетман Иоанн Мазепа изменил и пристал к еретическому королю шведскому, малороссийские отчизны отчуждился, хотя оную под иго работы лядской подати и храмы Божии на проклятую обратити унею. Сего ради Духу Св. и нам, малороссийским архиереям, тако изволившим, чужд стался церкви святые православно-кафолические и общения правоверных, и все его единомысленники с ним самоизволне от его царского пресветлого величества до противные части шведские уделившиися, от матери нашае церкви св. восточные суть отвержении и прокляты». Церковь в полный голос озвучила народный приговор изменнику и своим «Буди проклят!» подтвердила, что этот приговор пересмотру не подлежит и остается в силе до скончания времен.

Иначе и не могло быть, Малороссия не стала на путь предательства, несмотря на лживые посулы гетмана-иуды и пригревших его оккупантов. В ноябре Петр писал Апраксину: «Малороссийский народ так твердо, с помощью Божьей, стоит, как болше нельзя от них требовать; король посылает прелестные письма, но сей народ неизменно пребывает в верности и письма королевские приносит». Причем, отсутствие всяких шатаний и сочувствия предателю проявлялось во всех сословиях и общественных группах малороссийского общества. Уже в день бегства Мазепы Меншиков сообщал: «В здешней старшине, кроме самых вышних, також и в подлом народе с нынешнего гетманского злого учинку никакого худа ни в ком не видать, но токмо ко мне изо всех здешних ближних мест съезжаются сотники и прочие полчане и приносят на него в том нареkania, и многие просят меня со слезами, чтоб за них предстательствовал и не допустить бы их до погибели, ежели какой от него, гетмана, будет над ними промысл, которых я всяким обнадеживанием увещаваю, а особливо вашим в Украйну пришествием, из чего они, по-видимому, в великую приходят радость». Власть этого иуды всегда держалась лишь

на страхе. Подлый, беспринципный и жестокий, готовый пойти на любое преступление, чтобы эту власть сохранить, — он умел внушить страх. Даже узнав о его поспешном бегстве, все еще боялись его мести, почему и просили защиты, но еще больше его ненавидели. Ненавидели именно за то, что изначально видели в нем предателя. И только.

Да что говорить о народе, если даже те, кто первоначально присоединился к его замыслу, при первой возможности бежали от него, как от прокаженного. Уже 21 ноября ушли из шведского стана миргородский полковник Апостол и генеральный хорунжий Иван Сулима, а также другие старшины. 19 декабря ушел компанейский полковник Галаган и с ним тысяча (!) человек. Причем по дороге они разбили шведов, преградивших им путь, взяв в плен шестьдесят восемь офицеров и рядовых. С изменником осталось несколько сот человек, да и те разбежались бы, но шведы, после этих побегов переставшие доверять воинству Мазепы, зорко следили за ними, переведя их, по сути дела, на положение военнопленных. Да и сам Мазепа был поставлен под контроль: при нем неотступно стоял почетный караул, по видимости для чести, а в сущности, для того, чтобы присматривать за ним.

Лишь запорожцы откликнулись на изменнические призывы Мазепы, да и то далеко не сразу. При этом и двигали ими исключительно корыстные мотивы, жажда подзаработать на чем угодно, хотя бы и на измене Родине. За последние полсотни лет Сечь решительно изменила свой характер. В прошлом остались героическое противостояние «бусурманам», борьба с Польшей, жертвенная защита веры и свободы своего народа. Славные свершения эпохи Освободительной войны давно уже стали для «степного лыцарства» пустым, ничего не значащим преданием. Не лихими набегами на татар и турок, не героическим сопротивлением костелу и панству славилась теперь Запорожская Сечь, а дерзкими и циничными грабежами, не столько чужих, сколько своих. Только такого рода «подвигами» и отмечены были последние полвека ее истории, только в них и являлась теперь запорожская удаль. И начало Северной войны застало «степную вольницу» в последней стадии нравственного разложения, когда грабеж и разбой превратились в единственный смысл ее существования. Хро-

ники этого времени обильно демонстрируют примеры окончательной деградации Запорожья... В 1701 году ограблен запорожцами греческий торговый караван, направлявшийся к Чигирину. Захваченные товары отвезли они в Сечь, где, разрезав тюки и кипы, поделили награбленное, в том числе драгоценные камни и жемчуг ценою в несколько тысяч талеров. Так как греки являлись турецкими подданными, разгорелся международный скандал. В итоге гетману Мазепе, выступавшему и от лица Войска Запорожского, пришлось возместить по требованию Русского правительства материальный ущерб ограбленным купцам. Но тут же новая напасть: ограблены запорожцами селитренные майданы, завезенные на берегах Самары, а у жителей близлежащих селений угнаны волы и забрано имущество. Осенью 1702 года очередной грабеж, на этот раз государственной казны. Сопровождавшие ее капитан Суходольский и два солдата убиты, а бывший при них священник исколот копьями и замертво брошен в терновнике. И так год за годом: грабежи, нападения, убийства. Сечь оформилась в настоящее разбойничье гнездо. Давным-давно перестав служить вооруженным оплотом Русского народа на юге, она превратилась в паразитический нарост на его теле, рассадник анархии и крамолы. Тем не менее в условиях начавшейся войны приходилось считаться с этим степным воинством и обеспечить если уж не поддержку с его стороны, то хотя бы лояльность. Тем более после вступления на территорию Малороссии неприятельских войск и открытой измены Мазепы.

Сразу же после избрания Скоропадского Петр обратился к запорожцам со специальной грамотой, в которой, приглашая их быть послушными новому гетману, писал: «Уповаем мы на вашу к нам, великому государю, верность, что вы за отчизну свою и за православную веру и за нас стоять и богоотступного изменника Мазепы прелестей слушать не будете и наша милость к вам за ваши верные службы никогда отъемлема не будет». Раскрывала грамота и ту неблагоприятную роль, которую играл Мазепа по отношению к Запорожской Сечи, будучи малороссийским гетманом: «Когда прошлые зимы ваши посланные челобитчики о нашем жалованье были удержаны на Москве, також когда и преж сего наш великого государя гнев на вас являлся, и то все учинилось по пись-

мам и ложным доношениям изменника Мазепы, который к нам писывал на вас почаству, будто вы к нам неверность свою являете, хотя вас теми своими лживыми клеветы привести в нашу немилость, но ныне мы, видя, что он, вор и изменник Мазепа, то чинил по изменничью своему умыслу напрасно, милость свою за верные и постоянные ваши службы приумножать и вас в оной милости содержать будем непременно».

В Запорожье грамоту повезли стольники Кисленский и Теплицкий, а вместе с нею и деньги — 12 000 рублей на войско, 500 червонных кошевому, старшине 2000 рублей. От нового гетмана поехал лубенский сотник Савич, а от лица малороссийского духовенства иеромонах Иродион Жураковский. Запорожцы деньги взяли, а вот призыв «верно стоять за отчизну свою и за православную веру» оставили без всякого внимания. Наоборот, постигнув, что для отчизны наступил тяжелый, критический момент, решили с лихвой воспользоваться ее бедственным положением и путем неприкрытого шантажа добиться для себя серьезных привилегий. Почему и потребовали в ответной грамоте, чтобы Переволочный перевоз на Днепре, а также все мельницы по рекам Пселу и Ворскле были отданы в их полное владение, да чтоб городки по Самаре и крепость в Каменном Затоне были ликвидированы. И уж совсем несуразное требование о том, чтоб в малороссийских городах полковников не было, а была бы вольница, как в Сечи.

Заведомая невыполнимость условий этого наглого ультиматума вскоре нашла свое объяснение: была перехвачена грамота запорожцев к Мазепе, в которой они просили, чтобы были присланы к ним уполномоченные от королей шведского и польского, также и от Мазепы, для заключения договоров, за кем им быть, а для разорения Каменного Затона чтоб присланы были войска, и как только эта крепость будет разорена, запорожцы поспешат к шведам на помощь против русских войск. Поживившись от одной стороны, они теперь все свои взоры обратили к другой: нельзя ли и там пожить? и заранее хотели знать: во что оценят их измену Мазепа и его покровители?.. Впрочем, до весны 1709 г. они себя ничем более не проявили. Только 11 марта Гордиенко и с ним 1000 запорожцев объявились у Переволочной, где сидел присланный из Сечи гарнизон из 500 человек под началь-

ством полковника Нестулея. Сюда же прибыли мазепинские посланцы: генеральный судья Чуйкевич и полковник Мокиевский. На следующий день собрали раду, на которой зачитали послание Мазепы. В нем изменник, между прочим, уверял, что сам слышал, как Царь говорил: «Надобно искоренить этих воров и злодеев запорожцев». Приводилась в послании и прежняя сказка о намерении правительства выселить всех жителей Малороссии за Волгу. Кроме послания Мазепа передал кошевому и деньги. Костя Гордиенко принялся раздавать их прямо на раде. Понятно, что войсковое товарищество тут же дружно прокричало в пользу присоединения к шведам. Была отправлена депутация к Карлу XII, который в это время находился в Будишах. Запорожские посланцы прибыли сюда 19 марта и были допущены к королевской руке. Изменников щедро поили и кормили, но при этом обратили внимание, что напиваются они до безобразия, поэтому фельдмаршал Реншильд потребовал, чтобы десять из них, которых представят королю при последней аудиенции, не напивались ранее обеда. Запорожцы сдержались, но стоило им это немало труда.

Между тем их товарищи во главе с кошевым Гордиенко начали неприятельские действия против Русской армии. Действовали они, впрочем, чисто воровским способом. Вначале в Кобылянках напали врасплох на стоявший здесь немногочисленный отряд и, порубив 40 человек, скрылись, а на следующий день в Царичевке подвергли внезапной атаке бригадира Кампеля и, хотя были отбиты с большим уроном, сумели взять в плен 115 русских солдат. Это был их первый и последний боевой успех. Дальнейшие «операции» степного воинства свелись к грабежу неукрепленных городков Полтавского полка и с военной точки зрения никакого значения не имели. Зато важны были с политической стороны. Поэтому, когда 20 марта к Будишам прибыл с несколькими тысячами казаков сам Костя Гордиенко, встречали его с большой помпой. Вначале Мазепа. Они, впрочем, с Гордиенко были старыми знакомыми, хотя лично встретились впервые и мнение имели друг о друге вполне сложившееся. Мазепа, например, еще в 1701 г. жаловался Головину: «Вижу, дондеже того проклятого пса, кошевого Кости Гордеенка, не станет, по тех мест не надеяться к твердой и всецелой от запорожцев вер-

ности. Не знаю, какой другой изобрести способ, дабы не токмо того безбожного тот уряд, но и дни его прекратить. Ныне паки пишу к желательным моим в Сечь, желая, чтоб сыскался и поднялся такой человек, дабы его, проклятого пса, не стало». «Прекратить дни» Кости Гордиенко Мазепе, несмотря на все старания, не удалось, но кое-чего он все же добился и в июле 1703 г. с торжеством сообщал в Москву: «Слава Господу Богу! Радением и неусыпным моим старанием проклятый пес Костя кошевой если не испустил проклятой своей души, то по крайней мере с кошеводства с бесчестьем скинут». Радость, однако, была не долгой: Гордеенко снова избрали кошевым и 7 января 1705 г. Мазепа в очередной раз жалуется Головину: «Запорожцы ни послушания, ни чести мне не отдают, что имею с теми собаками чинити? А все то приходит от проклятого пса кошевого... для отмщения ему разных уже искал я способов, чтоб не только в Сечи, но и на свете не был, но не могу найти, а все от дальнего расстояния и некому поверить»... Теперь «дальнее расстояние» не помеха, но «проклятый пес» ходит в наилучших друзьях: они с Мазепой с этой минуты поделницы и былую ненависть скрывают за дружелюбными объятиями и клятвами в верности. Все это не более чем маска. Когда дела их пойдут худо и будут они, вместе с разгромленной у Полтавы шведской армией, мчатся от Переволочной в заднепровские степи, застарелая ненависть даст о себе знать. Да и шкурный интерес сыграет не последнюю роль. Запорожцы, хорошо зная, что Царь многое им простит, к тому же и щедро одарит за выдачу старого изменника, попытаются его схватить. Граф Понятовский так описал эту попытку: «На третий день в ночь в лагере возникла тревога. Казаки, которые возмущались против Мазепы, хотели разграбить его телеги, где у него были большие ценности, а его самого схватить и выдать Царю». Затея не удалась — шведы не позволили завладеть Мазепой и выкупить запорожцам прощение за свою измену выдачей такого же изменника. Пришлось им и дальше следовать со своими неудачливыми хозяевами. А когда беглецы примчались уже к Бугу, их настигла русская кавалерия. Мазепе обеспечили переправу через Буг (Гордиенко тоже удалось уйти), а запорожцы были большей частью изрублены на месте или взяты в плен... Но это в будущем, хотя и не таком уж далеком, а пока объятия, клятвы, пышные речи...

После представления Мазепе кошевого и старшину пригласили к обеду. Угощали долго и обильно. Гости всю прославляли щедрость хозяина и клялись ему в верности. Но когда опьянели и стали покидать помещение, начали хватать и уносить с собой разную утварь. Возмущенный дворецкий Мазепы упрекнул их: «Вы рады были бы ограбить этот дом; такой у вас обычай — делать подобное, куда вы только заберетесь». Несмотря на очевидную справедливость упрека, запорожцы почему-то сильно на него обиделись и даже пригрозили немедля уехать. Мазепа, узнав об этом, в панике прислал к Гордиенко сказать, что выдаст им дворецкого на расправу. Столь откровенное заискивание слегка успокоило запорожцев. А последовавшая затем выдача дворецкого и вовсе удовлетворила. Несчастливого повалили на землю, топтали ногами, перебрасывали между собой от одного к другому, пока, наконец, один из них не ударил его ножом в живот, после чего тот и умер. Конфликт был, таким образом, благополучно разрешен. На следующий день Гордиенко с 50 товарищами представлялся королю. Все были допущены к королевской руке. Запорожцы с гордостью демонстрировали взятых в плен в Царичевке русских солдат. Снова речи и обещания с двух сторон. Затем в продолжение нескольких дней по королевскому приказу угощали запорожцев. Те, кто был в деле у Царичевки, получили от него 1000 золотых в раздел между собой. Гордиенко и старшины получили еще особые суммы от короля. Мазепа от себя подарил 50 000 золотых на все войнство, а каждому из сечевых старшин — дополнительную сумму. После всех этих щедрот запорожская вольница в будищанской церкви присягнула на верность Мазепе и его хозяину шведскому королю, обязуясь всеми наличными силами сражаться на стороне последнего. Впрочем, численность этих сил не превышала пяти-шести тысяч, не было иллюзий и в отношении их боевых качеств. Карл XII еще в 1707 г. отзывался о запорожцах так: «Я заметил по опыту, что казаки способны оказывать услуги, когда приходится преследовать неприятеля, но вообще во время войны на них нельзя полагаться». На них и не собирались полагаться. Здесь важен был политический момент. Те жалкие полторы-две тысячи «войск», что привел с собою Мазепа (к тому же быстро таявших из-за массового бегства), явно не

соответствовали представлению о верховном правителе целого «малороссийского народа», поэтому срочно требовалось «подкрепление». Шесть тысяч запорожцев явились как нельзя кстати и хотя бы отчасти могли исполнять при Мазепе роль «народа», который будто бы следовало освободить от «московского ярма». Почему с ними так и носились и Мазепа, и шведы...

Между тем все это время — с ноября 1708 по апрель 1709 года — русское правительство не теряло надежды удержать запорожцев от измены и бесцельно тратило время на увещевание и задабривание их. И только по получении известий о появлении Гордиенко в шведском стане Петр приказал Меншикову истребить гнездо бунтовщиков до основания. Меншиков возложил исполнение этого поручения на полковника Яковлева, но велел ему по прибытии на место прежде всего объявить запорожцам от имени государя, что если они принесут повинную, выберут нового кошевого атамана и прочих старшин и пообещают при крестном целовании верно служить государю, то все их вины простятся и сами они будут при прежних своих правах и вольностях.

Полковник Яковлев с тремя полками сел на суда под Киевом и двинулся вниз по Днепру. Спускаясь по реке, он, прежде всего, 16 апреля, прибыл к местечку Келеберда, где находился небольшой гарнизон запорожцев. Яковлев послал им требование о добровольной сдаче, но, получив отказ, приказал взять городок приступом. Келеберду выжгли полностью, пощадив только церковь, и двинулись дальше. 18 апреля Яковлев был уже у Переволочны, в которой находился запорожский полковник Зинец с тысячью сечевиков. В городке имелся укрепленный замок с достаточными запасами, и его защитники надеялись продержаться достаточно долго, поэтому на предложение сдаться отвечали выстрелами из пушек и ружей. Однако продержаться они сумели лишь два часа, и почти все были истреблены, в плен попало только 12 человек. В Переволочне была самая удобная переправа через Днепр, и поэтому здесь находился большой запас судов, на которых сразу можно было переправить через реку до 3000 человек. Полковник Яковлев приказал все эти суда сжечь, также велел истребить огнем все имеющиеся в местечке мельницы и всякое хоромное строение. Спускаясь далее вниз по Днепру, он

достиг сначала Нового, а затем и Старого Кодака. В обоих местечках находившиеся там запорожцы и жители сдались добровольно и были отправлены в крепость Новобогородицкую, сами городки сожжены с тою целью, чтобы в будущем не превратиться в пристанище для «воров». Затем, успешно преодолев днепровские пороги, Яковлев прибыл 7 мая к Каменному Затону. В сам городок не вошел, а расположился рядом и оттуда послал в Запорожскую Сечь казака Сметану с увещательным письмом от князя Меншикова. Но запорожцы утопили Сметану в речке. Тогда Яковлев послал им второе письмо лично от себя. На это письмо запорожцы отвечали, что бунтовщиками себя не считают, признают над собой власть Царского величества, но войск его в Сечь не пустят. Три дня Яковлев ничего не предпринимал, все еще рассчитывая порешить дело миром, но один запорожец, взятый в плен и подвергнутый допросу, сообщил, что в Запорожье ожидают скорого прибытия татар и только поэтому тянут время. Яковлев немедленно отдал приказ о подготовке к штурму. Но в эту пору весеннего половодья Сечь полностью была окружена водой и подойти к ней не представлялось возможным. Тогда решили возвести шанцы, установить на них пушки и открыть стрельбу через воду. И эта попытка завершилась полной неудачей: ядра просто не долетали до цели. Попробовали атаковать Сечь на лодках — и снова неудачно: Яковлев потерял убитыми около двух сотен человек, среди них несколько офицеров. Часть солдат попала в плен и была «срамно и тирански» умерщвлена прямо в Сечи. Эта дикая расправа вызвала взрыв негодования среди осаждавших, но взять Сечь по-прежнему не представлялось возможным. Помог случай. На помощь к Яковлеву от генерал-майора Волконского был послан полковник Игнатий Галаган (недавно перед этим ушедший от Мазепы) с казаками и драгунами. У Запорожья они появились 14 мая. Его защитники, завидев издали несшееся войско, посчитали, что то спешат им на выручку давно ожидаемые татары. Вдохновленные этим запорожцы устремились на вылазку. Солдаты Яковлева бросились им навстречу и, обратив в бегство, ворвались на их плечах в самую Сечь. Запорожцам дорого пришлось заплатить за проявленную несколькими днями ранее жестокость. Большинство из них были убиты, несколь-

ко сот взято в плен: кошевой атаман, войсковой судья, 26 куренных атаманов, 2 монаха, 250 простых казаков, 160 человек женщин и детей. 156 казаков, включая и многих атаманов, было сразу казнено, причем несколько человек были повешены на плотках и пущены вниз по Днепру в назидание другим изменникам. Выполняя Царский указ, полковник Яковлев сжег все курени и всякое строение в Сечи. Оплот измены в тылу Русской армии был уничтожен. Получив известие об этом, Петр с чувством облегчения писал в Москву графу Федору Матвеевичу Апраксину: «Объявляю вам, что полковник Яковлев Запорожье штурмовал; и хотя с 300 человек потерял, однакож оное проклятое гнездо взял и оных воров всех порубил; и тако последний корень Мазепин, с помощью Божией, выкоренен, чем вашу милость и поздравляю».

Так была развеяна последняя надежда гетмана-изменника обрести хоть какую-то опору в Малороссии. К этому же времени (апрель 1709) со всей определенностью обозначилась и тщетность его надежд на военную победу Карла XII.

Вся пагубность для шведской армии ее движения в Малороссию стала очевидной уже в сентябре 1708 года. 28 числа русские войска у деревни Лесной разгромили корпус генерала Левенгаупта, спешивший на соединение с главной армией, но не успевший этого сделать в виду резкого поворота направления ее движения на юг. В сражении у Лесной шведы потеряли только убитыми пять тысяч, еще три тысячи попали в плен. Весь грандиозный обоз, состоявший из 8 тысяч телег, груженных провиантом, порохом и другими припасами, в которых так остро нуждалась шведская армия, частью попал в руки русских, частью был уничтожен. Русским досталась и огромная казна, представлявшая собой контрибуцию, собранную Левенгауптом в Курляндии и Литве.

О том, насколько тягостное впечатление это поражение произвело на Карла XII, свидетельствует его первая, непосредственная реакция на известие о нем. Когда 1 октября в Костеничах к нему на квартиру привели только что прибежавшего из корпуса Левенгаупта солдата, сообщившего о произошедшем сражении и о том, что ночью Левенгаупт со всей армией спешно бросил лагерь и ушел от русских, король отказался ему поверить

и все твердил, что солдат лжет. Однако когда за первым вестником явились и другие, Карл XII не мог скрыть своего беспокойства и тревожного волнения. Он лишился сна, ночью не ложился в постель и не мог подолгу оставаться один. По ночам неожиданно приходил то к одному, то к другому из своих генералов, долго сидел у них и молчал. Но они по мрачному выражению его лица догадывались: он уже и сам понял, что прибежавший солдат не лгал и что какое-то страшное несчастье действительно стряслось с Левенгауптом. А 12 октября генерал с остатками своего отряда явился к королю и сообщил, что бросил весь обоз, почти всю артиллерию, весь порох и ушел ночью, чтобы спасти хотя бы часть своих солдат (около семи тысяч из бывших при нем шестнадцати). Это было страшным ударом для Карла XII и его армии, потому что острая нехватка продовольствия теперь, в связи с потерей обоза Левенгаупта, должна была еще более усугубиться. Но этот удар был далеко не последним.

«Плодородная страна», в которую вступили шведы, с самого начала развеяла их радужные надежды. Они мечтали получить здесь в достаточном количестве продовольствие — его не было. Взятый в плен 29 сентября около Стародуба волынский шляхтич Якуб Улашин при допросе показал: еще идя по Белоруссии, шведы испытывали такой жестокий недостаток провианта, что «многие люди и лошади помирали... и для того голоду многие из офицеров били челом королю об отпуске и король де их из службы не отпускал, а увещевал их, что будут иметь в Украине во всем довольство». Но вот уже полков пятнадцать «перешли через нужные леса» (т.е. вступили на Украину), а «довольства великого ни в чем не имеют, потому что люди из сел и деревень все уходят в леса, а на продажу ничего к ним не везут, а питаются тем [шведы], что где сыщут в ямах».

Действительно, едва получив весть о приближении неприятеля, крестьяне разбегались во все стороны, сжигали или закапывали в землю, прятали в соседних лесах все, что только могли, и исчезали. Для шведов это стало полной неожиданностью. В рассылаемых повсюду универсалах они старались убедить жителей, что прибыли сюда с самими благими намерениями, что шведский король принимает их всех в свою милость и охранение, только бы они жили в своих домах покойно с женами и

детьми и «со всеми их пожитки, без побержки и безо всякого страху». Жителям также настоятельно рекомендовалось «сколько можно на продажу приприводить запасу до войска его королевского величества». Тем же, кто будет причинять «якую бы шкоду [вред]» шведским войскам или будет «себе в лесах своими пожитками ховать», воззвания грозили суровыми наказаниями. Но в целом все подобные «листы», составляемые то ли Мазепой, то ли кем-то из его приближенных, бежавших вместе с ним к шведам, дышали нарочитым оптимизмом и верой в то, что «каждый верный житель будет думать на свои старые вольности и благополучие», и помнить, что Царь московский их неволит и что «их старые вольности утрачены», и он же, Царь, «домы их и животы попалил и до конца разорил».

Ясно, что вся эта пропаганда никакого практического действия на малороссов не оказала. Враждебность населения к вторгшемуся неприятелю не только не уменьшалась, но возрастала с каждым днем. Шведы недоумевали, они (стараниями Мазепы) рассчитывали на совсем иной прием — и жестоко обманулись. А между тем это было только начало, самое страшное их ждало впереди, ведь бегство местных жителей в леса было лишь одним из проявлений разгоравшейся народной войны против непрощенных «освободителей». В тот самый день, когда Левенгаупт с остатками своего войска прибыл к королю (12 октября), адъютант кн. Меншикова Федор Бартенев доносил, что «черкасы» не только шведам продавать «ничего не возят», но и начали уже создавать партизанские отряды: «...а по лесам собрася компаниями ходят и шведов зело много бьют и в лесах дороги зарубают». И в этой части обещания Мазепы оказались полным блефом: не хлебом-солью встретили жители Малороссии неприятеля, а беспощадным истреблением при малейшей к тому возможности.

В ответ шведы стали прибегать к беспощадному террору, стремясь сломить сопротивление Русских. Королевский летописец Адлерфельд свидетельствует: «10 декабря полковник Функ с 500 кавалеристами был командирован, чтобы наказать и образумить крестьян, которые соединялись в отряды в различных местах. Функ перебил больше тысячи людей в маленьком городке Терее (Терейской слободе) и сжег этот городок, сжег так-

же Дрыгалов (Недрыгалово). Он испепелил также несколько враждебных казачьих деревень и велел перебить всех, кто повстречался, чтобы внушить ужас другим».

Но запугать Русских не удалось, они продолжали уходить в леса и выходили оттуда только за тем, чтобы истреблять неприятельские войска. Неожиданно наскочившая на мелкие партии шведских солдат, ездивших за фуражом и продовольствием, они беспощадно их уничтожали, чем крайне затрудняли снабжение и без того уже голодавшей шведской армии. Беспokoили шведов и в тех местах, где последним удавалось расположиться на квартиры. Стоило только солдатам или офицерам выйти за чем-либо из своих помещений, как они становились жертвой внезапных нападений. Некоторые из смельчаков были пойманы шведами и казнены, но нападения продолжались. В Решетилровке схватили двух мужиков, которые подкладывали огонь под избу. Им отрезали уши и носы и в таком виде отправили к русским войскам, но террор оккупантов несколько не приостановил дальнейшего расширения партизанской войны. «Таким образом, — писал Густав Адлерфельд, — мы постоянно находились в драке с обитателями, что в высшей степени огорчало старого Мазепу». А на что он рассчитывал? Его «огорчение» лишний раз демонстрирует нам, насколько он был далек от народа, над которым властвовал столько лет, и насколько был ему чужд.

Не удалось шведам получить и обещанных Мазепой зимних квартир: ни Стародуб, ни Новгород-Северский, ни другие укрепленные города не поддались им, а на организацию их осады не хватало сил. Но и те города, которые не были защищены надежными укреплениями и не имели воинских гарнизонов, обычно приходилось брать с боем: жители наотрез отказывались впускать неприятеля и оказывали яростное сопротивление. 30 ноября шведы подошли к местечку Недрыгайлову силою в 1500 человек конницы, спешили и потребовали, чтобы их пустили. Жители немедленно покинули посад и укрылись в замке. «И прежде стрельбы говорили они шведы недрыгайловским жителям, когда они от них ушли в замок, чтобы их пустили в тот замок, а сами бы вышли, и обещали им, что ничего им чинить не будут. И они из города с ними говорили, что их в город не пустят, хотя смерть примут. И те слова они шведы выслушав,

стали ворота рубить, потом по ним в город залп дали, а по ним шведов из города также стреляли и убили шведов 10 человек. И они шведы, подняв тела их, от замка отступили, и стали на подворках и церкви и дворы все сожгли».

Отказались впустить шведов и жители местечка Смелое, открыв в виду неприятеля ворота русскому отряду генерала Рена. После кровопролитного сражения, когда два шведских полка потерпели поражение, генерал Рен скоро удалился, а Карл XII приказал Смелое сжечь дотла. Сожжено было и местечко Олешня (11 февраля 1709) за оказанное неприятелю сопротивление. Четыре шведских полка долго не могли взять этого городка, отчаянно защищаемого вооруженными как попало жителями, а когда, наконец, ворвались в него, зверски перебили всех оставшихся в живых, свыше 500 человек. Сожгли шведы и деревню Рублевку (17 февраля). При этом всех женщин и детей в лютый мороз вывели в степь и, обрекая на верную смерть, бросили там. Вся их вина заключалась в том, что мужчины деревни при подходе шведов покинули ее и при этом стали отстреливаться от посланной погони.

Народная война, с которой столкнулись шведы при своем вступлении в Малороссию, стала важнейшим фактором, предопределившим окончательную гибель их армии. Полтава стала лишь завершающим ее аккордом. Карл XII, поверивший в реальность заманчивых предложений Мазепы, не обрел в Малороссии ни надлежащих зимних квартир для своей армии, ни столь необходимых для нее продовольствия и фуража. Полгода (с сентября 1708 по апрель 1709) были потрачены королем на бесцельные блуждания по Малороссии, в ходе которых не только истаяла численность его доселе непобедимой армии, но и был подорван ее боевой дух. Не сумев овладеть ни Стародубом, ни Новгород-Северским, шведы по совету прибывшего к ним 24 октября Мазепы двинулись в его столицу, Батурин. Но 2 ноября Меншиков взял и сжег город, вывезя из него всю артиллерию и припасы. От развалин Батурина Карл, опять же по совету Мазепы, пошел в Ромны (середина ноября), а затем, спустя несколько недель, в Гадяч (18 декабря). К существенному урону, который наносили шведам в предыдущие месяцы внезапные нападения партизан и мелкие, но частые стычки с регулярными русскими войсками,

прибавились страшные потери от установившихся в это время жестоких морозов. Шведские очевидцы рисуют жуткую картину вступления в Гадяч, к которому армия подошла уже глубокой ночью, как раз, когда ударил сильный мороз. «Все старались протиснуться вперед, чтобы найти в городе защиту и теплое пристанище, вследствие чего у единственных ведущих в город ворот возникла жестокая суматоха, которая еще более увеличилась подходившими орудиями и обозными повозками. Люди, лошади, повозки в конце концов образовали один клубок, и только незначительной части войск удалось войти в город, в то время как большая часть должна была провести ночь в снегу, на морозе, под открытым небом». Но даже следующий день и отчасти ночь большая часть армии вынуждена была оставаться на улице. За это время от холода умерло от 3 до 4 тысяч человек. Можно было видеть замерзших кавалеристов, сидевших на своих лошадях, пехотинцев, крепко примерзших к деревьям или повозкам, к которым они в изнеможении прислонились в последние часы своей жизни. Но и те, кому в страшной давке и суматохе удалось все же протиснуться в Гадяч, выиграли немного: «...в самом городе ужасающие сцены были, если только это возможно, еще страшней. Одна треть города сгорела, а остальные две трети были далеко не в состоянии приютить целую армию. Почти каждый из этих домов превратился в лазарет, где хирурги были заняты отпиливанием замерзших частей тела или, по крайней мере, оперированием их. Проходившие по улице ежесекундно слышали вой несчастных и видели лежащие перед домами там и сям отрезанные части тела. А по улицам встречались больные, которым не удалось нигде найти пристанища и которые ползали по земле в немом отчаянии или в припадке сумасшествия».

Перебравшись с такими ужасными потерями в Гадяч, шведы и здесь не смогли долго усидеть. В конце декабря они попытались продвинуться на восток, в направлении Лебедина, где находилась ставка Петра I, но отчаянное сопротивление лежавшего по дороге небольшого городка Веприк (6 января 1709), вынудило их изменить план и пойти в Зенков, а затем в Опошню.

При штурме Веприка шведы потеряли 1200 человек убитыми и ранеными. Причем исключительно высоким

оказался процент убитых и тяжелораненых офицеров, и, как нарочно, пали самые лучшие, испытанные в многолетних боях чины командного состава. Никто, конечно, не рассчитывал, что при взятии этого слабо укрепленного полусела-полуместечка будут понесены столь серьезные потери. Веприк защищали всего несколько сотен солдат и местных жителей, но несмотря на свою малочисленность, они наотрез отклонили предложение о сдаче. К встрече неприятеля Русские приготовились заранее, сумев с невероятными трудностями, при жесточайшем морозе, наскоро соорудить вокруг городка земляной вал, а командовавший ими капитан Юрлов приказал облить его водой. Артиллерийский обстрел ничего не дал шведам: ядра отскакивали от обледенелых валов. Тогда на штурм бросилось четыре полка, два пехотных и два кавалерийских. Но ничтожный гарнизон Веприка, имевший всего четыре пушки, сумел отбить три приступа и прекратил сопротивление только после того, как у него истощился порох. Когда шведы ворвались в городок, они были потрясены несоразмерностью понесенных ими потерь в сравнении с ничтожными силами обороняющихся. Взятие такой дорогой ценой столь незначительного населенного пункта произвело на всю шведскую армию самое удручающее впечатление. А ведь Веприк был всего лишь одним из множества подобных эпизодов, в которых подтачивалась сила некогда могучей армии, и разлагался ее боевой дух.

Шведы отказались от дальнейшего продвижения на Лебедин. Из Опошны они, правда, предприняли опустошение ряда городков и местечек Слободской Украины (по линии: Опошня, Ахтырка и далее — на Краснокутск и Коломак), но никаких выгод, ни тактических, ни стратегических, это им не принесло, и они снова возвратились в Опошню (январь-февраль). Отсюда король постепенно продвигается к югу: сначала в Будиши и Жуки (середина марта — конец апреля), и, наконец, под полтавские валы. В этот-то момент и присоединились к шведской армии запорожцы Кости Гордиенко. Они, впрочем, скоро сообразили, что дела у шведов обстоят далеко не блестяще и потому, для подстраховки, отправили своих посланцев еще и в Крым. Об этом сообщал Царю посланник в Константинополе граф Толстой (11 апреля 1709): «4 числа получил я ведомость о злых за-

мыслах казаков запорожских: прислали к крымскому хану просить, чтоб их принял под свой протекцион, о чем хан известил Порту; от себя доношу, что ни малого о том не извольте иметь сомнения; сколько мне Бог помогает, тружусь усердно и уповаю на Бога, что Порты к соблазнам таких плутов не склонится».

Мазепа в это же время не жалел усилий для того, чтобы обрести дополнительных союзников шведскому королю, готовясь возложить на Малороссию помимо польского, еще и татарское ярмо. Тот же граф Толстой доносил (20 апреля): приехали татары из Крыма с объявлением Порте, что Мазепа просит хана вступить в казачью землю со всею ордою и помочь казакам освободиться от ига московского, за что обещает хану давать ежегодно из казачьей земли прежнюю дачу, которая шла в Крым из Москвы, а крепость Каменный Затон до основания разорить. Также и король польский Станислав заплатит за все прошлые годы, за которые ничего не присылал в Крым. И король шведский обещает богатые дары. Писал Мазепа не от одного себя, но от всей казачьей земли, и хотя теперь казаки, по-видимому, находятся в подданстве московском, однако с ним, Мазепою, все единомышленны. Писал изменник и к Юсуф-паше силистрийскому с просьбою придти к королю шведскому на помощь с войском. Турецкого пашу побуждал он не обещаниями, а страшал опасностями со стороны России: «Узнаете, что Москва простирает свои замыслы не на один Крым, но и на царство Оттоманское».

Но все эти интриги, затеваемые Мазепой, ни к какому практическому результату так и не повели: Порты в тот момент не была склонна «к соблазну таких плутов». Безрезультатно завершилась и трехмесячная осада Полтавы, а 27 июня 1709 г. в открытом бою с Русской армией шведы потерпели страшное, уничтожающее поражение. Это поражение было предопределено теми невосполнимыми потерями, которые понесла шведская армия в предыдущих боях. На поле под Полтавой Карлу XII удалось вывести только 19 тысяч шведов (еще 11 тысяч составляли нерегулярные вспомогательные отряды — волохи и прибывшие к Мазепе запорожцы), но и это уже была не та армия, которая еще за год до этого наводила страх на всю Европу. В лобовом столкновении с русскими войсками она смогла продержаться только два (!)

часа, а затем обратилась в паническое бегство, без всякого сопротивления сдавшись кавалерии Меншикова двое суток спустя у Переволочны. Сам король едва успел уйти за Днепр, в турецкие степи, бросив остатки своей армии на произвол судьбы.

Вместе с ним бежал и Мазепа. Но жить ему оставалось недолго. Полный крах всех честолюбивых замыслов, панический страх оказаться в руках Петра окончательно подорвали его жизненные силы. А после того как стало известно, что за его выдачу Царь обещал турецкому правительству огромную сумму в 300 тысяч рублей и уже дважды обращался с этой просьбой к падишаху (10 и 27 июля), изменник окончательно лишился сна и покоя. Прибыв в Бендеры (1 августа 1709), он уже не покидал постели и с каждым днем все более и более угасал. И хотя силистрийский паша принял его очень милостиво, Мазепа, зная, сколь огромным могуществом пользуются при оттоманском дворе червонцы, мог ожидать своей выдачи в любую минуту. Эта мрачная и неотвратимая перспектива преисполнила последние дни его существования мучительным страхом и глубокой скорбью, ускорив неизбежный конец. 22 августа Мазепа умер. Тело его по распоряжению Войнаровского было отвезено в Грац и там предано земле, причем в месте, о расположении которого знало всего несколько человек. Так в утайке и завершилась жизнь беглого изменника...

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ СВЯТЫЕ ПЕТР И ФЕВРОНИЯ

Житие муромских чудотворцев св. благоверных Петра и Февронии (иногда его именуют «Повестью о Петре и Февронии») наверняка знакомо многим читателям. Это великолепный памятник литературы XVI в., написанный живым, красочным языком народных сказаний и былин. Это и замечательный духовный памятник, представляющий нам идеал великой и чистой любви. Но редко обращают внимание, что Житие, кроме того, может дать весьма интересную историческую информацию — о том времени, когда оно создавалось.

Автор его хорошо известен, Ермолай Еразм: псковский монах, один из ученейших людей своей эпохи, не только писатель, но и богослов, мыслитель, математик. В феврале 1549 г. Иван Грозный созвал первый Земский Собор, так называемый «Собор примирения». Обратился ко «всей земле», вскрыв злоупотребления и недостатки, происходившие в период его юности, призвал простить друг другу прошлые вины и обиды. Были приняты решения о подготовке реформ, чтобы избежать подобных явлений в будущем. Народ откликнулся, к царю стали пересылать пожелания, проекты.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

До нас дошли работы преподобного Максима Грека, дворянина Ивана Пересветова. Среди авторов был и Ермолай Еразм. И если Пересветов делает упор на положении служилых людей, «воинников», то у Ермолая Еразма в центре внимания оказывается крестьянство. Он указывал: «В начале же всего потребни суть ратаеве, от их бо трудов есть хлеб, от сего же всех благих главизна»; «вся земля от царя и до простых людей тех трудов питаема», предлагал ряд реформ в налогообложении, земельном устройстве и т.д. Осюда можно предположить, что и сам он был выходцем из крестьян или сельского духовенства.

В целом его проекты были слишком смелыми для того времени и осуществлены не были, но, вероятно, Иван IV что-то использовал в своих преобразованиях. В начале 1550-х Ермолай Еразм переселяется в Москву, становится священником собора Спаса-на-Бору. А это была отнюдь не рядовая церквушка, это был дворцовый, привилегированный храм. Получить в нем место священника просто так, для неведомого приезжего «со стороны», было невозможно. Но путь к такому возвышению выглядит очевидным. Царь, ознакомившись с трудами Ермолая Еразма, счел их интересными и приблизил автора. Вызвал из Пскова и назначил на дворцовую службу, чтобы и дальше использовать его знания и способности.

А в 1552 г. состоялся поход на Казань. Эта война почиталась священной, после многих неудач требовалось раз и навсегда покончить с гнездом хищников, замучивших Русь вторжениями. Дорога на фронт самого царя напоминала паломничество. Во Владимире он поклонился мощам Александра Невского, Андрея Боголюбского и других святых князей, в Муроме — св. Петру и Февронии, крестителю здешней земли св. благоверному Константину с чадами его Михаилом и Феодором. И молитвы были услышаны, Господь даровал нашим ратникам победу. В благодарность Иван Грозный повелел строить целый ряд храмов. Только в Муроме их было заложено три: Спасо-Преображенский, Свято-Благовещенский (где упокоились мощи свв. Константина, Михаила и Феодора), Рождества Пресвятой Богородицы — куда перенесли мощи свв. Петра и Февронии.

Приближенный царя Аркадий в это время составляет Житие св. Александра Невского (во время молебна у гроб-

ницы святого у Аркадия исцелилась больная рука — это сочли добрым предзнаменованием в Казанском походе). Очевидно, тогда же Ермолаю Еразму было поручено написать Житие св. Петра и Февронии. Они являлись не только одними из заступников Руси, но и покровителями семьи и брака, и к ним Иван Грозный испытывал особую благодарность — жена Анастасия провожала его на войну беременной, и почти одновременно с победой он получил известие о рождении сына, наследника Дмитрия. Примерную дату написания Жития подтверждают и обстоятельства работы над ним. Его основой стали муромские предания, которые собирал Ермолай Еразм. Вряд ли он мог заниматься этим, когда жил во Пскове. Другое дело, когда был служителем столичного дворцового собора. Не исключено, что он вместе с многими другими священниками участвовал в походе на Казань.

Но как только мы уточняем время написания, невольно обращает на себя внимание сюжет Жития. Св. Петр убивает лютого змея, потом следует тяжелая болезнь. Петра выхаживает мудрая красавица Феврония, дальше — бунт бояр, не желающих служить княгине низкого рода, и супруги садятся на струги, плывут в изгнание... А теперь сопоставьте с реальными событиями, происходившими как раз в 1552—1553 гг. Иван Грозный берет Казань (а в русских сказаниях змей издревле символизировал ордынскую угрозу). Вслед за этим — опасная болезнь, Анастасия днюет и ночует у постели царя. И боярский бунт. Заговорщики не желают присягать младенцу Дмитрию, подчиняться царице (князь Ростовский возмущался, что царь «нас истеснил... поял рабу свою» — и как же нам «служити ей»?) До бегства дело не дошло, но после выздоровления, в мае 1553 г., государь и Анастасия отправляются на стругах на богомолье...

Сколько совпадений! Учтем, что автор был близок ко двору. В ходе работы над столь важным Житием его обязательно должны были читать и царь, и царица. А отсюда напрашивается в общем-то логичный вывод. В литературных образах свв. Петра и Февронии Ермолай Еразм так или иначе, вольно или невольно, должен был отразить какие-то черты Ивана и Анастасии. И это подтверждается текстом Жития. Например, в нем настойчиво подчеркивается, что муромские князья были «са-

модержцами» в своих владениях. Историческим реалиям XII — начала XIII в., когда жили и правили свв. Петр и Феврония, это не соответствует. Но было очень актуально в XVI в., Иван Грозный всюду выделял, что власть царя должна быть только самодержавной.

Причем стоит обратить внимание, св. Петр изображен в Житии довольно схематично. Главное действующее лицо — св. Феврония. Конечно, это вовсе не означает, что в царствующей семье лидировала жена. Это может означать другое — что Ермолай Еразм был ближе к ней, чем к царю. Известно, что в данное время за влияние на Ивана Грозного боролись группировки «избранной рады» Сильвестра — Адашева и родственников царицы, Захарьиных. В мятеже во время царской болезни отец Адашева поддержал князя Владимира Старицкого, собиравшего воинов для переворота. Карамзин и другие историки признают, что сторону Старицкого тайно держал Сильвестр. Но Ермолай Еразм в Житии явно не симпатизирует крамольным боярам — что подтверждает его близость к партии Захарьиных.

Кстати, если еще раз вспомнить об авторах реформаторских проектов, то и Иван Пересветов был человеком из окружения Захарьиных. Еще раньше он внес в правительство предложение об изготовлении щитов нового образца, и мастерскую, где начали их делать, возглавил боярин Михаил Захарьин-Юрьев. Вероятно, через родственников царицы Пересветов получил выход на государя, передал ему свои работы. Вполне может быть, что и труды Ермолая Еразма попали к Ивану Грозному тем же путем.

Ну а в итоге получается, что в образе св. Февронии, который изображен в Житии, мы с вами имеем литературный портрет Анастасии. Нет, разумеется, не доскопальный «рисунок с натуры». Автор был глубоко верующим человеком и писал именно о святой. Тем не менее, в произведении должны были отразиться реальные черты царицы. И ее портрет оказывается очень далеким от того, какой мы привыкли представлять Анастасию — эдакой бессловесной «тенью», сидевшей где-то в тереме, молившейся потихонечку и не игравшей никакой самостоятельной роли. Нет, мы видим весьма яркую личность. Умную, деятельную, энергичную, женщину-правительницу, женщину-политика, советницу царя, «чадолюбивую мать» для народа.

Неожиданно? Но, как ни парадоксально, все это подтверждается другими источниками! Если русские летописи приводят для Анастасии «стандартный» набор эпитетов: добродетель, смирение, набожность, то отмечают и ум — а его выделяли отнюдь не у всех цариц. Иван Грозный, отправляясь под Казань, дал жене чрезвычайно большие полномочия, «царскую волю». Вряд ли такие права могла получить женщина, не имевшая понятия о политических проблемах, чуждая вопросам государственного управления. Англичанин Горсей отмечает, что Анастасия была «мудрой», «влиятельной». А к тому, что ее почитали и любили подданные, добавляет — «боялись». Кто боялся? Уж наверное не простонародье, которое души в ней не чаяло.

Зато изменник Курбский в своих обвинениях откровенно нападает на «жен-чародеек», якобы дурно влиявших на московских властителей, настраивая их против «лучших» советников. Здесь имеются в виду жены Ивана III, Василия III, Софья Палеолог и Елена Глинская — и Анастасия тоже. После мартовского мятежа 1553 г. она становится главной противницей «избранной рады», к которой принадлежал и Курбский (и он подтверждает, что все «зло» шло «от Захарьиных»).

Иван IV в данное время еще вовсе не был Грозным по отношению к оппозиции. Оправившись от болезни, он простил всех изменников. Сильвестр и Адашев остались могущественными временщиками. Многие участники бунта получили повышения, чины бояр, окольных. Царь старался действовать истинно по-христиански: «И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим...» Но царица в страшные дни кризиса видела или слышала нечто такое, чего не знал муж, находившийся в беспомощности. Она сохранила твердое убеждение, что лидеры «избранной рады» — тайные враги царя и его семьи. Анастасия была уверена в этом, хотя и не имела доказательств. И она повела собственную борьбу.

Кстати, датировать написание Жития свв. Петра и Февронии косвенно помогает и предисловие к нему. Оно большое и довольно необычное для агиографической литературы, представляет собой как бы развернутый «символ веры». Кратко излагаются основные догматы Православия, учения о Св. Троице, сотворении мира, пришествии Христа, прославлении Господа через Его

святых. Наличие такого предисловия становится понятным, если учесть: в конце 1553-го — начале 1554 г. важное место в жизни страны заняли процессы над ересью «жидовствующих». Она выявилась из болтовни еретика Башкина, была раскрыта крупная организация. За ней следствие обнаружило еще несколько групп — Артемия Пустынника, Феодосия Косого. Прошел ряд заседаний Освященного Собора. И предисловие к Житию служит явным откликом тогдашних споров, оно буквально по пунктам противопоставляет православные взгляды утверждениям еретиков.

Именно эти процессы Анастасия и ее партия попытались использовать для атаки на противников — потому что открылись их связи с сектантами. Башкин вместе с Адашевым и Шуйским прежде выступали поручителями за князя Турунтая-Пронского, пытавшегося бежать в Литву. Члены еретической организации Борисовы-Бороздины приходились дядями по матери Владимиру Старицкому, поддерживали его во время бунта. А с Артемием Пустынником был напрямую связан Сильвестр. Передавал Ивану IV его поучения, ввел к царю его самого. По протекции Сильвестра никому не ведомый «старец» получил вдруг высокое назначение — игуменом Троице-Сергиева монастыря. Но пробыл им недолго, монахи заподозрили в настоятеле неладное, и он сбежал.

С обвинением выступил дьяк Висковатый. Однако из материалов суда видно, что он действовал не от себя лично. Нужные книги, чтобы подкрепить доводы, дьяку дали родственники царицы, Василий Захарьев-Юрьев и Михаил Морозов. Висковатый подал митрополиту «писанье», что «Башкин с Артемьем советовал, а Артемий с Сильвестром». Но удар был нанесен неумело. Желая поразить противника посильнее, к обвинениям добавили «до кучи» все что можно. В частности, что Сильвестр поместил в Благовещенском соборе неканонические иконы. А это легко опровергалось. Сильвестр имел сторонников среди церковников, бояр. Нажали на митрополита. И наряду с иконами все обвинение в целом было признано клеветой, за что собор наложил на Висковатого трехлетнюю епитимью.

Ну а царь даже к еретикам подошел очень милостиво для XVI в. Никого не казнил, ограничившись монастыр-

ским заключением. Причем главные фигуранты, Артемий Пустынник и Феодосий Косой, вообще не понесли наказания! Феодосий удрал из Москвы, Артемий — по пути на Соловки, куда был сослан. Оба каким-то образом скрылись из-под стражи, благополучно пересекли границу и очутились в Литве. А это, в свою очередь, служит еще одним доказательством — еретики и впрямь имели очень могущественных покровителей.

Царица и ее партия потерпели неудачу, но не успокоились, готовили следующую атаку. И летом 1554 г. внезапно задумал бежать в Литву князь Семен Ростовский. Он являлся одним из участников мятежа, но был прощен, получил боярство — а полтора года спустя он и его родня Ростовские, Лобановы, Приемковы, Катыревы почему-то настолько перепугались, что решили бросить огромные владения, богатства и спастись за рубежом. Почему? Как позже выяснилось, многие важные подробности заговора 1553 г. царю еще не были известны. А Ростовский обнаружил — к нему подбирается следствие, вот и забеспокоился, что «не удастся это дело укрыть». Спрашивается, кто же вел расследование? Не царь. Его действия по-прежнему контролировались «избранной радой» (куда входил и Ростовский). Остается единственный вариант — разбирательство вели Анастасия и ее родственники.

Попытка бегства провалилась. К королю Сигизмунду II был послан Никита Лобанов-Ростовский, договориться, чтобы приняли высокопоставленных эмигрантов. Его задержали, он раскололся. Изменники предстали перед судом Боярской Думы. Семен Ростовский действительно выложил много нового о прошлом заговоре, назвал организаторов, планы, признался, что царевича Дмитрия (а значит, и царицу) намеревались умертвить. Но, как отмечает академик Р.Г. Скрынников, исследовавший материалы процесса, судьи «намеренно не придали значения показаниям князя Семена насчет заговора... Главными сообщниками Семена Ростовского были объявлены княжие холопы». То есть дело замяли, не стали раскручивать клубок в боярской верхушке.

Хотя обвинений и без того хватило. Открылось, что крамольники были связаны не только с еретиками, а уже давно поддерживали контакты с Литвой, передавали ей военные и государственные секреты. Боярский суд при-

говорил Ростовского «со товарищи» к смерти. Но... и в этот раз кары не последовало. С ходатайством выступили митрополит, бояре. Сильвестр очередной раз напомнил царю о греховности гнева и ненависти, о долге государя быть милосердным и «кротким». Да и сам Иван Васильевич все еще не хотел проливать кровь своих подданных. Казнь заменил на довольно мягкую ссылку в Белоозеро. А временщики помогли, чтобы ее условия были еще мягче. Впоследствии Грозный писал Курбскому, что после осуждения Ростовского «поп Селивестр и с вами, своими злыми советниками, того собаку учал в великом бережении держати и помогати ему всем благими, и не токмо ему, но и всему его роду».

Нет, не Анастасия умиротворяла «ярость» царя! Он сам считал нужным воздерживаться от жестоких мер. А фавориты умело играли на этом в своих целях, поддерживали его убеждения. Царица, же, напротив, была сторонницей более решительных и радикальных действий. И мы имеем доказательство, что именно она и ее сторонники инициировали дело Ростовского, подтолкнувшее его к бегству. Сразу после суда над ним «избранная рада» нанесла ответный удар — по партии Анастасии! Власть временщиков оставалась огромной. В частности, Адашев возглавлял Челобитный приказ, имел прекрасную возможность инспирировать доносы на неугодных. Летописцы отмечали: если кто-либо посмел вызвать неудовольствие Адашева, такому человеку «бысть в тюрьме или сослану».

И покатилося! Летом 1554 г. Данила Захарьин-Юрьев был отстранен от должности дворецкого Большого Дворца, вслед за ним Владимир Захарьин-Юрьев снят с поста тверского дворецкого, отправлен в Казань. Опалам и ссылкам подверглись родственник Захарьиных казначей Головин, близкий к ним хранитель государственной печати Никита Фуников Курцов... Партия царицы подверглась самому натуральному разгрому! Зато в 1555 г. получили боярские чины Курбский — друг Адашева и Старицких, Катырев-Ростовский — один из вчерашних подсудимых, не сумевших сбежать в Литву. Да и Семен Ростовский через год был возвращен из ссылки ко двору.

Что ж, временщики подмяли под свое влияние Боярскую Думу, формировали из своих людей окружение

царя, удаляли из него противников. Кроме одного. Одного противника они удалить не могли. Анастасию. Она оставалась и каналом для передачи информации мужу. Не той, которую преподносили ему фавориты, а объективной — что реально делается в стране. И постепенно она добилась своего. Иван Васильевич начал по-иному оценивать ближайших советников, усомнился в их верности и честности. Об этом свидетельствует проведенная им вторая полоса реформ — во многом противоречившая первой, начала 1550-х.

В 1556 г. царь упразднил всю существовавшую систему администрации, наместников и волостелей. «Кормления», которые платило им население, обращались в государственный налог. Это позволило увеличить и реорганизовать армию, платить ей жалованье. Основой вооруженных сил становились не боярские дружины, а мелкое служилое дворянство (как предусматривал в свое время проект Пересветова). Административные и судебные функции наместников государь отдал земским выборным органам, наделив их огромными полномочиями. Отныне Русь превращалась в совершенно новый тип государства, земскую монархию! И сам Иван IV становился народным царем, опиравшимся на широкие слои населения. А для управления страной создавались новые учреждения, приказы: Поместный, Разрядный, Разбойный, Ямской, Конюшенный и др. Царь выводил все важнейшие вопросы из компетенции бояр и передавал профессиональным чиновникам, дьякам.

Кто помогал царю осуществлять эти реформы? «Избранная рада»? Вот уж нет! Как раз для нее был выгоднее старый порядок. Она же все посты наместников и волостелей захватила для своих родственников и клеветников, получавших на этом крупные доходы и безнаказанно творивших хищничества. Позже Курбский очень ругал царя за то, что он сделал своей опорой дьяков и выходцев из «низов» — в противовес знати. Реформы проводил сам государь. Но при этом он, без сомнения, должен был с кем-то посоветоваться, обсудить, взвесить свои шаги. А таким человеком рядом с ним была Анастасия. Возможно, она и подсказывала какие-то идеи, почему же нет? Ведь и св. Феврония «в женской голове имела... мудрость святых мужей», и они с мужем правили вместе, «как чадолюбивые отец и мать. Имели ко всем

равную любовь, не любили ни гордости, ни грабительства». Мы видим тот же идеал «народной» монархии.

Царь утратил доверие к временщикам и во внешней политике. Решающим шагом стал его отказ выполнять план, выработанный «избранной радой», — в союзе с Литвой выступить в поход на Крым. К чему это привело бы, мы сейчас знаем на примерах катастрофических походов Голицына в 1687 и 1689 гг. А ведь при Голицыне граница России лежала на 400—500 км южнее, чем при Иване IV. Крепости и базы снабжения продвинулись гораздо ближе к Крыму, идти требовалось меньше... Но вдобавок Литва, о «союзе» с которой договорился Адашев, на самом-то деле заключила тайный союз с крымским ханом. Авантюра неизбежно завершилась бы гибелью армии, возможно и царя. Или поражение, потери и вызванное ими возмущение облегчили бы переворот. В горячих спорах, разыгравшихся по данному поводу, Анастасия поддерживала мужа, помогала ему твердо противостать уговорам и давлению Сильвестра и прочих советников. Это стоило ей жизни. 7 августа 1560 г. царицы не стало.

В рамках одной статьи затруднительно раскрыть ту роль, которую сыграла Анастасия в жизни не только Ивана IV, но и всей страны. Более полно и подробно я постарался осветить это в своей книге «Царь Грозной Руси, отец казачества». Но красноречивой иллюстрацией, какой любовью и популярностью пользовалась царица, служат описания похорон. Летописи сообщают, что царь не мог сам идти, его «от великого стенания и жалости сердца едва под руки ведяху». Рыдал и весь народ. Люди запрудили улицы, мешая траурной процессии, старались прикоснуться к гробу, называя покойную «матерью». Власти пытались по обычаю раздавать милостыню — нищие ее не брали. Говорили, что в такой день не хотят никакой радости...

Точный диагноз Анастасии был поставлен уже в XX в. при химическом исследовании останков. Яд. Содержание мышьяка — в 10 раз, содержание ртути в костях в 4 раза, а в волосах в 100 раз выше максимально допустимого уровня. Судя по всему, травили не один раз, несколькими способами. Она и болела несколько раз. Слегла осенью 1559 г., но сумели выходить, выкарабкалась. Летом ее добили. Однако и заговорщики, устранив Ана-

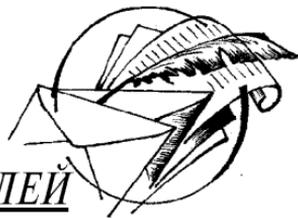
стасию, ничего не выиграли. В XVI в. химических анализов еще не делали, но симптомы отравления знали. И как раз тогда-то, после убийства любимой жены, Иван IV стал Грозным...

В Житии свв. Петра и Февронии изменники-бояре сами истребили друг друга. Изгнав княжескую чету, передрались за власть и «погибли от меча, кто хотел править — сам себя погубил». А святые супруги, вновь призванные народом, правили долго и мирно. На старости лет приняли монашеский постриг и ради своей любви испросили у Господа великую милость — преставиться в один день и один час. Благоверным Иоанну и Анастасии такого счастья было не дано... Им выпал иной подвиг — борьбы.

НУЖНА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Несколько лет тому назад престарелый москвич, позвонив в «Эхо Москвы», задал вопрос В. Рыжкову, депутату Госдумы: «Люди сейчас бедствуют, исчезают бесплатные медицина и образование, вклады населения, народ ничего не получил за ваучеры. Не считаете ли вы, что у виновников этого, Ельцина и Черномырдина, необходимо конфисковать имущество?» В. Рыжков признал все вышеперечисленные факты, но сделал парадоксальный вывод: «При чем здесь Ельцин и Черномырдин? Надо промышленность поднимать!»

Когда человек боится чего-то, он начинает лгать, юлить, увертываться, т.е. грех рождает грех, а страх-грех рождает ложь-грех. В нашем случае молодой Рыжков, бывший сподвижник и ученик Черномырдина, не нашел в себе силы назвать своего бывшего шефа на всю страну виновным в нищете народа. Не от страха ли? Возникает вопрос: «Смог бы Ельцин довести страну «до ручки», если бы был высоконравственным человеком: честным, порядочным, скромным, добрым, отзывчивым, справедливым?» Ответ очевиден.

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Нравственность, а не рост промышленности — мерило всему. Каких-то 17–20 лет назад общество обладало очень высоким нравственным потенциалом (идеологические рамки, скудный бытовой ассортимент — другая тема). Да, нам мешали в чрезмерных дозах коммунистическая идеология, отсутствие предпринимательства, ограничение свободы слова и т.д. Но это несравнимо с тем, как много мы потеряли и прежде всего полностью утратили нравственность, совесть. Сейчас добропорядочный на вид педагог может пожалеть об отсутствии у нас публичных домов, мотивируя это тем, что при наличии оных меньше будет сифилиса и СПИДа. Другой пример: внук убивает бабушку из-за 100 рублей, которых ему не хватает на дискотеку. Человеческая жизнь ничего не стоит, а обилие крови и убийств ужасает.

С потерей нравственности человек мало похож на человека, суть его стала звериной, и сейчас у людей два пути: либо опомниться, либо погибнуть. Лучше опомниться и вспомнить обо всем хорошем из недавнего прошлого, чтобы рассчитывать на дальнейшее развитие, ибо кто забывает (или ругает) прошлое, тот не имеет будущего. И какой бы кровавой и беспокойной наша история ни была, она — наша, и на ее ошибках должно нам учиться. Вопрос о нравственности перекликается с вопросом о собственности, где мерилом должна быть справедливость. Наглядным примером справедливости в распределении собственности являются Арабские Эмираты, где природные богатства являются народным достоянием, и каждый житель этой страны имеет пожизненную природную ренту.

Другим примером может послужить Швеция, где за счет справедливого прогрессивного налога богатые кормят бедных, а женщина-мать имеет сказочные льготы.

Китай — тоже отличный пример, где правит единая идеология, а экономика многоукладна. Почему же мы, русские, погнались за Америкой, где более трех миллионов нищих, где ученик запросто может расстрелять полкласса?

«Россия — это не страна, это — Вселенная!» — когда-то изрекла Екатерина II. Наша Россия-Вселенная способна вобрать всё лучшее, что есть в южных, западных и восточных странах.

Свобода слова и гласность дали нам возможность узнать, насколько мы богаты. Леса, реки, нефть, золото,

газ, уголь, рыба, моря, океаны — это всё наше! Было бы преступлением смириться с нищетой народа при таком богатстве.

Сотни млрд. долларов утекают через черные дыры из страны ежегодно. Несметные богатства олигархов, все их виллы, яхты, самолеты, резиденции — это всё наше! В нормальных странах доходы богатых не превышают доходы бедных более чем в 5–7 раз, у нас — в миллион (доход олигарха составляет 30 млн. долларов в месяц, а доходы 40 % населения России — 100–200 долларов в месяц). Но зарплата — не основной доход населения. Должна быть определена, назначена и регулярно выплачиваться каждому гражданину России природная рента. Для этого необходимо, чтобы этими богатствами распоряжались народ и государство, а не кучка проходимцев.

Чтобы выровнять доходы граждан, нужен прогрессивный налог, тогда «новые русские» будут кормить «бедных русских».

Чтобы прекратить вымирание нации, надо очень высоко оплачивать труд женщины-матери, главная работа которой дома, в семье.

Вот, на мой взгляд, три основных направления, ведущих к социальной справедливости по-русски, к построению социального государства. Все остальные меры: госконтроль над экономикой и торговлей, частичная деприватизация, долгосрочное планирование и т.д. — безусловно, мельче, но обязательны. И все это можно сделать быстро, усилием воли первых лиц страны. Лукашенко ведь сделал! А когда появится у людей перспектива долгой, спокойной и сытой жизни, сразу исчезнут все войны и споры, в том числе и в Чечне. Все народы России и ближнего зарубежья истосковались по справедливости. Пора возрождать былые светлые традиции, но теперь уже с русским оттенком!

*Л. Яковенко,
г. Саратов*

ЗНАКИ ПРИПОМИНАНИЯ

«ВЫ НЕНАВИДИТЕ ДОБРОЕ И ЛЮБИТЕ ЗЛОЕ;
СДИРАЕТЕ С НИХ КОЖУ ИХ
И ПЛОТЬ С КОСТЕЙ ИХ» (Мих. 3, 2)

Я проводил лето в деревне в ту пору, когда еще не стыдно было ходить без штанов. На току во время жатвы я зачем-то собирал прихваченных комбайном с зерном кузнечиков в бутылку из-под лимонада. У меня тогда и мысли не было мучить безвредных кузнечиков — они не кусались, их было интересно ловить и просто слушать их стрекотание в теплую погоду. В бутылке кузнечикам было невероятно темно, не хватало воздуха, они быстро задохнулись и издавали неприятный запах. Тогда их приходилось вытряхивать. Целая жизнь прошла, чтобы я вспомнил этот «невинный» эпизод моего детства. Много потом было подобных «развлечений»: отрывал мухам крылышки, чтобы они беспомощно ползали по столу, вставлял шмелям травинку вместо жала, убивал пауков, выдергивал у косинок длинные лапки, чтобы они «сами» «косили» и прочее, и прочее, и прочее. Дети — на удивление жестокие создания. Родители объясняют это любознательнос-

Продолжение. Начало в №4 за 2009 г.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

тью, но теперь я так не думаю. Застал бы родное чадо за таким занятием и поместил бы ему по мягкому месту сколько моя душа требовала. Тогда и сработал бы — на всю жизнь! — удивительный закон педагогики: лупишь по заду, а входит в голову. Да я и сам с возрастом поумнел.

ПТИЦЕЛОВ

*Промышлял невольничьим товаром
Знаменитый Васька-птицелов,
Русским, иудеям и татарам
Продавая славок и щеглов.
Как никто, везучий в этом деле,
Соловьев отлавливал весной,
Но зато в запойные недели
Сторонился заросли лесной.
И когда он умирал в больнице,
То над сердцем шарила рука,
Словно впрямь им пойманные птицы
Рвали грудь у левого соска.*

Яков Козловский

Но здесь у пернатых был хоть маленький, но шанс остаться живыми и вырваться когда-нибудь на свободу. А что творится при промышленном использовании животных, даже страшно писать. Но не пропускайте эти короткие строчки: на Страшном Суде «братья наши меньшие» сами обличат человека в его чудовищных преступлениях.

Миллионы молочных коров на фермах страдают от воспаления молочной железы, туберкулеза и других заболеваний, связанных с беспощадной эксплуатацией. Здоровая корова может прожить 30 лет, а доживает до пяти. Маленькие поросята содержатся в переполненных стойлах и, чтобы хоть как-то поиграть — они же дети! — кусают друг другу хвосты, нанося себе вред. Что в таком случае делает «человек разумный»? Правильно — отрезает им хвостики. Курица-бройлер растет так быстро, что достигает убойного веса за шесть недель. Ее ноги не могут выдержать такого веса, они вынуждены все время лежать, страдая от язв на груди. А кур-несушек помещают на всю жизнь в клетку, где на нее приходится пло-

шадь ее тела. От неимоверной тесноты, при невозможности расправить крылья они начинают клевать друг друга. Что делает в таком случае «человек разумный»? Правильно: он отрезает им кончики клювов раскаленными инструментами. В 1999 году в лабораториях одной только Германии было искромсано, отравлено или инфицировано 1,6 миллиона собак, кошек, обезьян, крыс и мышей.

А кошки и собаки с вживленными электродами, обезьяны с наполовину вскрытой черепной коробкой, привязанные к врачевным креслам? На животных испытывают лекарства, строительные материалы, косметику...

Кролику наносят на роговицу глаза испытуемый косметический препарат и ждут, пока роговица не омертвет. Кролик обездвижен — он не может потерять лапой глаз, разъедаемый препаратом. Мучения животного прекращаются лишь тогда, когда наступает помутнение роговицы. А по ТВ показывают, как в Турции, где птичий грипп уже убивает людей, несчастных домашних птиц живьем сбрасывают в яму и засыпают землей. Неужели мы уже не в состоянии даже безболезненно убить?..

Я слышу, как вы кричите: «Хватит!» Я полностью с вами согласен — хватит! Или потребности «царя природы» важнее мук всех живущих с ним бок о бок?..

«Помню, лошадь гоняли по кругу — так в деревне месили навоз. Затянули бедняге подпругу, и отец мой арапник принес. Крепко били! Проклятья летели! И она от побоев слегла. Но родители знать не хотели, что двухлетка просила седла» (Егор Митасов).

Ах, как хотелось бы вытряхнуть из памяти загубленных кузнечиков! Но совесть — не бутылка из-под лимонада...

*Тепло родительского крова
В деревне, выжженной дотла,
Хранил не кто-нибудь — корова,
Она кормилицей была.
Казалось, что она — скотина.
И вот, поди, закон для всех,
Ее не то чтоб хворостиной,
Обидеть словом было грех.
Глазами грустными, бывало,
Так глянет в душу глубоко.
Она уж точно понимала,*

*Что нам живется нелегко.
Коровий сон зимой короткий:
Февраль выветривал тепло.
За тонкую перегородкой
Она вздыхала тяжело.
А ей самой бы прокормиться,
На целый день соломы клок,
Пока не встанет на копытца
Ее беспомощный телок.*

Виктор Дронников

«ЛИЦЕМЕР! ВЫНЬ ПРЕЖДЕ БРЕВНО
ИЗ ТВОЕГО ГЛАЗА...» (Мф. 7, 5)

Приходит мне письмо по электронной почте от читателя из другого города, с которым мы иногда перебрасываемся посланиями, но лично не знакомы. «Я с большим уважением отношусь к вашей работе, очень болею за то, чтобы ваши издания развивались и были ограждены от всякой грязи, — пишет он. — Но вот какую информацию дал мне один проверенный человек, мой друг, православный, живущий ныне в Израиле». И далее идут подробные обвинения в адрес одного из моих сотрудников во всех смертных грехах. Завершается письмо словами: «Не хочу, чтобы меня мучили сомнения относительно этого человека, поэтому прошу лишь написать мне, соответствуют ли изложенные факты действительности. Я вам доверяю».

А надо сказать, что речь идет о фактах почти двадцатилетней давности, когда я не только не был знаком с сотрудником, но и сам находился по уши в зловонной грязи.

И еще одну закономерность подметил я в переписке с читателем: как только начинается пост, он непременно пишет мне какую-нибудь гадость. Не обо мне, нет — о других. Наверное, «крутит» моего читателя в дни поста; иначе чем объяснить такую закономерность?

КЛЕВЕТА.

«Она ползет, она шипит змеино. Метет углы шершавым языком. И тянется по следу длинно-длинно. И к дому подбирается тайком. И по дорожке заспанной, полноч-

ной, когда стоят все двери под крючком, она крадется к скважине замочной и оловянным пялится зрачком. Потом идет по городу судачить. Живых и мертвых исподволь бранить. Ей надо все вокруг переиначить. Пересобачить. И перечернить. Ей надо сделать сильного бессильным. Людскую радость завистью скосить. И в мелкозубой ярости крысиной слушком поганым душу укусить. И спрятаться. И в тайнике безвестным скрипеть пером, ползучим и тупым. Ей надо сделать честного бесчестным. Мечту бескрылой. Зрячего слепым. О, дай мне, время, зрение такое, что за сто верст найти наверняка стреляющего подлою строкою, укрытого в норе клеветника. Он стонит слез, он столько стонит крови, что я — в людскую веря доброту — без лишних слов, без долгих предисловий рубил бы языки за клевету!» (Сергей Островой).

Пришлось ответить. «Александр! Вольно или невольно, однако вы бросили в меня кусок грязи. Я, конечно, покажу письмо своему духовнику, но заранее знаю, что он ответит: «Брось камень в того, кто без греха». И добавит непременно: «На себя смотри, на грехи собственные, а не в чужих ковыряйся». И я с ним полностью согласен.

Начал припоминать, что я творил два десятилетия тому назад, но бросил: батюшка запрещает вспоминать исповеданные грехи, от которых ты сумел отстать.

*Я сам себе корежил жизнь,
Валяя дурака.
От моря лжи до моря ржи
Дорога велика.
Вся жизнь моя такое что?
В какой тупик зашла?
Она не то, не то, не то,
Чем быть должна!*

*А телеграфные столбы
Идут куда-то вдаль.
Прошедшее жалеть бы стал,
Да прошлого не жаль.
Я к цели не пришел еще,
Идти надо века.
Дорога — это хорошо,
Дорога далека!*

Николай Глазков

Господь сказал: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел спасать не праведников, но грешников к покаянию» (Мк. 2, 17) — в этих словах заключен величайший смысл Его появления в человеческом образе среди людей. Пусть ваш иерусалимский друг побольше думает о своей душе; каждый перед Богом будет отвечать на Страшном Суде только за себя. Почитайте, что говорят святые отцы об осуждении:

«Лучше о себе сказать худое, нежели говорить худо о другом. Если кто, желая позабавить себя, выставляет другого на посмешище, то воображай себе, что предметом смеха служишь ты сам, и в таком случае слова его более огорчат тебя» (Свт. Григорий Богослов).

«Кто осуждает других, тому нужно, чтобы не осуждали его собственные дела». (Прп. Ефрем Сирий).

Или вспомните евангельскую притчу о женщине, нарушившей седьмую заповедь. Архиепископ Иоанн (Шаховский) пишет: «Вот разъяренная толпа подходит к Спасителю. Она влечет женщину, «взятую в прелюбодеянии», и готова за это побить камнями... Как благоговейно эта толпа выслушивает мудрый и кроткий ответ Спасителя на свой вопрос, и как сильно, живо говорит в это время совесть человеческая в каждом из этой толпы... Разве нечто такое возможно теперь? Безмолвные, обличаемые внутренним судом совести, эти грешники рассеиваются...»

**«ВОТ ЧТО НЕНАВИДИТ ГОСПОДЬ: ГЛАЗА ГОРДЫЕ,
ЯЗЫК ЛЖИВЫЙ И РУКИ, ПРОЛИВАЮЩИЕ
КРОВЬ НЕВИННУЮ» (Притч. 6, 16—17)**

*Глухарь — реликтовая птица,
В планету вросшая на треть,
Единственный, кто не боится
Самозабвенно песни петь.*

*Мы все поем любимых ради
Под небом, полным синевы.
Но недруга почуяв сзади,
Бежим или идем на Вы.*

*Ни человек, ни зверь, ни птица
Не разорвали этот круг.*

Один глухарь не знает страха,
Когда зовет своих подруг.

Тысячелетий сбросив бремя,
Вокруг не слыша ничего,
Он весь — любовь. И в это время
Убить удобнее его.

Сергей Щербаков

«Дед-лесничий заплакал, пожалуй бы, только слезы ему не под стать. Написал бы кому-нибудь жалобы, но кому он их будет писать. Дребезжат над лесами початыми электрических пил голоса... Что поделать: бумаги с печатями разрешили калечить леса. И задумчивый голос лесничего очутился минувшей весной не в лесу, среди гомона птичьего, а на голой опушке лесной. Но в ночной глухомани таинственной ежевесенно слушал старик на сосне уцелевшей единственной глухаря одинокого крик. И тогда он вставал среди полночи, отгоняя тревожные сны, и натягивал старые помочи, и снимал дробовик со стены. Шел — и в небо глядел бездонное. В ствол — патрон, и курок — на взвод. Шел и слушал, как птица бездомная понапрасну кого-то зовет. Как судьбу прокликает лютую, встав во весь глухариный рост, длинно вытянув шею надутую, крылья книзу и веером хвост. Унеслась молодежь глухариная токовища другие искать. Старика же привычка старинная никуда не желает пускать. В продолжение месяца целого дед-лесничий ружьишко таскал. Сколько раз он его нацеливал!.. Сколько раз он его опускал!.. Сколько раз он ходил задумчиво, спотыкаясь о рыхлые пни... Комары поднимались тучами, предвещая погожие дни. Лес убит... И безгласными судьями на болоте кончали свой век друг на друга похожие судьбами птица старая и человек» (Владимир Морозов).

ВТОРАЯ ИСТОРИЯ:

«Лесничий встречал нас и хлебом и солью, теперь на лице, перекошенном болью, одно недоверье. И запертый дом. — Послушай, лесничий, мы тоже живые... И наша дорога не так уж легка... Непустишь — не надо, хотя не чужие. Но что же случилось? И где же рука? — От этих вопросов он

словно взбесился... И кто-то из нас извиниться успел. Он как-то помялся, заметно смутился. Мы сели на бревна, и он подобрел: — Скажу я вам, братцы, что нет полумеры в лесническом деле. Все как на войне. Меня привязали к сосне браконьеры, убили собаку и скрылись во тьме. Да благо студенты искали науку, случайно наткнулись да в город свезли. Потом уж в больнице отрезали руку. Но только бандитов пока не нашли. Они ведь не лесом у нас промышляют. К чему теперь в городе хворост и пень? А все потому эти бестии шляют, что в нашем хозяйстве красавец олень. — Он раньше встречал нас и хлебом и солью, и теплым приютом, и диким вином... Теперь на лице, перекошенном болью, одно недоверье и запертый дом» (Егор Митасов).

ТРЕТЬЯ ИСТОРИЯ:

*Тем утром, радостным и вешним,
В лесу гудело и тряслось.
Свои рога через орешник
Нес молодой тяжелый лось.*

*Он трогал пристально и жадно
Струю холодного ключа,
Играли солнечные пятна
На полированных плечах.*

*Когда любовный зов подруги,
Вдруг прилетев издалека,
Его заставил стать упругим
И бросить на спину рога.*

*Но в миг, когда он шел долиной,
Одним желаньем увлечен,
Зрачок стального карабина
Всмотрелся в левое плечо.*

*Неверно дрогнули колена.
И раскатился скорбный звук.
И кровь, слабея постепенно
Лилась толчками на траву.*

*А за кустом, шагах в полсотни,
Куда он чуть дойти не смог,
Привесил к поясу охотник
Умело сделанный манок.*

Владимир Солоухин

А бывает и так:

*«Курок велел, и пуля-псина впилась, рыча, в лосиный мех.
Но только вздрогнула махина, не останавливая бег. Метал-
ся выстрел, длилось эхо в лесу, как дальняя гроза, робея —
после неуспеха — встречать охотника глаза. А тот пустую
гильзу сбросил и вслед — отметину плевка: «Дуплетом надо
было лося, тогда б свалил наверняка». Струился снег с мох-
натых елей, ложась, как чистые бинты, на крови алые ка-
пели и на неровные следы. Замолкло эхо. Стало тихо. И лось
упал передохнуть. Но тщетно тыкалась лосиха в его про-
стреленную грудь» (Юрий ШУТОВ).*

Продолжение следует

**Книжная лавка Союза писателей России
и «Русская книга — почтой» представляют книги
современных авторов**

Проза

Валерий Ганичев: «Росс непобедимый»; «Ушаков».

Владимир Личутин: «Раскол»; «Последний колдун».

Николай Кузьмин: «Возмездие».

Валерий Казаков: «Тень гоблина»; «Прогнутые небеса»; «Асфальт и тени»; «Записки колониального человека»; «Сон в бессонницу».

Евгений Нефедов: «Миг абсолютного счастья»; «Вечный круг».

Александр Поляков: «Огненный Авва».

Валерий Хатюшин: «Не изменяй себе».

Александр Трапезников: «Царские врата»; «Тень луны»; «Муравленко».

Александр Сегень: «Господа и товарищи»; «Поп».

Михаил Попов: «План спасения СССР»; «Пуля для эрцгерцога»; «Тьма египетская».

Владимир Пронский: «Провинция слез»; «Племя сирот»; «Казачья засека»; «Легкая дорога».

Лидия Сычева: «Уже и больные замуж повыходили»; «Вдвоем».

Дорогань Олег: «Непобедимые русские смыслы».

Сергей Щербаков: «Ближние»; «Рабочая собака».

Поэзия

Александр Кувакин: «Господне ремесло».

Анна Панова: «Испорченный мир».

Валентин Сорокин: «Ты моя»; «За одну тебя»; «Где твой меч?».

Андрей Старцев: «Последний пророк».

Алексей Шорохов: «Оправдание поэзии».

Евгений Юшин: «За околицей рая».

Кувакин, Лукин, Черепанов, Шорохов, Суворов: «Самое самое. Пять поэтов».

Книги можно приобрести наложенным платежом по почте, заказав их по адресу: 119146, Москва, Комсомольский пр-т, д. 13 (Союз писателей), «Русская книга — почтой» и 119590 Москва, ул. Довженко, д. 6, «Русская книга — почтой».

Справки по телефонам (495) 972-65-87 (с 10.00 до 21.00 ежедневно); 8-499-246-11-87 (с 11.00 до 19.00, в субботу с 12.00 до 16.00) и на e-mail: russkniga@mail.ru